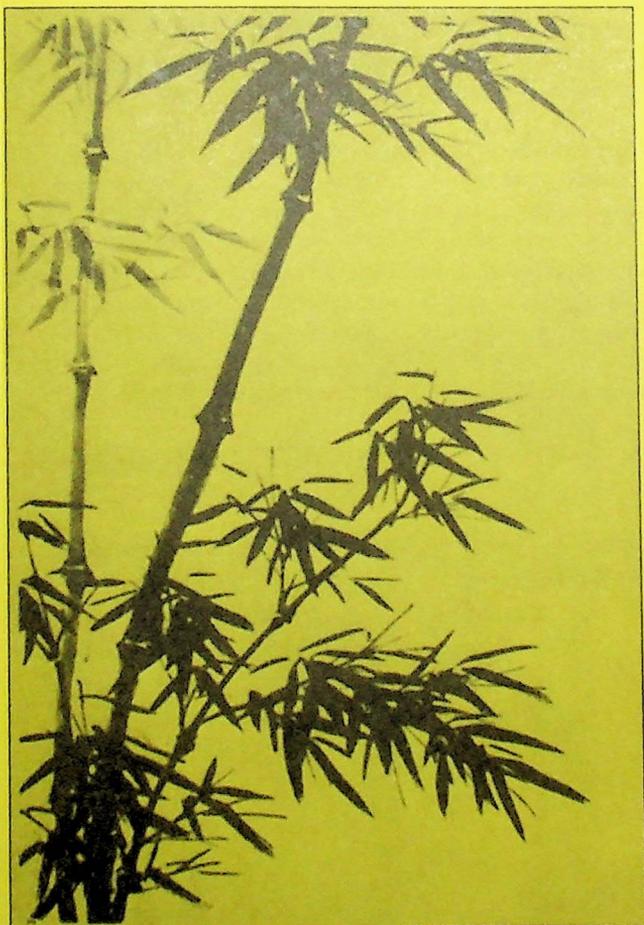

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1/2011

ISSN 0131-2812

Меняющийся Китай в меняющемся
мире. Круглый стол ПДВ

Десятая конференция ученых России,
Индии и Китая

Корейский полуостров:
у опасной черты

Китай во время и после
мирового экономического кризиса

Рой Медведев о некоторых эпизодах
советско-китайских отношений

XIX Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» состоится 19–21 октября 2011 г. в Москве, в Институте Дальнего Востока РАН.

Главная тема конференции — «Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации (К 100-летию Синьхайской революции)».

Конференция будет проведена Институтом Дальнего Востока РАН совместно с Научным советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, Обществом российско-китайской дружбы, Российско-китайским комитетом дружбы, мира и развития.

Научной программой XIX конференции кроме двух пленарных заседаний предусматривается работа следующих секций:

– КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ (1911–2011 гг.)

(руководитель: В.Я. Портяков)

– ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР В ЕВРАЗИИ (руководитель: С.Г. Лузянин)

– ЭКОНОМИКА (руководитель: А.В. Островский)

– СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (руководитель: Д.А.Смирнов).

– ИСТОРИЯ (руководители: В.Н. Усов, Н.Л. Мамаева)

– ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ, ЯЗЫК (руководители А.Е. Лукьянов, О.И. Завьялова)

В рамках конференции будет организован «Круглый стол» на тему: 100 лет РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Руководитель академик М.Л. Титаренко.

Приглашаем российских и зарубежных ученых принять участие в работе конференции.

Информация о конференции размещена на сайте: www.ifes-ras.ru.

С целью своевременной публикации тезисов докладов организаторы конференции просят авторов соблюдать следующие условия: подача тезисов осуществляется до 15 мая 2011 г.; объем тезисов, оформленных без сносок, не должен превышать 4000 символов с пробелами (в формате RTF в электронном виде, кегль 14); Ф.И.О. (полностью), место работы и ученая степень автора указываются в правом верхнем углу. Заявку с указанием электронного адреса, телефона автора и названия секции следует направлять в «Оргкомитет» с пометкой по адресу: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН или по электронной почте С.А. Горбуновой: gorbunova@ifes-ras.ru, (тел.: 8(499)129-02-22)

*Председатель оргкомитета Андрей Владимирович Островский
(тел. 8(499)129-02-22)*

*и Научного Совета РАН по проблемам ком-
садемик Михаил Леонтьевич Титаренко*

№1

2-й экз.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2011

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

От главного редактора.....3

ДОКУМЕНТЫ

Совместное коммюнике 10-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики.....4

ДЕСЯТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ УЧЕНЫХ РОССИИ, ИНДИИ И КИТАЯ

Пресс-релиз 10-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая.....9

С. Лузянин. ШОС: проблемы безопасности и перспективы сотрудничества в Евразии 11

М. Моханти. Потенциальные возможности РИК в решении глобальных и региональных проблем 17

Чжоу Ган. Китайско-индийские отношения в рамках трехстороннего китайско-российско-индийского сотрудничества.....20

С. Уянаев. РИК: проблемы и перспективы секторального диалога 26

Л. Норонха. Копенгагенская договоренность и сотрудничество в формате Россия—Индия—Китай.....28

Чжао Цзюнь. Проблемы безопасности в Центральной Азии и возможности наращивания сотрудничества Китая, России и Индии в сфере безопасности41

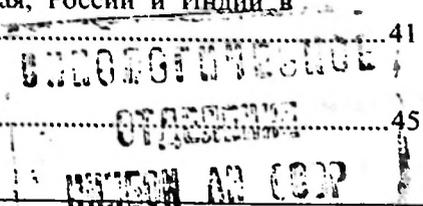
Круглый стол в ПДВ

Меняющийся Китай в меняющемся мире.....45

© Российская академия наук, 2011 г.

© Редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2011 г.

Р-У 7к3.

ПОЛИТИКА

- А. Жебин.* Корейский полуостров: у опасной черты..... 123
В. Портяков. Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен..... 135

ЭКОНОМИКА

- М. Потапов.* Китай во время и после мирового кризиса..... 150
В. Нехорошков. Перспективы развития проекта соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей: инвестиционный аспект..... 157

ИСТОРИЯ

- Р. Медведев.* Китай и распад СССР..... 166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Клименко.* Российско-китайская научная конференция в ИДВ РАН «Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне» 175
А. Крушинский. И цзин в XXI веке. 5-я международная изиноведческая конференция в Сянгане 183
Contents..... 187
Summary 188

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (*зам. главного редактора*), А.З. Жебин, Е.И. Зеленеv, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*), В.Н. Усов.

От главного редактора

Уважаемые коллеги!

Наступивший 2011 год богат на памятные даты, связанные с Китаем и российско-китайскими отношениями. Главная из них, безусловно, это столетие Синьхайской революции. Логически и исторически тесно связаны между собой 20-летие заключения Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее восточной части (16 мая 1991 г.) и 10-летие российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (16 июля 2001 г.). Анализу этих важных событий и их политико-историческому значению будут посвящены специальные публикации в нашем журнале.

Как и раньше, журнал будет всесторонне и объективно освещать непростую ситуацию на Корейском полуострове, актуальные проблемы развития Японии, Монголии, Восточной Азии в целом, исторические события и культурную жизнь региона.

В настоящее время Дальний Восток привлекает к себе наибольшее за весь постсоветский период внимание руководства, экспертных кругов и широкой общественности Российской Федерации. Это связано как с подготовкой к саммиту Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в сентябре 2012 г. во Владивостоке, так и с долгосрочными программами развития территории — национальной, рассчитанной до 2025 г., и международной, предусматривающей разнообразное взаимодействие в период до 2018 г. с соседними провинциями КНР. Рассчитываем на активное участие в освещении этих вопросов ученых и специалистов, особенно дальневосточников.

Заметное внимание в 2011 г. будет уделено анализу итогов 11-й пятилетки социально-экономического развития КНР (2006–2010 гг.) и планов на следующее пятилетие.

Надеемся и на наполнение новыми интересными статьями таких разделов журнала, как «Природопользование» и «Вопросы теории и методологии».

По сложившейся традиции журнал продолжит освещать научную жизнь в регионе, деятельность Общества российско-китайской дружбы, рецензировать новинки научной литературы по проблемам Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Уважаемые читатели! Надеюсь, что журнал «Проблемы Дальнего Востока» и в 2011 г. останется нужным и интересным для вас.

Владимир Портяков

Документы

Совместное коммюнике 10-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики

1. 10-я встреча министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики состоялась 15 ноября 2010 г. в Ухане, Китай.

2. Министры выразили уверенность в том, что трехсторонний механизм встреч позволил углубить координацию и сотрудничество между тремя странами по международным и региональным проблемам и содействовал продвижению многосторонности и демократии в международных отношениях. Министры иностранных дел подтвердили, что сотрудничество между Россией, Индией и Китаем не направлено против какой бы то ни было другой страны.

3. Министры выразили удовлетворение усилиями трех стран по реализации решений, принятых в ходе встречи в Бангалоре 27 октября 2009 г. Министры дали оценку прогрессу, достигнутому в различных областях трехстороннего сотрудничества, и сошлись во мнении, что взаимодействие между аналитическими центрами и деловыми кругами, а также в сфере сельского хозяйства, чрезвычайного реагирования и здравоохранения способствовало развитию трехсторонних отношений. Они вновь подчеркнули свою твердую приверженность развитию существующего взаимодействия, изучению потенциала сотрудничества и наращиванию кооперации в таких сферах, как энергетика, высокие технологии, инновации, космос, гуманитарные и культурные обмены.

4. Министры отметили, что в результате стихийных бедствий в нынешнем году их страны понесли людские и материальные потери. Они высоко оценили результаты трехсторонней российско-индийско-китайской встречи экспертов по вопросам чрезвычайного реагирования, которая состоялась 12–13 ноября 2010 г. в Нью-Дели, и рассчитывают на проведение следующей встречи, запланированной в России во второй половине 2011 года.

5. Министры отметили наличие большого потенциала взаимовыгодного сотрудничества в области здравоохранения и медицины. Они ожидают доклада по итогам очередной встречи экспертов в области здравоохранения и медицины, которая должна состояться в России в первой половине 2011 года. Они отметили, что дальнейшее взаимодействие будет охватывать вопросы формирования эффективных механизмов борьбы с инфекционными заболеваниями и обеспечения безопасности продуктов питания.

6. Министры подчеркнули важность обмена опытом в аграрной сфере и ожидают рекомендаций экспертов по итогам трехсторонней встречи по сотрудничеству в области сельского хозяйства, которая должна состояться в 2011 году в Нью-Дели.

7. Министры с удовлетворением отметили рост объемов торговли и взаимных инвестиций между тремя странами. Они выразили надежду на то, что представители торгово-промышленных палат трех стран на предстоящей 30 ноября 2010 г. в Нью-Дели встрече по подготовке трехстороннего Делового форума РИК в 2011 году в России смогут выработать инновационные механизмы подлинных, содержательных деловых альянсов в согласованных приоритетных секторах.

8. Министры дали высокую оценку существенному вкладу трехсторонних встреч представителей академических кругов в стимулирование научного диалога по политическим и стратегическим вопросам, имеющим важное значение для трех стран. Они приветствовали результаты 10-й встречи ученых России, Индии и Китая в сентябре 2010 года в Москве и надеются на успешное проведение 11-й конференции в 2011 году в Китае.

9. Министры приветствовали предложения российской стороны по развитию секторального сотрудничества в области энергетики и в инновационной сфере и договорились о проведении встреч экспертов в этих областях.

10. Министры обменялись мнениями по современной международной ситуации и единодушно констатировали близость или единство подходов к различным международным и региональным проблемам, а также наличие прочной основы для взаимного сотрудничества. Министры разделяют мнение о том, что мир переживает крупные и стремительные изменения. Они выразили поддержку многополярному, справедливому и демократическому миропорядку, основанному на принципах международного права, взаимного уважения, сотрудничества, на согласованных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами. Министры выразили твердую приверженность использованию многосторонних инструментов для поиска совместных решений глобальных и региональных проблем.

11. Министры отметили, что в этом году исполняется 65 лет со дня окончания Второй мировой войны, и почтили память всех тех, кто боролся против фашизма и за свободу. Министры подтвердили, что три страны будут и впредь работать со всеми миролюбивыми государствами и народами во имя построения справедливого международного порядка, предотвращения войн и конфликтов.

12. Министры отметили, что процесс восстановления мировой экономики остается неровным, хрупким и несбалансированным. Они согласились в том, что ведущие экономики мира должны работать вместе и наращивать координацию макроэкономической политики. Они призвали к сопряжению усилий на глобальном уровне в интересах содействия уверенному, устойчивому и сбалансированному глобальному росту.

13. Министры подтвердили поддержку «Группы двадцати» как главного форума международного экономического сотрудничества и приветствовали решения саммита «Группы двадцати» в Сеуле, включая решения по реформе системы распределения квот в МВФ. Они подчеркнули, что целью реформы международных финансовых институтов является последовательное достижение справедливого распределения голосов между развитыми и развивающимися странами.

14. Министры призвали все страны предпринять конкретные шаги по противодействию любым формам протекционизма и действовать в интересах достижения всеобъемлющих и сбалансированных результатов Дохийского раунда ВТО, соответствующих ее мандату и основанных на уже достигнутом прогрессе, в том числе в отношении модальностей переговоров. Министры подчеркнули, что трения в мировой торговле должны урегуливаться в духе равноправия, консультаций, взаимной выгоды и в рамках ВТО. Министры иностранных дел Китая и Индии поддержали вступление России в ВТО в 2011 году.

15. Министры призвали к последовательному соблюдению международной приверженности принципам Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотского протокола к ней, включая принцип общей, но дифференцированной ответственности. Министры иностранных дел России и Индии высоко оценили усилия Китая, выступившего в качестве стороны, принимавшей у себя в октябре 2010 года 12-ю сессию Специальной рабочей группы по долгосрочным мерам сотрудничества согласно Рамочной конвенции ООН об изменении климата и 14-ю сессию Специальной рабочей группы по дальнейшим обязательствам сторон, включенных в Приложение I, согласно Киотскому протоколу. Министры вновь подтвердили приверженность наращиванию взаимного сотрудничества с целью содействия достижению позитивных итогов Канкунской климатической конференции.

16. Министры подчеркнули важное значение глобальной энергетической безопасности для восстановления и развития мировой экономики и выразили мнение, что такая безопасность может быть обеспечена посредством расширения диалога и сотрудничества между странами-производителями и странами-потребителями энергоресурсов. Члены международного сообщества должны работать вместе в интересах обеспечения стабильности поставок энергоресурсов, безопасности международных маршрутов транспортировки энергоносителей и стабильности цен на энергоресурсы с тем, чтобы удовлетворять спрос всех стран, особенно развивающихся, на энергоносители. Необходимо предпринимать усилия для создания открытого и транспарентного энергорынка и системы проведения НИОКР и распространения передовых энергетических технологий в целях активизации их передачи, а также предоставления финансовой помощи развивающимся странам в соответствии с имеющимися международными обязательствами в сфере нераспространения и соответствующей политикой государств. Министры условились активизировать взаимодействие в сфере энергетической безопасности, в том числе с учетом инициативы Президента Российской Федерации Д.А.Медведева о разработке международно-правовых рамок сотрудничества в этой области.

17. Министры подтвердили важность Декларации Тысячелетия ООН и реализации Целей развития Тысячелетия, приветствовали результаты состоявшейся в сентябре 2010 г. в штаб-квартире ООН Встречи высокого уровня по выполнению Целей развития Тысячелетия и призвали членов Комитета по содействию развитию ОЭСР выполнить свои обязательства по скорейшему выделению 0,7% их валового национального дохода для оказания официальной помощи развитию.

18. Министры дали высокую оценку незаменимой роли ООН в международных делах. Они подтвердили необходимость проведения всеобъемлющей реформы ООН с тем, чтобы она стала более демократичной, представительной и результативной и могла более эффективно реагировать на современные глобальные вызовы. Министры иностранных дел Китая и России дали высокую оценку роли Индии в международных делах, приветствовали избрание Индии в Совет Безопасности ООН на период 2011–2012 гг., а также выразили готовность к углублению сотрудничества с Индией в рамках СБ ООН.

19. Министры подчеркнули, что распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также его связь с международным терроризмом представляет серьезную угрозу международному миру и безопасности и является причиной для глубокой озабоченности. Министры исходят из того, что диалог по проблемам предотвращения рисков и угроз глобальному режиму нераспространения должен выстраиваться на основе международных обязательств государств. Будущее режима нераспространения в значительной мере зависит от обеспечения безопасности всех государств, а также от способности государств сформировать эффективную систему экспортного контроля и обеспечить безопасное хранение чувствительных материалов.

20. Министры вновь решительно осудили терроризм во всех его формах и проявлениях и подчеркнули, что не может быть оправдания никаким террористическим ак-

там, где бы они ни совершались. Они подчеркнули необходимость широкого международного сотрудничества в деле противодействия терроризму, прежде всего в рамках ООН, для предотвращения террористических атак и наказания террористов и их пособников. В этом контексте Министры призвали все государства-члены ООН незамедлительно доработать и принять Всеобъемлющую конвенцию против международного терроризма. Министры призвали государства-члены ООН выполнять соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, особенно резолюции СБ ООН 1267, 1373, 1540 и 1624, международные конвенции и протоколы против терроризма, а также способствовать выполнению Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Министры подчеркнули важность совместных усилий по противодействию использованию информационных и коммуникационных технологий в террористических и преступных целях. Они также подчеркнули важность совместных усилий в борьбе с финансированием терроризма.

21. Министры подчеркнули необходимость выполнения международным сообществом обязательств по оказанию помощи правительству и народу Афганистана в обеспечении безопасности и развития, а также согласованных усилий по восстановлению мира и стабильности в Афганистане. Они выразили озабоченность ухудшением обстановки в сфере безопасности и подчеркнули необходимость соответствующего укрепления афганских сил безопасности с тем, чтобы Афганистан мог защитить свой суверенитет и независимость. Министры вновь подтвердили свою неизменную приверженность мирному, стабильному и процветающему Афганистану. Они выразили поддержку передаче афганским властям большей ответственности за национальную безопасность, а также правительственной Программе мира и реинтеграции. Министры подчеркнули важность сотрудничества между тремя странами по проблеме Афганистана в рамках существующих механизмов. Они рассматривают ШОС как важную площадку для регионального сотрудничества по данному вопросу. Подчеркнута необходимость укрепления скоординированной борьбы международного сообщества против незаконного оборота афганских наркотиков.

22. Министры подчеркнули, что Иран обладает правом использования ядерной энергии в мирных целях и в то же время должен восстановить доверие международного сообщества к исключительно мирному характеру его ядерной деятельности. Министры подчеркнули, что активизации усилий по урегулированию иранской ядерной проблемы мирными средствами путем диалога и переговоров нет альтернативы.

23. Министры подтвердили важность поддержания мира и стабильности на Корейском полуострове и в регионе путем диалога, а также призвали заинтересованные стороны как можно скорее возобновить шестисторонние переговоры и обеспечить полное выполнение Совместного заявления от 19 сентября 2005 г.

24. Министры иностранных дел Китая и Индии выразили поддержку политике России по защите ее коренных интересов и содействию региональному миру и стабильности в кавказском регионе.

25. Министры подчеркнули необходимость создания открытой, транспарентной, всеобъемлющей и сбалансированной архитектуры безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая основывалась бы на общепризнанных принципах международного права и учете законных интересов всех государств. Министры договорились, что эксперты трех стран изучат данный вопрос.

26. Министры выразили решимость укреплять сотрудничество в рамках БРИК, которое приобретает все большее значение в современном мире. Министры иностранных дел России и Индии подтвердили готовность координировать действия с Китаем в процессе подготовки Третьего саммита БРИК и других связанных с ним мероприятий в 2011 году.

27. Министры иностранных дел Китая и Индии приветствовали присоединение России к механизму Восточноазиатских саммитов и выразили надежду, что Россия будет вносить позитивный вклад в процесс формирования региональной экономической архитектуры и архитектуры безопасности.

28. Министры иностранных дел Китая и Индии приветствовали вступление России в форум «Азия—Европа» (АСЕМ).

29. Министры иностранных дел Китая и России приветствуют конструктивное участие Индии в деятельности Шанхайской организации сотрудничества в качестве государства-наблюдателя и придают важное значение намерению Индии играть более весомую роль в ШОС.

30. Министры выразили благодарность правительству и жителям провинции Хубэй за гостеприимство и организацию 10-й встречи министров иностранных дел.

31. Министры поручили руководителям профильных департаментов министерств иностранных дел России, Индии и Китая вести тесные консультации по вопросам трехстороннего сотрудничества.

32. Министры приняли решение провести очередную министерскую встречу в России в 2011 году.

Ухань, 15 ноября 2010 г.

Десятая конференция ученых России, Индии и Китая

Пресс-релиз 10-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая

10-я трехсторонняя конференция ученых России, Индии и Китая состоялась в Москве 20–21 сентября 2010 г. Участниками форума, как и на предыдущих конференциях, явились делегации Института Дальнего Востока Российской академии наук (г. Москва), Института китайских исследований (г. Дели) и Китайского института международных проблем (г. Пекин).

Конференция в столице ознаменовала начало третьего раунда ежегодных встреч ученых, которые последовательно проводятся в каждой из трех стран.

В адрес московской конференции поступили приветственные письма министров иностранных дел трех стран. Главы внешнеполитических ведомств России, Индии и Китая отметили десятилетний труд ученых на благо развития формата РИК, выразили надежду, что они и впредь будут вносить свой вклад в дело развития трехстороннего партнерства.

В ходе дружественных и откровенных дискуссий участники проанализировали нынешний этап трехстороннего сотрудничества в контексте динамики глобализации, тенденций международной обстановки, а также особенностей, связанных с позициями трех стран в мировой политике и экономике. Было с удовлетворением констатировано, что РИК сегодня — это устоявшийся и признанный формат, зримый фактор постепенного формирования многополярного мира и демократизации международных отношений. Важным залогом прогресса РИК является его неконфронтационный характер; трехстороннее партнерство не является альянсом, не направлено против каких-либо других государств, преследует базовые цели укрепления международного мира, развития и процветания каждой из трех стран. Была подчеркнута целесообразность дальнейшей и все более эффективной координации действий по отстаиванию приоритетов многополярного мироустройства, многосторонней дипломатии, укрепления глобальной и региональной безопасности при сохранении самостоятельности и независимости каждой из трех сторон. В этом контексте особое внимание было обращено на сохраняющуюся жизненность

пяти принципов мирного сосуществования, которые могут быть эффективно востребованы в деле построения справедливого и гармоничного мирового порядка.

Стороны солидарно подчеркнули важность дальнейшего наращивания координации действий трех стран в ООН, в рамках «Группы-20», БРИК, ШОС и других. При этом важными направлениями совместных усилий являются продолжение противодействия последствиям мирового экономического и финансового кризиса, содействие урегулированию в «горячих точках», решение проблем изменения глобального климата и энергетической безопасности, борьба против терроризма, наркотрафика.

В спектре региональных проблем центральное место заняли темы Центральной Азии и Афганистана, настоящего и будущего ШОС, в том числе в контексте вопроса о статусе Индии и других стран-наблюдателей в этой организации. Участники отметили нарастание угроз стабильности региона, сложный характер афганского кризиса, выход из которого не имеет простых и скорых решений. Делегаты пришли к согласию, что необходимо заметно усилить сотрудничество трех стран по этой проблематике, включая активизацию возможностей ШОС и взаимодействие с другими вовлеченными сторонами. Конечной целью таких усилий должно стать построение стабильного, независимого и вставшего на путь мирного развития Афганистана, содействие созданию обстановки прочной безопасности в регионе в целом.

Конференция обсудила состояние дел в двусторонних отношениях между Россией, Индией и Китаем, которые являются базовой основой взаимодействия в трехстороннем формате. Было отмечено, что в целом эти отношения имеют положительную динамику; различия во взглядах, другие вопросы и проблемы, в том числе унаследованные исторически, не должны служить препятствием для дальнейшего восходящего развития стратегического партнерства по двусторонним линиям.

Предметом обсуждений стали также вопросы развития секторального диалога в формате РИК. Отмечен прогресс в постепенном развитии сотрудничества в сферах сельского хозяйства, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий, медицины и здравоохранения, а также в области взаимодействия деловых сообществ. Были сделаны предложения по активизации такого сотрудничества, вовлечению в него других взаимовыгодных отраслей, совершенствованию управленческих механизмов трехсторонней секторальной кооперации.

В ходе конференции главы трех делегаций были приняты заместителем министра иностранных дел РФ А. Бородавкиным. Состоялся обстоятельный разговор по проблемам дальнейшего развития партнерства в РИК.

Делегаты выразили намерение продолжить свой академический диалог, основной целью которого служит выработка совместных концептуальных подходов к дальнейшему развитию формата РИК на благо каждой из трех стран. Было принято согласованное решение о том, что делегации проинформируют государственные структуры своих стран о результатах и выводах проведенных дискуссий.

Участники конференции с удовлетворением восприняли приглашение Китайского Института международных проблем принять участие в следующей 11-й конференции в 2011 г. в Китае.

ШОС: проблемы безопасности и перспективы сотрудничества в Евразии

© 2011

С. Лузянин

В статье анализируется проблематика ШОС, возможности расширения Организации, ключевые параметры трехстороннего взаимодействия России, Индии, Китая (РИК) в контексте интеграционных возможностей ШОС. Дается обзор основных научных оценок российских экспертов в отношении перспектив развития Организации.

Ключевые слова: ШОС, РИК, Евразия, геополитика, региональная безопасность, Индия, Китай, Россия.

Исходя из задач обновления ШОС, принципиально важным представляется рассмотрение деятельности Организации *в аспекте трехстороннего сотрудничества* России, Индии, Китая. Кроме анализа повестки ШОС, которая, несомненно, важна сама по себе, необходим анализ повестки РИК в свете тех вызовов и угроз, которые стоят не только перед этой неформальной структурой, но и перед всеми членами ШОС.

В данном сравнении следует выделить *три ключевых момента*:

1) Возможность проецирования отдельных сторон деятельности ШОС, особенно ее сильных компонентов, на формат РИК.

2) Более тесную увязку двух структур в сферах безопасности, экономическом, международном и гуманитарном сотрудничестве.

3) Институциональное усиление и расширение ШОС за счет вступления в постоянные члены Организации одного из ведущих государств — *Индии* и принятия на освободившееся место Индии в институт наблюдателей или в партнеры по диалогу ШОС *Украины*¹. Подобное расширение превратило бы Организацию в одну из самых влиятельных системообразующих структур в мире. Функционально и политически Организация могла бы стать гарантом глобальной финансово-экономической безопасности, развития, модернизации и стабильности в АТР, Евразии и Южной Азии. В таком формате Организация могла бы проводить свою независимую валютную, энергетическую, гуманитарную политику, не нарушая сложившегося баланса отношений с США и другими крупными державами, не входящими в ШОС и РИК.

При этом следует подчеркнуть, что речь не идет об изменении статуса РИК, который остается неформальной международной структурой взаимодействия трех государств, а ШОС, как известно, де-юре и де-факто — официальная международная комплексная организация, признанная на всех уровнях, включая ООН. Речь в данном случае идет только о неиспользованных возможностях взаимодействия РИК и ШОС. Здесь можно выделить *три направления*.

Первое направление: интеграционно-экономическое — создание в зоне постоянных членов и наблюдателей ШОС районов многостороннего экономического сотрудничества и интеграции, включая те или иные варианты зон свободной торговли, таможенных союзов или других форм начальной интеграции. Важно, что данный процесс должен развиваться в разных точках евразийского пространства, в неких рамках «треугольника» Россия — Индия — Китай, в первую очередь в тех местах, где уже созданы экономические предпосылки такой интеграции. Так, Россия и Казахстан вместе с Белоруссией (партнером по диалогу ШОС) развивают таможенный союз. Китай, Казахстан, Кыргызстан реализуют двусторонние трансграничные зоны торговли. С 2004 г. экспертами обсуждается китайский вариант зоны свободной торговли ШОС. В этих условиях подключение Индии к региональным интеграционным проектам ШОС на многосторонней или иной основе сулит огромные коммерческие выгоды крупному бизнесу Индии. Понятно, что речь не идет о создании в ближайшее время зоны свободной торговли РИК, которая включала бы все экономическое пространство регионов Южной Азии, Центральной Азии, России и Северо-Восточной Азии. Речь идет о создании на этом огромном евразийском пространстве локальных интеграционно-экономических «ниш», заполненных двух-, трех-, четырехсторонними проектами с выборочным участием РФ, КНР или Индии, которые регионально-экономически работали бы на проекты РИК и ШОС.

Китай, как известно, уже является членом ряда действующих интеграционных объединений и зон различного масштаба и специализации с десятками государств из ближнего и дальнего «окружения». Его опыт вполне мог бы пригодиться в данном случае.

Совершенно очевидно, что на этом направлении существуют трудности и препятствия статусного, экономического характера, проблемы безопасности, связанные с Афганистаном, который географически расположен в центре предполагаемого большого интеграционного «треугольника» и др. Однако все это со временем так или иначе преодолимо. Данное направление рассчитано на длительную перспективу и глубокую экспертную проработку. Например, нельзя исключать варианты экономической интеграции в обход Афганистана или с использованием его отдельных, контролируемых частей. В любом случае интеграционные проекты ШОС — РИК не должны быть односторонними, замкнутыми на военно-политические реалии только сегодняшнего дня. Они должны носить комплексный, диверсифицированный, многовариантный характер, быть гибкими и иметь потенциал обновления по мере развития. Политически важно, что только три государства — Россия, Индия и Китай — могут потенциально и реально инициировать и развивать этот процесс.

Интеграционный «треугольник» РИК мог бы создать и использовать механизмы сотрудничества в аграрных секторах стран РИК, включая и центрально-азиатские рынки ШОС. Выработка консолидированных подходов по укреплению региональных продовольственных программ одновременно позволила бы стимулировать национальные сельскохозяйственные производства в КНР, РФ, РК, УР, РТ и других странах.

Взаимодействие в банковской сфере и использование кредитно-денежных рычагов с учетом вызовов в период кризиса и мировых валютных реалей (зависимость от доллара) следует увязать с более активным переходом на использование национальных валют в трехсторонних, двусторонних и многосторонних региональных экономических обменах.

Второе направление — расширение институтов ШОС. Как известно, в российском и зарубежном научном сообществе сложились различные взгляды на перспективы развития Организации. Суммируя их, можно выделить четыре крайних точки зрения.

А) Агрессивно-алармистская точка зрения, связанная с отрицанием роли и позитивного значения ШОС для России и других стран участниц. Этот подход не является массовым и определяющим, его выражают отдельные ученые и эксперты, которые солидаризируются с известным мифом о так называемой «китайской угрозе» для всего мира и, в частности, для отдельных стран ШОС.

Б) *Умеренно-консервативный подход* связан с тезисом о том, что хотя ШОС, и является полезной организацией, но в настоящее время она развивается стратегически неправильно. Представители этой позиции, сравнивая Организацию с кораблем, считают, что нужно усиливать «мощность мотора», а не строить дополнительные и ненужные сооружения (университет ШОС, проекты по здравоохранению, искусству, безопасности, экономическую интеграцию, расширять институты наблюдателей, партнеров по диалогу и пр.), что замедляет движение «корабля». Т.е. они против расширения Организации.

В) *Западно-либеральный подход*, который строится на том, что ШОС необходимо превращать в полностью открытую Западу организацию и инкорпорировать ее в западные блоки и структуры, включая НАТО, ОБСЕ и др. Эта позиция (как и первая) в России также не является массовой, отражая скорее частные мнения ученых и политиков.

Г) *Комплексный подход* — сохранение системного, неблокового характера Организации при параллельном развитии всех направлений по экономическому сотрудничеству, безопасности и гуманитарному взаимодействию — нам он представляется наиболее разумным. Важной в данном дискурсе является проблема интенсификации многостороннего экономического сотрудничества, которое явно отстает от других направлений, и усиление российского, казахстанского и других компонентов. Представители этой точки зрения считают, что Организация должна развиваться через формирование новых проектов и институтов ШОС, органично сочетая геополитику и субрегиональную политику.

Десять аргументов за вступление Индии в ШОС

1) *Геополитической конфигурации* ШОС явно недостает сильного южного вектора. Расширение ШОС на юг помогло бы «мирно» окружить Афганистан, не влезая в его военно-политические внутренние дела, экономически помогать ему, одновременно поддерживая стратегическую стабильность и развитие в Евразии.

2) Членство Индии в ШОС усилило бы *антитеррористическое направление* организации, особенно на проблемных трансграничных участках — афгано-пакистано-индийском, афгано-таджикском, афгано-узбекском, афгано-китайском (СУАР) и других. Ресурсы и возможности антитеррористической деятельности и борьбы с наркотрафиком неизмеримо возросли бы. К тому же, интересы безопасности Индии в отношении региона Центральной Азии (Таджикистан, база Айни и другие) стратегически совпадают с интересами безопасности России, Китая и других членов ШОС. Огромный опыт индийских спецслужб в антитеррористической борьбе может помочь общей борьбе ШОС «против трех зол».

3) Этот шаг не будет *направлен против третьих стран* и организаций и не повлияет на сложившиеся отношения Индии со своими большими и малыми партнерами. Каждый из постоянных членов ШОС входит в другие структуры или проекты (ОДКБ, ЕврАзЭС, СААРК, АСЕАН +1, АСЕАН + 3 и пр.) и это не мешает их сотрудничеству. Расширение ШОС на индийском участке не носит антиамериканского характера, т.к. сохраняет высокий двусторонний формат индийско-американских отношений. Так же как, например, наличие КНР в ШОС абсолютно не мешает развитию стратегического экономического диалога КНР и США или успешному развитию российско-американского стратегического диалога по СНВ и нераспространению.

4) Ташкентский саммит принял документ, прописывающий *процедуру вступления новых членов* в ШОС. Кандидаты не должны находиться под режимом санкций ООН. Данного режима у Индии нет (скорее речь может идти здесь об Иране, который подпадает под данное ограничение). Юридически Ташкентский саммит разъяснил процедуру вступления новых членов.

5) *ДНЯО не является препятствием* для вступления Индии в ШОС. Индия, как известно, не подписывала Договор, и потому после своих ядерных испытаний из него не выходила.

а) Теоретически в будущем Индия (как и Пакистан) могут присоединиться к ДНЯО на оговоренных условиях при модернизации самого Договора, которая явно назревает.

б) Сама система ДНЯО стоит на пороге реформирования. К сожалению, происходит стихийное распространение ядерного оружия и технологий. Существуют десятки высокоразвитых стран в Азии, на Ближнем Востоке и на Западе («пороговые государства»), которые хотя и подписали в свое время ДНЯО, но никаких гарантий, что эти государства за короткий период не станут де-факто ядерными и не выйдут из Договора, нет. Как будет решен вопрос с «новыми» ядерными государствами в обновленной (реформированной) системе нераспространения точно не знает никто. Но все точно знают, что нынешние *правила ДНЯО в случае кризиса, к сожалению, никто выполнять не будет*. Поэтому жестко увязывать две разные проблемы — вступление Индии в де-факто ядерном статусе в ШОС и неизбежность и необходимость модернизации системы нераспространения — напрямую нельзя. Тем более, делать из ДНЯО главное препятствие для вступления Индии в ШОС и политически, и юридически ошибочно. Каковы будут режим нераспространения и сам Договор через 5–10 лет, точно предсказать сложно, и будет ли ДНЯО главным препятствием для вступления Индии в ШОС — вопрос открытый.

б) Нам представляется, что вступление Индии в ШОС, с одной стороны, *ослабит индийско-пакистанскую напряженность*, а с другой — усилит потенциал Индии в борьбе с афгано-пуштунским трансграничным терроризмом при условии объединения действующих антитеррористических структур ШОС и Индии².

7) Вхождение Индии объективно *укрепит доверительное китайско-индийское партнерство* и сотрудничество по всему спектру вопросов, стимулирует двусторонние и многосторонние отношения.

8) *Расширение постоянных членов — исключительно индивидуальный процесс* (не парами, не тройками и т.д.). Возможно, в будущем в ШОС будет принят и Пакистан. Но вступление в ШОС — это не вступление в «брак» неких пар (находящихся в согласии или нет). Политически и юридически — это исключительно индивидуальный процесс, ориентированный на конкретное государство. Сегодня, исходя из экономической, политико-конфессиональной обстановки в Пакистане, которая характеризуется крайней напряженностью, взрывоопасностью и непредсказуемостью, его более тесная интеграция с ШОС не представляется целесообразной. К тому же Россия активно взаимодействует с Пакистаном в рамках других региональных форматов — например, диалога четырех президентов России, Пакистана, Афганистана и Таджикистана (августовская встреча в Сочи, 2010 г.), что создает некоторый эффект политической и экономической компенсации Исламабаду. Что касается *Монголии*, то от нее пока не исходит внятных сигналов относительно желания интегрироваться в ШОС.

9) *Транспортный аргумент* — развитие трансзиатских транспортных коммуникаций и сопутствующей инфраструктуры по векторам Север — Юг (через Иран и другие маршруты), включая транспортировку товаров, углеводородов (в Индию и Китай). Активизация инвестирования и технологическое участие при реализации транспортных проектов, инициированных Россией, Китаем и Индией.

Третье направление — в сфере безопасности. Сохраняется негативное влияние ситуации в Киргизии на регион ЦА и Организацию, в частности. ШОС, к сожалению, имеет в лице этой республики очаг региональной нестабильности. С другой стороны, по Уставу ОДКБ не имела права вводить свои войска для ликвидации беспорядков, поскольку формально Киргизия не была объектом внешней агрессии третьей страны или группы стран, а беспорядки носили исключительно внутренний характер. Однако, возможность дальнейшего внутреннего раскола между северной и южной частями страны, к сожалению, сохраняется.

Другие центрально-азиатские «сектора» ШОС выглядят относительно стабильными. Сохраняется «управляемая» система в Казахстане. Переговоры президентов Д. Медведева и Н. Назарбаева по двусторонней повестке подтвердили стратегическое взаимодоверие.

Сохраняются «консервативные и управляемые модели» в Узбекистане, и Таджикистане.

Для РФ, КНР и Индии важна стабильность в регионе. Каждое из трех государств имеет свою мотивацию в сфере центрально-азиатской безопасности. Понятно, что российская мотивация и интересы безопасности здесь доминируют. С этим обстоятельством считаются при проведении своей центрально-азиатской политики Китай и Индия.

Позиция США в регионе ЦА и в Афганистане является двойственной. С одной стороны, они в составе коалиции ведут войну с талибами. С другой стороны, истинными целями американской политики в регионе является «выдавливание» из него России и сдерживание Китая. Как видно, интерес США больше политический, чем экономический. На данный момент США особо не трогает экономическая составляющая в вопросе геополитического значения Центральной Азии, так как она никак не влияет на благополучие страны.

США не предпринимают никаких усилий для уничтожения ресурсной почвы террористов — наркоторговли, которая за девять лет присутствия сил НАТО в Афганистане расцвела «пышным цветом», а получаемая от нее прибыль направляется на финансирование босвиков, с которыми воюют коалиционные войска. Американцам необходимо стабильное производство афганского героина и его постоянный поток на север — через республики Центральной Азии в Россию, где оседает большая его часть, и далее в Европу. Так решаются две важные задачи. Первая, долгосрочная — деградация молодого поколения россиян при условии стабильного роста наркозависимых, а значит снижение жизнеспособности государства. Вторая задача заключается в финансовой поддержке распространения идей исламского радикализма и экстремизма в регионе, что должно способствовать обострению военно-политической обстановки и расширению зоны нестабильности. Это необходимо в интересах поддержания угроз для Китая и России, которые будут вынуждены втянуться в конфликт в случае его переноса из Афганистана в Среднюю Азию, отвлекая тем самым свои ресурсы от решения важнейших внутренних проблем. А России и Китаю необходима модернизация экономики, которая требует громадных затрат.

Шесть выводов и предложений

1. Не допускать формализации ШОС и консервации Организации под предлогом «не нужно спешить» и «необходимо переварить и освоить достигнутое». Остановка в движении вперед — политическая смерть любой организации. ЕС, АСЕАН и другие ежегодно делали какой-то качественно новый шаг — либо в интеграционной, либо иной сфере. Для ШОС сегодня принципиально важным является вопрос динамики и развития, который напрямую связан с ее внутренним наполнением и внешним расширением. ШОС и РИК, несмотря на качественные и статусные различия, объективно должны и могут работать друг на друга. Вхождение Индии в постоянные члены ШОС не только даст мощный стимул развитию Организации по всем направлениям, но и создаст новое качество ее позиционирования и восприятия в мире. Создание «семерки ШОС» во главе с Китаем, Индией и Россией будет ярким воплощением и реализацией концепции «справедливого гармоничного мира», в котором соседствуют и сотрудничают большие и малые страны, сохраняется богатство всех цивилизаций и культур.

2. Кроме узкого центрально-азиатского ракурса экономические структуры и институты ШОС должны разрабатывать на экспертном уровне стратегию большой инте-

грации РИК с внедрением на данном пространстве различных интеграционно-экономических механизмов, успешно апробированных Китаем и другими странами.

3. В сфере безопасности ключевым для ШОС в ближайшие годы может стать афганский фактор. Требуется обновленная афганская стратегия организации с учетом предстоящих в этой стране изменений — вывода коалиционных сил, возможностей возобновления гражданской войны, создания в республике нового «северного альянса» и т.д. Специфика позиции ШОС — подготовка к долгосрочным социально-экономическим программам помощи правительству Х. Карзая и акцент на решение ответственных задач в регионе. Данную программу ШОС целесообразно проводить под эгидой Организации Объединенных Наций.

4. В рамках разработки обновленной афганской стратегии ШОС необходим индийский взгляд на пакистано-афганскую зону нестабильности. Взгляд Индии с юга, через Пакистан, дополнит несколько однобокую картину антиталибской борьбы, которую мы традиционно воспринимаем в «северном» центрально-азиатском «масштабе». На самом деле афганский вопрос имеет несколько регионально-страновых измерений, и Индия хорошо знает их.

5. Полезен активный мониторинг со стороны структур ШОС в отношении наркоструктур и их лидеров («наркобаронов»), аналогичный «спискам» ООН по террористическим организациям и их лидерам. Практически значима также дальнейшая координация антинаркотической и антитеррористической деятельности национальных комитетов стран-членов ШОС, включая помощь индийской стороны.

6. Важным представляется продолжение разработки механизмов совместного реагирования в рамках ШОС на природные и техногенные катастрофы, предупреждения и ликвидации массовых эпидемий регионального масштаба.

1. Создание структуры 7 + 4: РФ, КНР, Индия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия как постоянные члены, и Украина, Иран, Пакистан, Монголия, как страны-наблюдатели. При сохранении института «партнеров по диалогу» — Белоруссия и Шри Ланка.
2. Противники вхождения Индии в ШОС апеллируют к тому, что не нужно вносить в Организацию дополнительный конфликт, который потенциально может «взорвать» Организацию изнутри. Как известно, вся центрально-азиатская зона ШОС, особенно таджикско-узбекский, киргизско-узбекский вектора являлись и остаются конфликтными по достаточно большому перечню вопросов (спорные участки границы, наличие этнических анклавов, распределение водных ресурсов, экология, взаимные обвинения в поощрении трансграничного терроризма и пр.). Вместе с тем, эти конфликты по большому счету не разрушают ШОС, и не являются какими-то стратегическими препятствиями для развития Организации. В мире нет идеальных стран и регионов. Поэтому кашмирская проблема не изменит картину ШОС. В данном случае более важна внутренняя нестабильность в ряде отдельных отсталых стран Центральной Азии, например Киргизии.

Потенциальные возможности РИК в решении глобальных и региональных проблем

© 2011

М. Моханти

Автор рассматривает важную роль РИК в международных и региональных делах на современном этапе и перспективы их влияния на дальнейшее развитие международных отношений.

Ключевые слова: РИК, глобальные проблемы, региональные проблемы, роль РИК в международных отношениях.

Введение. Подъем РИК

РИК постепенно становится объектом восприятия в глобальном масштабе, несмотря на тот факт, что западные СМИ по-прежнему не уделяют данному формату большого внимания. Потенциальные возможности РИК, наряду с появившимися в мире новыми многосторонними образованиями, приобретают все более четкие очертания.

I. РИК в глобальных делах

1. Безопасность: РИК может играть значительную роль в глобальных делах, привнося позитивные элементы в глобальный и региональный контексты безопасности посредством поддержки в решении местных и региональных проблем.

2. Мировая экономика: Россия, Индия и Китай уже участвуют в переориентации дебатов о мировой торговой и финансовой системе с тем, чтобы сделать ее более справедливой и отвечающей интересам развивающихся стран и активизировать усилия по формированию нового мирового экономического порядка.

3. Энергетика: В контексте продолжающихся мировых дебатов по энергетической тематике происходит серьезный пересмотр политических целей и стратегий, и в ходе этого процесса члены РИК, которым присущ быстрый экономический рост, могут привести собственные политические цели в соответствие с универсальными нормами.

4. Информация и культура: Нарождающийся ныне мировой культурно-информационный порядок, создающий новые приоритеты, должен пройти испытание на соответствие с наследием вековых многообразных цивилизаций РИК, а также революционно-освободительной борьбы, которую они вели в прошлом.

5. Рассуждения о развитии: В то время как нелиберальное возрождение капитализма, отмечавшееся в последние 30 лет, завершилось кризисом и глобальным экономическим спадом, в каждой из трех стран и в остальных частях мира ведутся серьезные дебаты о путях развития. Общественные движения и политические силы ставят вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы экономический рост не нарушал социальную справедливость, обеспечивал со-

хранение окружающей среды, а также способствовал бы продвижению самоуправления и защите прав человека. РИК может принять участие в этом мировом диалоге, дабы мир ознакомился с опытом трех стран в данной области.

II. Региональные проблемы

Афганистан: Декларация по итогам саммита РИК, принятая в Екатеринбурге в 2009 г., предлагает разумную рамочную структуру региональной ответственности в продвижении мира и самоуправления в Афганистане. К сожалению, руководство НАТО во главе с США проигнорировало данный подход, и война продолжается до сих пор. Эскалация сил США и расширение зоны военных действий в пограничной зоне Афганистана и Пакистана в 2009 и 2010 гг. привели к дальнейшему ухудшению ситуации и спровоцировали активизацию терроризма. Индия и Китай участвуют, главным образом, в строительных проектах, но этого недостаточно для продвижения в том направлении, которое предложено РИК. Активное сопротивление размещению внешних сил в Афганистане и оказание поддержки местному населению в решении вопросов политической власти и развития должны стать краеугольным камнем региональной инициативы. Такой подход разделяют все три страны.

Многосторонние организации: Региональные организации оказывают друг другу неуклонно растущую поддержку, и эту тенденцию следует сознательно поощрять. Статус наблюдателя, предоставленный Китаю в СААРК и Индии в ШОС, и отдельные успешные переговоры двух стран с АСЕАН о заключении Договора о свободной торговле значительно расширили рамки регионального сотрудничества. ВСІМ, ВІМСТЕК, ЕСО на региональном уровне и несколько общеазиатских инициатив (например, Форум в Боао) способствовали появлению ряда каналов взаимодействия в формате «первой» и «второй дорожки». Китай и Индия участвуют в работе многосторонних организаций на основе общих целей и способствовали развитию этого процесса, невзирая на свои двусторонние разногласия по пограничному вопросу.

Иран: Инициированные со стороны США санкции против Ирана усилили напряженность в регионе. Поскольку все страны РИК имеют хорошие отношения с Ираном, они могут играть чрезвычайно важную региональную роль в обеспечении соблюдения Ираном его обязательства воздерживаться от разработки ядерного оружия. Недавние инициативы лидеров Бразилии и Турции, выступивших посредниками в данном вопросе, не получили должного внимания со стороны США, которые твердо намерены двигаться по пути санкций. РИК может играть важную роль в рассмотрении данного вопроса в ООН.

Палестина: Имелись большие надежды на то, что администрация президента Обамы выступит с новой инициативой по разрешению тупиковой ситуации в Палестине и не только откроет маршруты поставок в сектор Газа, но продвинется в направлении признания государственности Палестины. Израильское лобби в США не допустило такого развития событий, хотя усилия, направленные на проведение прямых переговоров между Палестиной и Израилем, продолжают. Израильское нападение на мирную флотилию показало, с какой безнаказанностью может действовать правительство Израиля в осуществлении своих агрессивных замыслов. Либерально-демократические круги Израиля, как и мировое общественное мнение, резко осудили данную акцию. РИК в целом мог бы проявить заинтересованность в решении палестинского вопроса, как это делала каждая из трех стран в прошлом. Дело в том, что несправедливость в отношении Палестины явилась одним из основных источников отчужденности молодых мусульман во многих странах мира, что и породило феномен терроризма, активность которого проявляется во всем мире и в том числе в России, Китае и Индии.

Заключение. За сознательную, продуманную и конструктивную многосторонность

Трехсторонний научный форум на своей первой конференции в Москве принял мудрое решение придерживаться политики «трех нет» — то есть, трехсторонний формат (1) *не направлен против какой-либо державы*; (2) *не является союзом*; (3) *не препятствует любому участнику в укреплении партнерских отношений с другими странами*. Сейчас, когда наша инициатива «второй дорожки» вышла на «первую дорожку», когда почти ежегодно проводятся встречи глав правительств и еще чаще — встречи министров иностранных дел, может появиться искушение рассматривать трехстороннюю структуру в качестве блока трех крупных стран. В этой связи необходимо проявлять большую осторожность. Эра доминирования крупных держав быстро подходит к концу. После прекращения колониализма, в период «холодной войны» и после ее окончания наблюдался рост тенденции к гегемонии. США, обладающие сильнейшей военной мощью и крупнейшей экономикой, могли бы усвоить уроки Вьетнама, Ирака и Афганистана и понять, что стремление к самоопределению подавить нелегко. Действуя совместно и по отдельности, страны РИК могут сохранять наследие своей антиколониальной истории и, используя свои недавно обретенные технологические и экономические мощности, строить новый мир — причем не только на глобальном и региональном уровнях, но и на уровне своих обществ. Именно в этой сфере ученые будут и впредь играть важную роль, работая в рамках нашего Форума и на других направлениях.

Китайско-индийские отношения в рамках трехстороннего китайско-российско-индийского сотрудничества

© 2011

Чжоу Ган

Автор раскрывает основные черты современных китайско-индийских отношений в контексте трехстороннего сотрудничества Китая, России и Индии, дает характеристику китайско-индийских отношений стратегического партнерства и сотрудничества и прогнозирует перспективы их развития в будущем.

Ключевые слова: трехстороннее сотрудничество Китая, России и Индии, современные китайско-индийские отношения, перспективы развития китайско-индийского партнерства.

1. Стратегическое значение китайско-российско-индийского трехстороннего сотрудничества

Мировой валютно-финансовый кризис 2008 г. нанес серьезный удар по экономике всех стран, особенно развитых. Китай, Россия и Индия, являющиеся развивающимися экономическими субъектами, также испытали на себе его удар. Кризис оказал влияние и на международную расстановку сил. Два года восстановления мировой экономики и развития международных отношений свидетельствовали о том, что причины возникновения кризиса были комплексными, последствия тяжелыми, так что процесс восстановления идет трудно. Вместе с тем отмечается ускорение процессов создания многополярного мира и дальнейшего развития экономической глобализации. Китай и Индия как две крупнейшие развивающиеся страны, благодаря проводимой ими политике экономических реформ и укреплению реального сектора национальной экономики, сохранили относительно высокие темпы роста и сыграли позитивную роль в восстановлении мировой экономики. Кроме того, повысился международный статус Китая, России и Индии и возросло их международное влияние.

Подъем крупных развивающихся стран и укрепление их региональной мощи стало важным историческим событием XXI в. Китай, Россия и Индия обладают обширными территориями, огромным населением, богатыми природными ресурсами. Они имеют сравнительно высоко развитые отраслевую экономику и научно-технический потенциал. Они обладают мощной обороной и имеют традиционное влияние в международных делах, у них есть возможности и блестящие перспективы для устойчивого развития. Перед тремя странами стоит трудная задача ускоренного экономического развития и улучшения жизни населения. Для этого необходим устойчивый мир и стабильная международная обстановка, добрососедские отношения, стабильная и гармоничная внутренняя среда. Что касается трехстороннего сотрудничества, то по многим важным международным и региональным проблемам у сторон есть широкое взаимопонимание и общие интересы.

В последние годы новое развитие получили китайско-российские, китайско-индийские, а также российско-индийские отношения стратегического партнерства и сотрудничества. Китайско-российские отношения стратегического партнерства и сотрудничества находятся на высоком уровне, осуществляется постоянный обмен визитами, углубляется практическое сотрудничество, совершенствуются механизмы международного сотрудничества в рамках ООН, БРИК, ШОС, шестисторонних переговоров по проблемам Корейского полуострова, регионального форума АСЕАН, ускоряется развитие стратегического партнерства и сотрудничества.

Что касается развития многополярности, поддержания мира во всем мире, содействия общему развитию, усилению взаимовыгодного сотрудничества и реагирования на современные мировые проблемы, то Китай, Россия и Индия стоят перед серьезными вызовами, важность и стратегическую значимость которых нельзя не учитывать. Поскольку имеются широкие возможности для наращивания сотрудничества между тремя странами, им настоятельно необходимо активизировать консультации, координацию и сотрудничество в деле ускоренного восстановления мировой экономики, противодействия торговому протекционизму, сохранения мира в различных регионах, борьбы с международным терроризмом и трансграничной преступностью, а также принимать во внимание проблемы изменения климата, энергетической и продовольственной безопасности.

II. Наращивать обмены, понимание и взаимное доверие, чтобы укреплять китайско-индийские отношения стратегического партнерства и сотрудничества

В трехстороннем сотрудничестве главную роль играет двустороннее сотрудничество между Китаем и Россией, Китаем и Индией, Россией и Индией. Все направления двусторонних отношений развиваются успешно. Однако при этом следует заметить, что уровень политического взаимодоверия между Китаем и Индией находится на низком уровне. Хотелось бы предложить свое видение дальнейшего развития китайско-индийских отношений.

1 апреля 2010 г. исполнилось 60 лет установления дипломатических отношений между Китаем и Индией. Обе страны торжественно отметили эту знаменательную дату. Оценка отношений за 60 лет, современного их состояния и тенденций важна не только для Китая и Индии, но для всего международного сообщества. Кратко можно сказать, что основным содержанием отношений за 60 лет были добрососедство, дружба и сотрудничество, неприятный конфликт был временным явлением.

В современных отношениях стратегическое партнерство и сотрудничество постоянно углубляются. Естественно, имеют место различия во взглядах и столкновения интересов, однако их можно разрешать на компромиссной основе.

Исходя из задачи экономического развития каждой из стран и общих тенденций в международной обстановке можно сделать вывод, что китайско-индийские отношения имеют стратегическое и глобальное значение, обладают широкими перспективами для развития.

1. Добрососедство, дружба и сотрудничество являются основным содержанием китайско-индийских отношений за 60 лет, а неверные шаги являются серьезным уроком

За 60 лет основным содержанием отношений были добрососедство, дружба и сотрудничество. Были трудности, но их можно считать второстепенными и кратковременными. После вступления в XXI в. китайско-индийские отношения постоянно движутся вперед, поднимаются на новые ступени, приобретают новый облик. В июле 2003 г. премьер-министр Индии Ваджапан посетил Китай и между странами были установлены отношения конструктивного партнерства. В апреле 2005 г. после поездки премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Индию, страны установили отношения стратегического партнерства, направленные на мир и процветание. В ноябре 2006 г. визит в Индию совершил Председатель КНР Ху Цзиньтао. Стороны опубликовали совместное заявление об углуб-

лении стратегического партнерства «Стратегия из 10 пунктов». В январе 2008 г., во время визита в Китай премьер-министра Индии Манмохана Сингха, стороны подписали политическую декларацию «Совместное видение XXI века КНР и Индийской Республикой». В мае 2010 г. Китай и Индия в дружеской обстановке торжественно отметили 60-летие установления дипломатических отношений, Президент Пратибха Патил посетила Китай, что создает новые шансы развития отношений. Достижение нынешнего уровня китайско-индийских отношений далось нелегко.

Изменения в китайско-индийских отношениях за 60 лет позволяют сделать следующие выводы.

а) Дружба является общим чаянием народов двух стран и основной движущей силой развития отношений.

б) Для двух великих соседних держав дружба и добрососедство являются единственным правильным выбором. История подтвердила, что дружба и добрососедство, развитие взаимовыгодного сотрудничества соответствуют коренным интересам народов двух стран, тогда как конфликты наносят ущерб.

в) Пять принципов мирного сосуществования служат надежной основой дальнейшего развития китайско-индийских отношений.

г) Пройденный путь показал, что разрешение разногласий путем диалога и компромиссов очень важно для стабильного и здорового развития отношений.

д) Равенство, взаимная выгода и взаимовыгодное сотрудничество являются надежной гарантией развития двусторонних отношений.

е) Укрепление взаимного политического доверия является важным предварительным условием для дальнейшего углубления стратегического партнерства и сотрудничества.

ж) Китайско-индийские отношения должны рассматриваться с точки зрения стратегической и долгосрочной перспективы. Они выходят за рамки двусторонних отношений и приобретают глобальное и стратегическое значение.

2. Современные китайско-индийские отношения стратегического партнерства и сотрудничества постоянно углубляются и наполняются новым содержанием, что важно для дальнейшего углубления политического взаимодоверия.

а) Основные особенности китайско-индийских отношений в настоящее время

(1) Регулярные контакты руководителей гарантируют здоровое и стабильное развитие китайско-индийских отношений.

(2) Взаимные обмены становятся все более частыми, расширяется сотрудничество во всех сферах, укрепляется взаимодоверие.

Постоянно расширяются контакты и сотрудничество между центральными и местными правительствами, законодательными органами и политическими партиями в сфере экономики, образования, здравоохранения, науки и техники, финансов, сельского хозяйства. Регулярно проводятся встречи и диалоги по пограничным проблемам и внешней политике, по проблемам безопасности и борьбы с терроризмом, а также взаимные визиты дипломатов, форумы с участием известных деятелей, — все это способствует укреплению взаимопонимания и доверия. В апреле 2008 г. открыта «горячая линия» между министрами иностранных дел Китая и Индии. В мае 2010 г. достигнуто соглашение об открытии «горячей линии» между премьер-министрами.

(3) Взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество

Объем товарооборота между Китаем и Индией в 2008 г. составил 51,78 млрд долл.; в 2009 г. под влиянием кризиса он снизился до 43,38 млрд. Китай является вторым внешнеторговым партнером Индии. К концу 2009 г. Китай заключил с Индией трудовых и подрядных контрактов на 31,6 млрд долл., из них уже освоены 13,6 млрд. Индия стала также важным рынком для подрядно-строительных услуг. Такое сотрудничество благоприятно не только для развития международной деятельности китайских предприятий, но и для совершенствования и развития индийской инфраструктуры. Постоянно увеличивается

объем взаимных инвестиций. Торгово-экономические отношения стали и важным компонентом, и стимулятором китайско-индийских отношений стратегического партнерства.

(4) С каждым днем активизируются гуманитарные связи, укрепляется взаимопонимание и дружба.

Правительства обеих стран уделяют большое внимание контактам в гуманитарной сфере. Увеличивается интенсивность обменов между представителями СМИ, учеными, неправительственными организациями. Уже в течение 5 лет осуществляется обмен «молодежными делегациями по 100 человек». В 2007 г. между Китаем и Индией был проведен «Год туризма и дружбы». В 2008 г. количество взаимных посещений граждан превысило 500 тысяч. В 2010 г. в двух странах были проведены соответственно «Фестиваль Китая» и «Фестиваль Индии». Постоянно укрепляется взаимопонимание и народная поддержка межгосударственных отношений.

(5) Отношения и сотрудничество двух стран в военной области постепенно развиваются.

Сотрудничество и связи в военной области служат барометром в двусторонних отношениях. В мае 2006 г. министр обороны Индии посетил Китай, обе стороны подписали меморандум о расширении китайско-индийских связей и сотрудничества в оборонной сфере. В ноябре 2007 г. Китай и Индия начали проведение консультаций по проблемам обороны и безопасности. В декабре 2007 г. и в декабре 2008 г. поочередно в Китае (в Кунмине) и Индии (в Белгауме) состоялись совместные антитеррористические учения. В ноябре 2008 г. командующий ВМФ Китая посетил Индию. В апреле 2009 г. начальник генштаба флота Индии возглавил эскадру индийских военных кораблей на мероприятиях, посвященных празднованию 60-й годовщины ВМФ Китая. В сентябре командующий Восточным военным округом Индии посетил Китай. В декабре заместитель начальника генштаба КНР и командующий Тибетским военным округом посетили Индию. 1 января 2010 г. в Пекине состоялась третья двусторонняя встреча по проблемам обороны и безопасности. Все это способствовало повышению взаимопонимания и доверия между вооруженными силами Китая и Индии.

(6) Усилились согласованность и сотрудничество по международным и региональным проблемам. У Китая и Индии в настоящее время по ряду важнейших международных и региональных проблем существуют взаимопонимание и общие интересы. У обеих стран, помимо отношений по двусторонним каналам, ведутся консультации и сотрудничество через различные многосторонние механизмы. Сотрудничество премьер-министров обеих государств на конференции ООН по проблемам изменения климата в Копенгагене не только способствовало защите интересов Китая и Индии, но и стало вкладом в успешную работу конференции.

(7) Принимать во внимание озабоченность друг друга, решать споры и конфликты путем диалога.

Китай, учитывая позицию Индии, позитивно решил проблему Сиккима. Он с пониманием относится к желанию Индии играть большую роль ООН и Совете Безопасности ООН, позитивно воспринимает развитие Индии и ее возрастающую роль в региональных и международных делах. Индия ясно заявляет, что Тибет является частью территории Китая, не позволяет тибетцам на своей территории предпринимать политические действия, направленные против Китая, поддерживает принцип одного Китая. В общем китайско-индийские отношения становятся более зрелыми, прагматичными и стабильными на современном этапе и движутся в правильном направлении.

б) Улучшать политическое взаимодоверие, поднимать китайско-индийские отношения на новую высоту.

В настоящее время в области обменов между двумя странами, взаимопонимания и политического доверия существует немало возможностей для дальнейшего совершенствования. В двусторонних отношениях и в подходе к некоторым международным вопросам еще иногда возникают различия, несовпадения интересов. Унаследованная от ис-

тории территориальная проблема оказывает негативное влияние на отношения между двумя странами. Так называемый «недостаток доверия» вызывает общую озабоченность двух стран. В Индии представления о «китайской угрозе» остаются довольно распространенными. Некоторые индийцы неверно полагают, что Китай проникает в индийское стратегическое пространство в Южной Азии, тогда как другие недовольны позицией Китая по вопросу о членстве Индии в СБ ООН. В Китае существует общее неодобрение позицией Индии в пограничном вопросе и отношением в Индии к Далай-ламе. В свою очередь, некоторые китайцы подозревают Индию в том, что она пытается «сдерживать Китай, используя США»; китайские пользователи Интернета недовольны тем, что в индийской печати часто «появляются негативные заметки о Китае».

И Китай, и Индия имеют свои стратегии развития, дипломатию и оборонную стратегию, у каждой страны также есть свои специфические проблемы. Поэтому необходимо без предвзятости рассматривать различные подходы и интересы двух стран. Важно продолжать укреплять взаимное доверие, развивать дружеские обмены, взаимопонимание и сотрудничество, что сделает их необратимыми.

1. Принимать меры к тому, чтобы Китай и Индия не создавали угрозы друг для друга.

Поскольку у них нет конфликтов базовых интересов и они не угрожают друг другу, Китай и Индия не являются соперниками и тем более врагами. Их соперничество не является вопросом жизни или смерти, это — нормальная конкуренция.

2. Общие подходы и интересы преобладают над различиями. Их консенсус и общие интересы намного более значимы в контексте социально-экономического развития обеих стран и отношения к главным международным проблемам.

3. В Азии и во всем мире достаточно места и для Китая, и для Индии для развития и сотрудничества. Обе стороны должны стремиться к взаимному процветанию.

4. Используя потенциал дружбы, обе страны должны надлежащим образом решать споры и конфликты. Необходимо принять концепцию взаимной выгоды и общего развития, а также концепцию безопасности, отражающую взаимное доверие и взаимную выгоду, концепцию равноправной координации, сотрудничества и консультаций. Обе стороны должны принимать во внимание взаимные перспективы, проявлять терпимость при подходе к крупным проблемам и избегать незначимых разногласий.

5. Прилагать еще более значительные усилия для расширения обменов, взаимопонимания и сотрудничества в целях укрепления взаимного доверия. Население Китая и Индии составляет 2,5 млрд человек. Каждый год лишь 500 тыс. из них посещают наши страны, Это крайне мало. Только при наращивании обменов можно достигнуть лучшего взаимопонимания — тогда возрастет и доверие. Только при наличии доверия будет развиваться сотрудничество. Только в условиях взаимного доверия, сотрудничества, взаимной выгоды дружба между народами будет переходить из поколения в поколение.

6. Соответствовать велению времени и подниматься на стратегическую высоту.

в) Перспектива китайско-индийских отношений.

(1) Китайско-индийские связи имеют широкие перспективы для развития.

Лидеры и правительства двух стран уже достигли важного консенсуса — ситуация в странах во многом близкая, задачи сходные, можно учиться друг у друга. Китай и Индия — это развивающиеся страны с большим населением, обе страны нуждаются в быстром экономическом росте, улучшении жизни людей, осуществлении индустриализации и модернизации. Это потребует от них нескольких десятилетий огромного труда и непрестанных усилий. Сходные условия и общие задачи предоставляют им возможность учиться друг у друга и помогать друг другу восполнять недостающее. Это веская причина для двух стран быть добрыми соседями и жить в мире и гармонии, быть хорошими партнерами, работающими совместно ради взаимовыгодного сотрудничества, и близкими друзьями, доверяющими друг другу.

Обе стороны имеют хорошую базу для консультаций и сотрудничества в международных делах.

Китай и Индия имеют сходные позиции в международных делах, выступают за многополярный мир и демократию в международных отношениях, за создание международной системы, базирующейся на толерантности и уважении страновых различий, за реформирование и установление справедливого рационального финансового и экономического порядка, за общие усилия по борьбе с изменениями климата и в вопросах обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, за поддержку культурной и религиозной терпимости и диалога разных культур и народов, за борьбу против терроризма и транснациональной преступности, за контроль над рождаемостью и сохранение природной среды, за усиление роли ООН в обеспечении мира, безопасности и развития. Это прочная основа для координации и сотрудничества Индии и Китая в региональных и международных вопросах. Добрососедство и дружба между двумя странами — не только отвечает чаяниям их народов, это веление времени в русле истории.

(2) Продолжать развивать китайско-индийские отношения

В настоящее время китайско-индийские отношения находятся на важном этапе, связывающем прошлое и будущее. Отмечая 60-ю годовщину установления дипломатических отношений как поворотный момент, обе страны стремятся углубить взаимовыгодное сотрудничество в различных сферах и дальше продвигать стратегическое партнерство и сотрудничество.

– Поддерживать обмены на высоком уровне и всемерно укреплять взаимное доверие.

– Активизировать взаимные визиты, расширять контакты между людьми и культурный обмен, чтобы формировать позитивное общественное мнение в обеих странах.

– Полностью использовать потенциал для торгово-экономического сотрудничества, качественно улучшать и диверсифицировать торговлю, чтобы реализовывать взаимодополняемость. Поощрять взаимные инвестиции, провести как можно скорее переговоры о региональном торговом регулировании, ликвидировать барьеры для инвестиций в торговлю, противодействовать торговому протекционизму, надлежащим образом разрешать проблемы, возникающие в процессе экономического и торгового сотрудничества и создавать благоприятные экономические и торговые условия для промышленных и торговых компаний.

– Усиливать координацию по таким важным проблемам как мировой финансовый кризис и климатические изменения, а также сотрудничество в региональных и международных делах.

– Полностью использовать различные диалоговые механизмы, постоянно проводить обмен идеями, интенсифицировать обмены и сотрудничество в различных сферах и достигать понимания и доверия, избегая неверных представлений. Способствовать тому, чтобы СМИ выполняли свою роль, положительно влияли на общественное мнение и создавали атмосферу дружбы, Сохранять бдительность в случае попыток какой-либо третьей стороны внести разлад в двусторонние отношения.

Направление развития китайско-индийского стратегического партнерства и сотрудничества определено в «Стратегии из 10 пунктов», китайско-индийская дружба имеет очень важное значение. Как сказал Премьер КНР Вэнь Цзябао на встрече с премьером Индии Сингхом в Таиланде 24 октября 2009 г., «Китай и Индия являются развивающимися странами с огромным населением. Прочное добрососедство и дружба, взаимовыгодное сотрудничество и совместное развитие идут на пользу не только китайскому и индийскому народам, но также имеют важное позитивное значение для Азии и всего мира».

РИК: проблемы и перспективы секторального диалога

© 2011

С. Уянаев

В материале рассматриваются особенности современного этапа в развитии российско-индийско-китайского секторального диалога, под которым понимается трехстороннее сотрудничество в практических хозяйственно-экономических областях. Вопросы дальнейшего продвижения секторального взаимодействия в РИК анализируются на фоне процессов, протекающих в других аналогичных международных форматах, прежде всего «Индия-Бразилия-ЮАР».

Ключевые слова: РИК, ИБСА, секторальный диалог, международное сотрудничество.

Одной из целей сотрудничества в РИК является содействие развитию хозяйственных и социально-культурных комплексов в каждой из стран, «более полная реализация их возможностей в экономическом развитии»¹. Об этом не раз говорилось в коммюнике министров иностранных дел «тройки», в двусторонних документах последних лет, принимавшихся между РФ, КНР и Индией.

На рубеже 2007—2008 гг. идея налаживания связей в различных областях хозяйственной жизни получила начальный практический импульс. Были организованы диалоговые площадки, на которых стартовали трехсторонние обсуждения возможностей взаимовыгодной кооперации в сельском хозяйстве, в противодействии чрезвычайным ситуациям и борьбе с последствиями катастроф, в области здравоохранения и медицины. Были проведены форумы деловых кругов трех стран. Конференции ученых — политологов, проводимые с 2001 г. — пример ведущегося академического диалога. Судя по встрече министров иностранных дел в Бангалоре, в орбиту практического диалога специалистов могут быть вовлечены энергетика и другие сферы.

С одной стороны, наличие такого уже вполне солидного списка можно считать признаком хорошего продвижения вперед. С другой (по меньшей мере, на первый взгляд) — тот факт, что к настоящему времени отсутствует какая-либо информация о реальных проектах в указанных областях, может служить поводом для некоего скептицизма. Не случайно, в СМИ такого рода оценки уже встречались². Для того, чтобы попробовать осмыслить реальную степень эффективности секторального сотрудничества в РИК, уместно, на наш взгляд, обратиться к практике аналогичных форматов. В частности, для сравнения показательна структура Индия—Бразилия—ЮАР (ИБСА в английской аббревиации). ИБСА, также как и РИК, является неформализованной структурой партнерства в целях продвижения сходных для стран-участниц целей и интересов. Кроме того, данный формат — практический «ровесник» РИК, возникший лишь годом позже «евразийской тройки».

За семь лет существования ИБСА в его структуре сформированы институты встреч министров иностранных дел, четырежды (в том числе в апреле 2010 г. в Бразилии) встречались высшие руководители трех стран. При этом показательно, что вслед за первыми встречами глав МИД практически сразу начались шаги по формированию сек-

торального диалога. К настоящему времени он ведется в 16 областях: сельское хозяйство, охрана окружающей среды и изменение климата, культура, оборона, образование, энергетика, здравоохранение, городское хозяйство, информационное обеспечение, государственное управление, налоговое администрирование, наука и технология, социальные вопросы, туризм, торговля и инвестиции, а также транспорт. В каждой из сфер работают совместные рабочие группы. Их деятельность уже привела к подписанию и принятию меморандумов о взаимопонимании в 10 областях. Еще несколько таких документов подписаны и ждут ратификации¹.

На первый взгляд в ИБСА в сравнении с РИК достигнуто более существенное продвижение. Имея в виду число и частоту проводимых мероприятий (семинары, встречи, выставки), не говоря уже о спектре рассматриваемых проблем, это, похоже, действительно так. И при определении дальнейших шагов по взаимодействию в РИК опыт ИБСА может, как кажется, быть весьма полезен.

В частности, заслуживает внимания созданный в каждой из стран в рамках МИД институт ответственных лиц — своего рода национальных координаторов сотрудничества в ИБСА. Похоже, что именно в эти структуры стекается вся, в том числе секторальная информация, осуществляется мониторинг, определяется стратегия и тактика дальнейших действий, координируется работа вовлеченных национальных министерств и ведомств.

Помимо этого в ИБСА встречаются представители государственных институтов — парламентарии, работники судебных органов и т.д.

Справедливости ради отметим, что в документах ИБСА (также как и РИК) пока нет упоминания о реализации неких конкретных проектов вроде, скажем, неких совместных производств, компаний, разработок и т.д. Тем не менее, принятие Меморандумов о намерениях — важный практический шаг в этом направлении. К тому же, ряд акций уже осуществлен. К примеру, в культурной сфере организуются фестивали фильмов трех стран, а в сфере обороны проводятся (факт сам по себе весьма показательный) маневры флотов трех стран. Кроме того, в ИБСА действует финансовый Фонд, цель которого — помощь беднейшим странам. Ежегодно отчисляя в Фонд по 1 млн долл., страны ИБСА уже провели ряд благотворительных акций на Гаити, в Гвинее-Бисау и Кабо-Верде⁴.

Иными словами, повторим, опыт продвижения сотрудничества в ИБСА может быть полезен и востребован в РИК. В числе прочего речь идет о целенаправленном анализе и накоплении стимулов взаимовыгодной кооперации, о естественной (а не искусственной) конвергенции интересов сторон, наконец — об управленческих и других технологических наработках.

1. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Принята Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21.03.2006 г. — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e64325699005e6e8c/b9df4e3d3944dd02c325765e0039ce29?OpenDocument&cremlin.ru/interdocs/2006/03/21/1851_type72067_103421.shtml?type=72067.
2. См.: Интервью С.В.Лаврова российским СМИ в Багалоре, октябрь 2009 г. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e64325699005e6e8c/b9df4e3d3944dd02c325765e0039ce29?OpenDocument.
3. IBSA Trilateral Official Website.
— http://www.ibsa-trilateral.org/index.php?option=com_content&view=article&id=30&Itemid=71.
4. http://www.ibsa-trilateral.org/index.php?option=com_content&view=article&id=29&Itemid=79.

Копенгагенская договоренность и сотрудничество в формате Россия—Индия—Китай

© 2011

Л. Норонха

В статье обсуждаются вопросы и опасения, связанные с Копенгагенской договоренностью, и рассматривается ответная реакция стран РИК — России, Индии и Китая на климатические дебаты, последовавшие за конференцией в Копенгагене. Статья послужит развитием дискуссии на 9-й Трехсторонней конференции ученых стран РИК по вопросу сходства и различия национальной политики трех стран и предлагаемых действий и планов в отношении климатических изменений.

Ключевые слова: Копенгагенская договоренность, глобальное снижение выбросов, окружающая среда, климатические изменения, Россия, Индия, Китай, перспективы трехстороннего сотрудничества.

1. Вводные замечания

15-я Конференция стран-участниц РКИКООН (Рамочная конвенция ООН по изменению климата)¹, состоявшаяся в Копенгагене в декабре 2009 г., воскресила надежды мирового сообщества на возможный прорыв в вялотекущих переговорах по климатическим изменениям, но в итоге вылилась в разочарование и неопределенность в отношении ее результатов. Ключевым итогом конференции стала Копенгагенская договоренность — трехстраничное соглашение, предложенное несколькими государствами и критикуемое за непрозрачность процесса его выполнения, за то, что оно не поддерживает консенсус, отраженный в РКИКООН, и не может служить надежной основой для глобальной климатической стратегии. Договоренность провозглашает целью ограничение, в соответствии с научными рекомендациями, роста мировой температуры в пределах 2°C и содержит положение об оценке выполнения Договоренности до 2015 г.; привлекает к участию некоторые страны с переходной экономикой, будущие выбросы которых оцениваются как важные для решения климатической проблемы (особенно при участии США в какой-либо форме), и предусматривает (в отношении действий по смягчению и предотвращению климатических изменений) «количественную оценку, отражение в отчетности и проверку на национальном уровне», предписывая, однако, представлять полученные результаты «в национальных сообщениях, с проведением международных консультаций и анализов». Другой важный результат касается лесов. Поскольку 20% выбросов диоксида углерода относят на счет обезлесения, то «REDD плюс» является важным результатом саммита в Копенгагене, учитывая, что компенсации будут выплачены развивающимся государствам с целью сохранения их лесных ресурсов или разработки мер по лесовозобновлению². На период с 2010 по 2012 гг. приняты финансовые обязательства о предоставлении развивающимся странам 30 млрд долл. США для адаптации к новым мерам по противодействию изменениям климата, а также обязательство развитых стран изыскать более существенную сумму в 100 млрд долл. к 2020 г.

Обязательства по глобальному снижению выбросов

К 31 января 2010 г. — дате, установленной Секретариатом РКИКООН для стран-участниц в качестве конечного срока для оглашения своих обязательств, все развитые страны представили планируемые цифры на 2020 г., хотя и указали разные годы в качестве базового ориентира. Этот “портфель обязательств” более не является распределением квот по нисходящему принципу на основании согласованных объемов выбросов, как это было в случае Киотского протокола. Это восходящий принцип, когда государства дают обещания в соответствии со своими реальными (по их расчетам) возможностями. Кроме того, 39 развивающихся стран представили сведения о национальных планах смягчения последствий климатических изменений либо в общеэкономическом выражении, либо в виде конкретных действий. Иногда базовый год был указан, другие случаи носили более общий характер. Суммарный итог этих обязательств — вовлечение стран, ответственных за основную долю выбросов углерода (80%), в процессы отчетности и ведения переговоров, что является эффективным результатом, если ведет к реальному сокращению выбросов. То, насколько успешно они будут выполнять свои обязательства, будет зависеть от действенного выполнения странами-участницами, указанными в Приложении I, и другими развитыми странами-участницами, указанными в Приложении II³, соответствующих обязательств в рамках Рамочной конвенции ООН, относящихся к финансовым ресурсам и передаче технологий.

Обязательства стран РИК

Россия — развитое государство с высоким уровнем дохода на душу населения (\$7560 в 2007 г.) по сравнению с Китаем (\$2360) и Индией (\$950), высоким, в сравнении с Индией и Китаем, индексом человеческого развития, высоким уровнем энергопотребления на душу населения и с гораздо меньшей по сравнению с Индией и Китаем долей угольного топлива в производстве электроэнергии. Энергоинтенсивность России в 2007 г. примерно в 2,5 раза превысила аналогичный показатель для Индии, составив 15312 Втл/2005 USD по сравнению с 11412 Втл/2005 USD для Китая и 6543 Втл/2005 USD для Индии⁴. В 2007 г. выбросы углерода на душу населения составили в России 10,6 т по сравнению с 3,9 т в Китае и 1,2 т в Индии. Однако абсолютная доля России в общемировом объеме выбросов составляет 6%, тогда как доля Китая — 20% и доля Индии — 4%. Россия является Страной-участницей РКИКООН, включенной в Приложение I, в отличие от Китая и Индии, не входящих в указанное Приложение.

Готовясь к климатическому саммиту в Копенгагене, Китай пообещал ограничить интенсивность выбросов диоксида углерода (удельные углеродные выбросы на единицу ВВП) на 40–45% к 2020 г. Такое сокращение носило добровольный характер и потому вряд ли оно явилось бы частью обязательного соглашения по климатическим изменениям. Индия также сделала похожее заявление: она ограничит интенсивность выбросов диоксида углерода на 20–25% к 2020 г., но не примет на себя никаких юридических обязательств. Это вызвало бурную полемику внутри страны, так как Индия всегда утверждала, что приоритетной в процессе развития для нее является этническая сторона, а не квоты на выбросы парниковых газов. Подобные квоты, как утверждалось, в короткие сроки негативно повлияют на экономический рост и снизят возможности производства электроэнергии, а в данном контексте необходим рост энергопроизводства, что на сегодняшний день основано на потреблении углерода. Учитывая срочность и величину энергетических потребностей, изначальную бедность и общую социальную и экономическую ситуацию, в которой осуществляется производство, на данной стадии принятие официальных обязательств в отношении углеродных выбросов стало бы тяжелым бременем для развивающейся экономики и установило бы для перехода национальной энергетики на новый путь, менее зависимый от ископаемого топлива, более узкие временные рамки, чем это необходимо, исходя из разумных сроков и финансовых затрат.

Принимая во внимание распад и экономический крах бывшего СССР, случившийся после 1990 г., а также более ранние договоренности о распределении выбросов, плановые показатели эмиссии, установленные для России Киотским протоколом, создали излишек квот на выбросы в атмосферу, которые могут быть переданы другим государствам. Этот излишек является потенциально важным вкладом в выполнение Странами-участницами (см. Приложение I) своих обязательств в рамках Киотского протокола в более тесной связи с существующими в них подходами к проблеме выбросов и отражает существенное позитивное содействие со стороны России в решении данного вопроса. Однако еще до встречи в Копенгагене, Россия заявила о своем желании сократить уровень выбросов на 20–25% по сравнению с уровнем 1990 г. Россия в своей климатической политике отдает предпочтение использованию механизмов, предложенных Киотским протоколом, в таких отраслях, как жилищный сектор и угольная промышленность, где все еще возможны значительные сокращения выбросов парниковых газов. В Таблице 1 приведены обязательства стран РИК, представленные на 31 января 2010 г.

Таблица 1

Обязательства в рамках Копенгагенской договоренности

Количественные показатели выбросов в экономическом масштабе

Россия

Сокращение выбросов парниковых газов на 15–25% к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г. будет зависеть от следующих условий:

- надлежащий учет потенциала российского лесного хозяйства в рамках содействия выполнению обязательств по снижению антропогенных выбросов в атмосферу;
- принятие крупнейшими поставщиками атмосферных выбросов юридических обязательств по снижению антропогенных выбросов парниковых газов.

Китай

Китай приложит усилия для снижения к 2020 г. выбросов диоксида углерода на единицу ВВП на 40–45% по сравнению с уровнем 2005 г., для увеличения к 2020 г. доли неископаемого топлива в потреблении первичной энергии до 15%, а также для увеличения к 2020 г. лесных площадей на 40 млн га и резерва лесонасаждений на 1,3 млрд кубометров по сравнению с показателями 2005 г.

– вышеперечисленные автономные национальные меры по смягчению последствий климатических изменений носят добровольный характер и будут осуществляться в соответствии с принципами и положениями РКИКООН.

Индия

Индия приложит усилия для снижения к 2020 г. интенсивности выбросов диоксида углерода на 20–25% по сравнению с уровнем 2005 г. Сюда не входят выбросы в сельском хозяйстве.

– предложенные национальные меры являются добровольными и не носят юридически обязательного характера. Кроме того, данные меры будут осуществляться в согласии с соответствующими национальными законодательными актами и стратегиями, равно как с принципами и положениями РКИКООН.

II. Вопросы и уточнения в отношении Копенгагенской договоренности

Несмотря на означенные обязательства стран РИК и других государств по снижению атмосферных выбросов, в связи с Договоренностью возникают такие вопросы, как временной график, процесс ведения переговоров, связь с Киотским протоколом, система мониторинга и обеспечения исполнения обязательств, а также фактический результат с точки зрения возможного влияния на изменение климата. Четкое резюме по данно-

му поводу содержится в материалах Консультативного совета федерального правительства Германии по глобальным изменениям окружающей среды за 2010 год:

"В настоящее время, однако, не хватает имеющего обязательную силу временного графика и глобального координационного механизма, а также жизнеспособной системы мониторинга и возможностей для применения санкций в целях обеспечения соответствия действий государств их декларациям о намерениях. Кроме того, планируемые действия, пусть даже в полной мере заслуживающие уважения, оказались на сегодняшний день недостаточными для ограничения роста средней температуры на планете в пределах 2°C; точнее, исходя из существующих обязательств, к концу столетия можно ожидать подъема средней мировой температуры на 3°C".

Еще большее беспокойство вызывает статус Договоренности по отношению к Киотскому протоколу. Так как Договоренность базируется на добровольных обязательствах, она снижает мотивацию стран-участниц Киотского протокола в отношении использования предусмотренных протоколом механизмов, таких как квотирование выбросов и торговля квотами, механизм чистого развития, совместная деятельность по снижению выбросов углерода. К примеру, Канада будет иметь меньший стимул покупать нереализованные выбросы углерода, чтобы покрыть перерасход своих собственных квот, в то время как Россия, имеющая неиспользованные квоты, окажется в проигрыше. По всей вероятности, пострадает и международная торговля квотами на атмосферные выбросы, так как цены на квоты снижаются. Отсутствие устойчивого порядка создаст неопределенность для желающих инвестировать в развитие возобновляемых источников энергии⁵. В итоге отсутствие консенсуса и имеющих юридическую силу обязательств означает, что многосторонний процесс и механизмы решения глобальной проблемы повреждены, посылают противоречивые сигналы для ведения экономической деятельности и замедляют необходимые темпы выполнения действий.

Еще одна серьезная проблема, связанная с Копенгагенской договоренностью, заключается в том, что она, похоже, снижает историческую ответственность развитых стран за вызванное антропогенными причинами глобальное потепление климата и повышает значимость будущей ответственности стран развивающегося мира. Если последнее важно, то, будем беспристрастными, необходима наглядная демонстрация действий со стороны первых, прежде чем налагать обязательства на вторые, учитывая, что накопленный в атмосфере углерод есть следствие исторической ответственности, и будущие выбросы не имели бы такого значения, если бы накопленный запас не был бы столь велик. Бездействие индустриально развитых стран в первый период выполнения обязательств и, как следствие, обусловленная дефицитом времени необходимость безотлагательных действий наглядно подтверждаются приведенной ниже схемой. Как бы достижения не имели место в отношении обязательств по Киотскому протоколу⁶ со стороны стран-участниц, включенных в Приложение I, они обусловлены действиями стран с переходной экономикой⁷, которые, однако, как показано на рис. 1, отнюдь не снижают свои объемы выбросов парниковых газов. Больше всего в этой переориентации от ответственности к ответным действиям настораживает то, что она может означать следующее: развитые страны не чувствуют себя обязанными предоставить технологии и финансовые ресурсы, чтобы помочь развивающимся странам отказаться от углеродоемких методов и покрыть затраты на адаптацию.

В тематике переговоров в области климатических изменений произошел существенный сдвиг от проблем окружающей среды и развития к вопросам конкурентоспособности наций. С начала XXI в., учитывая экономический подъем Китая и начавшийся позднее экономический рост Индии, эти два государства испытывают неуклонно нарастающее давление со стороны развитых стран в вопросе принятия юридических обязательств по сокращению выбросов углерода на том основании, что сегодня объемы их выбросов весьма значительны. В качестве контраргумента и основы для беспристрастно-

го подхода к распределению квот на выбросы углерода эти государства ссылаются на имеющуюся у них все еще очень низкую величину эмиссии на душу населения. Именно в этом контексте численность населения Индии и Китая обычно упоминается в качестве причины, в силу которой величина эмиссии на душу населения не может быть использована в качестве основы для справедливого распределения ответственности. Утверждается, что большое население даже при низком уровне выбросов, приходящихся на одного человека, в сумме означает большое абсолютное количество поставляемого в атмосферу углерода. Однако этот аргумент игнорирует роль потребления в определении размеров карбонового следа. Формула Кая⁸ или даже более простые формулы показывают, что величина эмиссии углекислого газа зависит не только от численности населения, но и от энергопотребления, а также от используемых технологий (T- technology). В то время как в этих крупных экономических державах наблюдается замедление темпов роста численности населения, признаков устойчивого потребления пока что не наблюдается. Высокий показатель выбросов парниковых газов на душу населения в развитых странах есть неизбежный результат использования неустойчивых моделей потребления (то есть способности стабилизировать объем потребленных энергоресурсов. — Прим. авт.).

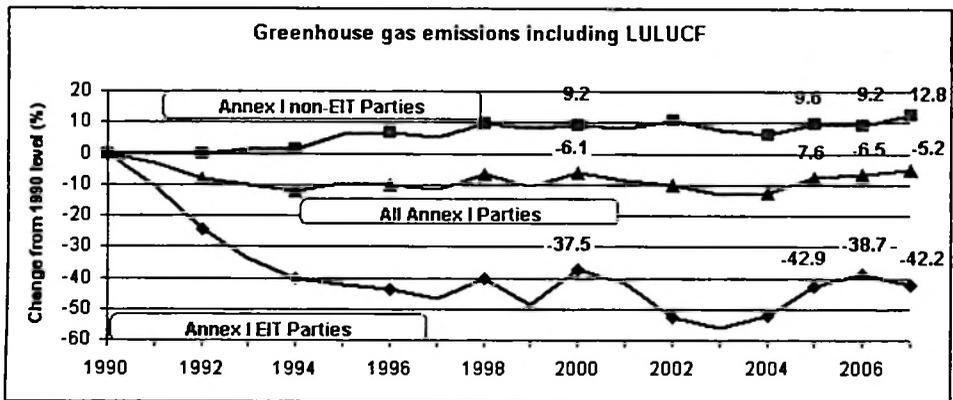

Рисунок 1. Тенденции в совокупных выбросах парниковых газов (1990–2007)

Источник: http://unfccc.int/files/ghg_data/ghg_data_unfccc/image/jpeg/trends_including_2009.jpg

ЗИЗЛХ (LULUCF) — землепользование, изменения в землепользовании и лесное хозяйство (Прим. перев.) Общий объем эмиссии и поглощения парниковых газов в результате лесопользования и изменений в землепользовании (влияние деятельности в области ЗИЗЛХ на три различных источника углерода: наземную биомассу, подземную биомассу и почвенный углерод).

EIT — страны с переходной экономикой.

Greenhouse gas emissions including LULUCF — эмиссии парниковых газов, включая ЗИЗЛХ.

Annex I non-EIT Parties — страны-участницы РККОООН, включенные в Приложение I, кроме стран с переходной экономикой.

Annex I EIT Parties — страны с переходной экономикой, включенные в Приложение I к РККОООН.

All Annex I Parties — все страны-участницы РККОООН, включенные в Приложение I.

Change from 1990 level (%) — изменение относительно уровня 1990 г. (%)

Пока еще нет единого мнения о характере результатов Копенгагенской договоренности. Восприятие этого документа в разных странах весьма неоднозначно и варьируется от «огромного прорыва» до «катастрофы» в зависимости от ожиданий, возлагавшихся на копенгагенскую конференцию. Кроме того, в Китае и Индии, не включенных в Приложение I к РККОООН и в настоящее время связанных добровольными обязательствами, национальные дебаты проходили крайне напряженно, высказываемые мнения, по сути, варьировались от выражения поддержки до выражения озабоченности. В контексте споров, вызванных копенгагенской конференцией, эти государства выступили с официальными заявлениями и обозначили в них те пункты Договоренности, которых они намерены придерживаться в рамках процессов, осуществляемых под руководством ООН.

Хотя Китай и Индия и согласились быть упомянутыми в вводной части Копенгагенской договоренности, однако они подчеркнули, что ООН следует продолжать переговоры по проблеме глобального изменения климата, и что Договоренность не предлагает нового направления переговорного процесса. Ниже приведена официальная позиция Индии в отношении Копенгагенской договоренности⁹:

* Это политический документ, не имеющий обязательной юридической силы.

* Он способствует продолжению переговоров, идущих в настоящее время по двум направлениям в соответствии с принципами и положениями РККОООН, Киотского протокола и Балийского плана действий.

* Конференция стран-участниц не утвердила Договоренность, но лишь приняла ее к сведению.

* Тем не менее, Договоренность будет иметь определенную ценность, если области совпадения интересов, отраженные в Договоренности, помогут Сторонам в достижении согласованных результатов в рамках многосторонних переговоров, проводимых ООН по двум направлениям, а именно: Специальной рабочей группой по долгосрочным мерам сотрудничества и Специальной рабочей группой по Киотскому протоколу.

* Договоренность является лишь вкладом в идущий по двум направлениям процесс переговоров, но не новым направлением переговоров и не основой для поиска решений.

Вэнь Цзябао в своих письмах, адресованных Секретариату РККОООН, выделяет три момента¹⁰: 1) он подчеркивает "политическую значимость" Копенгагенской договоренности для получения результатов в ходе переговоров по Балийской дорожной карте; 2) он повторяет, что «конвенция и протокол являются основными каналами проведения международных переговоров по проблеме изменений климата», и "две Специальные рабочие группы являются официальными органами для ведения таких переговоров"; и 3) он считает, что «следует придерживаться» механизма принятия решений, основанного на консенсусе, «в то время как может быть проведен поиск подходящих путей увеличения эффективности, при условии обеспечения открытости, прозрачности и широкого состава участников переговорного процесса».

Официальная позиция России по проблеме изменений климата, которая была озвучена в ходе «круглого стола», прошедшего в Дипломатической академии МИД РФ в марте 2010 г., то есть три месяца спустя после саммита в Копенгагене, заключается в поддержке объединения двух переговорных процессов — по РККОООН и по Киотскому протоколу, чему, по мнению российской стороны, препятствует непримиримость США в отношении Киотского протокола¹¹, по словам Александра Бедрицкого, советника Президента РФ по вопросам изменения климата, на данный момент в помощь участникам климатических дебатов для определения целей дальнейшей работы существуют Киотский протокол и Копенгагенская договоренность, но из нее для выработки основы нового, пост-Киотского соглашения, можно будет использовать, как максимум, лишь преамбулу. Как отметил Бедрицкий, в Договоренности «есть набор деталей, но нет конструкции»¹². По его мнению, Россия должна играть более активную роль в климатических пе-

реговорах и преобразованиях, включая усиление роли России в Межправительственный экспертной группе по изменению климата. Было также высказано мнение, что России стоит не замыкаться на традиционных партнерах, а больше сотрудничать в области климата с Китаем, Индией и другими странами с переходной экономикой. Были приведены доводы в пользу запуска в России процесса реализации некоторых механизмов Киотского протокола, в частности, торговли квотами, а также механизмов финансирования и поддержки развивающихся стран. В целом отчет о работе этого «круглого стола» позволяет заключить, что основной его идеей стал тезис о «необходимости большего участия России во всем, что связано с климатом — от науки и технологий, до политики и механизмов финансирования — на самом высоком уровне мирового переговорного процесса и на уровне стратегического принятия решений, определения приоритетов глобальной политики и в целом большего признания российских заслуг на мировой климатической арене»¹³. После пожаров в Центральной России летом 2010 г. руководство страны еще более озабочено потенциальными последствиями климатических изменений, и есть признаки того, что эта озабоченность может возрасти.

III. Какой подход к смягчению последствий климатических изменений практичнее — многосторонний или стратегический, групповой

Заметной особенностью конференции в Копенгагене стала попытка индустриально развитых стран сфокусировать внимание на том, что блок развивающихся стран не является более однородным, ибо по своим экономическим и экологическим характеристикам они отличаются друг от друга как небо и земля. В центре внимания находились развивающиеся страны — Бразилия, Индия, Китай и ЮАР (т.н. группа BASIC). Конференция зафиксировала это новое деление на группы между развитыми и развивающимися странами, посредством Договора были созданы обязательства, новые обязанности, и практически устранена разница между исторической ответственностью и ответственностью за будущую эмиссию, поскольку основное внимание уделяется «общим, но дифференцированным ответным действиям». В некоторой степени участники Копенгагенской конференции отступили от многостороннего подхода, предпочтя более стратегический групповой подход, признали растущую значимость этих государств как в экономическом, так и в стратегическом плане, но разделили позиции более развитых стран — Бразилии, Индии, Китая и ЮАР — и наиболее уязвимых, наименее развитых государств. Исходя из необходимости многостороннего подхода к проблеме, которая не имеет границ и требует выхода за рамки традиционного образа мыслей и границ суверенных государств в пользу международного сотрудничества, такое создание стратегических групп может иметь негативный результат в случае неосторожного обращения с ним в ходе международных переговоров.

После Копенгагена состоялось множество встреч стран BASIC (в Дели, Рио, Пекине и Йоханнесбурге), необходимых, чтобы определить важность и ответственность, обретенные BASIC в рамках Договора, поддержку, которую группа готова оказать Киотскому протоколу, а также помощь в решении остальных проблем Группы 77. Совместное заявление, принятое в заключение Четвертой встречи министров стран BASIC и Венесуэлы, состоявшейся в Рио-де-Жанейро 25–26 июля 2010 г., содержит следующие основные положения.

* Важность двунаправленного подхода: с одной стороны, результаты переговоров в формате Специальной рабочей группы по долгосрочным мерам сотрудничества согласно РКИКООН и Специальной рабочей группы по дальнейшим обязательствам для сторон, включенных в Приложение I, согласно Киотскому протоколу, и, с другой стороны, основные составляющие для получения справедливого и сбалансированного резуль-

тата в Канкуне, включая, например, различные проекты, которым необходимо срочное финансирование.

* Оказание помощи в достижении желаемой цели сдерживания роста мировой температуры в пределах 2°C по сравнению с до-индустриальным периодом, с учетом уровня общественного и экономического развития государств и приоритетных задач ликвидации бедности.

* Необходимость в определении парадигмы для справедливого распределения ответственности до того, как будут достигнуты цели снижения глобальных эмиссий парниковых газов.

* Важность консолидации стран Группы 77 и Китая и ее роль в многосторонних переговорах, участие в построении и укреплении международного климатического режима.

Из вышеприведенного видно, что BASIC не только стремится занять лидирующее положение в Группе 77 + Китай, но также, оказывая давление на страны, включенные в Приложение I к РКИКООН, задает темп глобальной деятельности в области климатических изменений. Послание звучит примерно следующим образом: если мы, развивающиеся страны, обязуемся выполнить свои обещания, то вам (развитым странам) необходимо делать гораздо больше, учитывая ваши огромные финансовые и технические возможности, большую моральную ответственность за возникновение проблемы, а также большее пространство для маневра в отношении перехода к менее углеродоемким технологиям. Однако, подобная лидирующая роль и позиция нескольких стран вызывает определенное недовольство более многочисленного сообщества развивающихся государств — в первую очередь, наиболее уязвимых и опасяющихся увеличения их «климатической уязвимости» в результате возможного сближения интересов этой группы с интересами развитых стран.

Вероятно, можно найти эффективные методы и практические основания для работы с группой стран, являющихся крупнейшими поставщиками выбросов, и достичь реального прогресса в снижении объемов эмиссий. Однако, если для этого придется отказаться от равноправного долгосрочного сотрудничества в области технологий и от финансирования мер по смягчению последствий климатических изменений и адаптации к ним в развивающихся странах, то тем самым будет сделан поистине колоссальный шаг назад к Рамочной конвенции и нанесен сильнейший урон тем действиям, которые необходимы для снижения климатических рисков. Стратегические группы следует рассматривать в качестве средства для ускорения деятельности и разрушения препятствий на пути переговоров, а также для разработки национальных мер, но в таком вопросе, как изменение климата, необходим более широкий консенсус. В общем и целом, для решения данной проблемы необходима большая легитимации действий и решений посредством многостороннего процесса.

IV. Климат и проекты экологически безопасного («зеленого») экономического роста

Конференция в Копенгагене вызвала бурную деятельность в странах с развивающейся экономикой. Многие из этих действий имели целью рассказать миру об уже существующих и новых национальных проектах в области экологически безопасного экономического роста. Экологически чистая энергия и энергоэффективность — два ключевых момента, вокруг которых вращалась разработка проектов. Предполагается, что ископаемое топливо полностью заменят три потока первичной энергии: атомная (включая реакторы на быстрых нейтронах), солнечная энергия и биомасса (включая биотопливо), но для этого необходимо значительно усилить акцент на ННОКР, которые позволили бы снизить расходы до уровня, сравнимого с расходами при использовании ископаемого то-

плива. Другие технологии, представляющие интерес для стран РИК, включают экологически чистые технологии использования угля, улавливания и хранения углерода, а также технологии эффективного использования конечной энергии в строительстве и транспорте. Сотрудничество России, Индии и Китая в области научных исследований и разработок могло бы не только содействовать разработке таких технологий, но и в ходе накопления результатов привести к снижению производственных затрат с учетом планируемых национальных уровней энергопотребления.

Однако в вопросах передачи технологий существует исходное различие в положении государств, включенных и не включенных в Приложение I РКИКООН. Следует учитывать, что в РИК входят как страны, не включенные в Приложение I (Индия и Китай), так и включенная в него Россия, и для преодоления указанного различия требуется особое внимание и четкое понимание. Страны, включенные в Приложение I, стремятся облегчить циркуляцию коммерческих технологических потоков в том, что касается снижения тарифных барьеров, нормативно-правовых барьеров и увеличения способности освоения технологий в развивающихся странах. Как они заявляют, стоимость лицензии не является проблемой, так как на нее приходится лишь 1–2% от стоимости технологии. С другой стороны, страны, не включенные в Приложение I, говорят о некоммерческой передаче технологий. Они выступают за совместные мероприятия по увеличению своих адаптационных возможностей и за создание финансовых механизмов для покрытия лицензионных сборов или стоимости совместных научных проектов¹⁴.

Энергия и климат являются и будут являться вопросами, представляющими неуклонно растущий общий интерес для России, Индии и Китая, ибо спрос на энергию (будь то на основе углерода или прочих энергоносителей) со стороны крупнейших потребителей — Индии и Китая — растет, в то время как Россия продолжает наращивать объемы добычи природного газа и производства атомной энергии. Эти два источника энергии занимают важное место в климатических дебатах, поскольку природный газ рассматривается как нечто среднее между ископаемым и экологически чистым топливом, как «переходное топливо» для стран, желающих перейти на менее углеродоемкий путь, однако, переход к преимущественному использованию не-углеродного топлива, такого как ядерное или возобновляемое топливо, требует времени. Другая сфера интересов касается энергоэффективности, представляющей более приемлемый путь для решения углеродной проблемы, поскольку все три страны стремятся снизить свое энергопотребление, и как следствие, энергоемкость своей экономики. В контексте обязательств, принятых в рамках Копенгагенской договоренности, энергоэффективность и получение экологически чистой энергии, а также модели сотрудничества в решении этих задач представляют общий и неотложный интерес для стран РИК безотносительно их позиции в климатических дебатах.

Инициативы Индии

В преддверии Копенгагенской конференции многие аналитики утверждали, что Индия должна обнародовать информацию о национальных мерах в области климатических изменений, ибо появились основания говорить о недостаточности ее действий на данном направлении. 6 января 2010 г. Индия представила 24 проекта, предпринятых в области адаптации и смягчения последствий изменений климата. Краткая информация о них представлена в Таблице 2.

Новейшие инициативы Индии включают:

“Углеродный налог” в размере 1 долл. США за тонну угля в поддержку Национального фонда чистой энергетики (Clean Energy Fund). Предполагается, что это стимулирует развитие исследований, деятельности и программ оздоровления экологии.

Последние инициативы Индии

Сфера действий	Проект / мероприятие	Результаты
Научные исследования	Индийская сеть по оценке климатических изменений (INCCA)	Действующая сеть, включающая 120 НИИ и 250 ученых
	Программа мониторинга ледников в Гималаях	Комплексная программа научного мониторинга гималайских ледников — первый этап завершен, начат второй этап, на обсуждение представлен доклад о состоянии ледников в Гималаях
	Запуск индийского спутника для мониторинга парниковых газов	Индийская организация космических исследований (ISRO) готовится к запуску микроспутника для изучения аэрозолей (твердых частиц) и последующему запуску полноценного спутника для мониторинга парниковых газов. Индия присоединяется к элитному сообществу стран, проводящих подобные исследования
	Лесной покров Индии как сток углерода	Исследования, оценивающие ценность индийских лесов в качестве поглотителя углерода — исходя из оценок, они нейтрализуют 11% годового объема эмиссий парниковых газов
	Профиль выбросов парниковых газов для Индии	Опубликованы различные оценки индийских эмиссий парниковых газов до 2030 г.; результаты говорят о том, что у Индии даже к 2030 г. останется минимальный размер эмиссий на душу населения
Разработка стратегии	Экспертная группа по низкоуглеродной экономике	Группа разработки для Индии низкоуглеродной экономической стратегии; подготовка к вводу 12-го пятилетнего плана
	Государственный план действий в области климатических изменений	Индия первой представила свой план действий, остальные государства завершают подготовку своих документов
	Национальная политика в области биотоплива	Национальная политика в области биотоплива утверждена Кабинетом министров для содействия производству и использованию биотоплива в транспортном и других секторах.
Реализация стратегии	Национальные миссии в рамках национального плана действий в области климатических изменений	Утверждены национальные миссии по получению солнечной энергии, энергоэффективности и стратегическим знаниям, остальные миссии находятся в финальной стадии подготовки

Сфера действий	Проект / мероприятие	Результаты
	Первая национальная конференция по экологически чистым строительным материалам и технологиям	Конференция для содействия развитию экологически чистого строительства; послужив примером, правительство Индии внесло предложение о строительстве всех новых правительственных зданий на основе экологически чистых технологий и материалов с учетом особенностей места строительства.
	30 «городов солнца»	Принципиальное одобрение получено для развития 30 «городов солнца» с целью 10-процентного снижения планируемого спроса на энергию, получаемую из традиционных источников, за счет сочетания энергоэффективности и получения энергии из возобновляемых источников
	Стандарты энергоэффективности для электрооборудования	Обязательные стандарты энергоэффективности введены с 7 января 2010 г. для 4-х основных видов электроприборов: холодильников, кондиционеров, световых трубок и трансформаторов. Новые стандарты появятся в течение 2010 г.
	Нормы энергоэффективности топлива	Анонсирован план норм экономии транспортно-го топлива, который будет введен в действие в течение 2 лет
	Механизм чистого развития	Индия признана лучшей в реализации механизма чистого развития. Индия планирует нейтрализовать 10% выбросов к 2012 г.
Международное сотрудничество	Индия принимает «Рио+20»	В 2012 г. Индия принимает 11-ю конференцию стран-участниц Конвенции о биоразнообразии, знаменующую 20-ю годовщину конференции ООН по проблемам окружающей среды и развития, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 г.
	Конференция ООН по климатическим технологиям	Индия успешно провела международную конференцию в области передачи и разработки экологически чистых технологий. На конференции принято Делийское заявление
	Конференция СААРК (SAARC) на уровне министров природоохранных ведомств	Индия успешно провела конференцию министров стран-членов СААРК, на которой были согласованы совместные действия в области решения проблемы климатических изменений. В 2010 г. темой саммита стран-участниц СААРК будет изменение климата.
	Документы, подготовленные Индией для РКИКООН	Опубликован отчет о 12 инициативных документах, представленных Индией в РКИКООН
Лесопользование	Отчет о состоянии лесов за 2009 г.	Опубликован последний отчет о состоянии лесов Индии, который демонстрирует продолжающееся увеличение лесного покрова
	Начата программа САМРА	Начата грандиозная (2,5 млрд долл. США) исследовательская программа по охране лесов

Сфера действий	Проект / мероприятие	Результаты
	«Зеленая» миссия Индии	Завершена подготовка новой миссии в рамках Национального плана действий в области климатических изменений, посвященной восстановлению лесов в кратчайшие сроки
	Создание потенциала в схеме лесопользования	Схема научных исследований стоимостью 80 млн долл. США для подготовки персонала в сфере лесного хозяйства
	Повышение эффективности управления лесными ресурсами	Схема научных исследований стоимостью 125 млн долл. США для улучшения управления лесопользованием, развития инфраструктуры, борьбы с лесными пожарами и пр.
	Включение лесной отрасли в национальный план обеспечения занятости сельского населения (NREGA)	Деятельность в сфере лесного хозяйства, включенная с целью добиться скорейшего лесовосстановления в самый успешный индийский план по обеспечению занятости населения; в настоящее время идет осуществление пилотных программ

Источник: Министерство по охране окружающей среды и лесов (МОЕФ), Правительство Индии

Механизм энергосбережения «Действуй, Достигай и Торгуй», являющийся частью Национальной миссии по усилению энергоэффективности, утвержденной в июне 2010 г. Эта программа охватывает предприятия, которые потребляют более 50% используемого в Индии ископаемого топлива и поможет сократить ежегодные выбросы углекислого газа на 25 млн т к 2014–2015 гг. Предприятия, перевыполнившие установленный план по энергосбережению, получают специальный Сертификат энергосбережения. Такой сертификат может быть использован другими предприятиями в зачет их собственных обязательств, если они сочтут их соблюдение слишком затратным.

Национальная миссия по созданию устойчивой среды обитания, которая занимается вопросами энергосбережения в жилых и коммерческих помещениях, сбора и переработки всех видов мусора, а также созданием устойчивой транспортной системы.

Национальная «солнечная» миссия им. Джавахарлала Неру имеет следующие задачи.

- Существенно увеличить поступление в энергосистему солнечной энергии в три этапа: 1000 МВт — к 2013 г.; 10000 МВт — к 2017 г.; 20000 МВт — к 2022 г.
- Создать благоприятные условия для производства солнечной энергии.
- Довести общую мощность солнечных станций, не подключенных к центральной электросети, до 1000 МВт к 2017 г. и до 2000 МВт — к 2022 г. Для реализации проекта будут использоваться солнечные фотогальванические батареи и Сертификат возобновляемых источников энергии, назван уже имеющийся покупатель будущей энергии — компания Vidyut Vyapar Nigam Ltd. (NVVN); предусматривается введение налоговых льгот, развитие НИОКР.

«Зеленая» миссия Индии направлена на увеличение объемов связывания углерода. За счет увеличения площади и плотности или же качества лесных насаждений в Индии может ежегодно поглощаться до 43 млн т углекислого газа. Данная инициатива предусматривает более целостный подход к ведению лесного хозяйства и более активное участие общественности в управлении лесными ресурсами.

Если же говорить о РИК в целом, то три страны могут начать играть ведущую роль в переговорах и мероприятиях в сфере климатических изменений. В частности,

Россия, будучи экспортером природного газа и учитывая стремление Индии и Китая перейти к использованию неископаемых видов топлива, может содействовать появлению в Индии и Китае «переходного топлива» и занять лидирующие позиции в обсуждении вопросов, связанных с лесными ресурсами. Китай уже пытается возглавлять экологически безопасное развитие и лидирует в области получения энергии из возобновляемых источников и энергоэффективности. Индия может увеличить ценность вышеупомянутых инициатив, привнося идеалы и принципы гандизма в определение устойчивого стиля жизни, а также играя ведущую роль в осуществлении механизма REDD-плюс.

Заключение

Очевидно, что климатические переговоры находятся в состоянии неопределенности, и неизвестно, что принесет мировому сообществу конференция в Канкуне¹⁵. Однако, есть свидетельства тому, что некоторые государства начинают проявлять определенный интерес к проблеме климатических изменений — так, США и Россия все более активно вовлекаются в данный процесс, а в адрес Китая, Индии и некоторых стран звучат призывы занять более ответственную позицию, выйти за рамки статуса развивающегося государства и перейти к конкретным мерам по сокращению национальных объемов атмосферных выбросов. В нынешней весьма изменчивой ситуации становится ясно, что страны РИК могут сыграть конструктивную роль в решении климатической проблемы как крупные потребители энергии и будущие крупные поставщики парниковых газов, а также как государства, чьи экономические и экологические системы могут пострадать в результате изменения климата. Трехстороннее сотрудничество, в случае успеха в снижении будущих выбросов углерода посредством национальных мер и формирования устойчивости к климатическим воздействиям на базе совместного использования стратегических знаний, может стать важным переходным звеном к более многостороннему сотрудничеству.

© 2011

Перевод с английского
А.В. Курбатовой

1. РККООН (UNFCCC) — Рамочная конвенция ООН по изменению климата, является практически всемирным соглашением (194 страны-участницы) и «родителем» Киотского протокола 1997 г. Киотский протокол к настоящему времени ратифицировали 190 стран-участниц РККООН. Согласно данному протоколу, 37 государств, включая высокоиндустриальные страны и страны с переходной экономикой, имеют юридически закрепленные обязательства по ограничению и снижению атмосферных выбросов загрязняющих веществ.
2. REDD — Reducing Emissions from Deforestation and Forest Degradation — Сокращение эмиссии парниковых газов, вызванной уничтожением и деградацией лесных массивов. REDD плюс — создание специального фонда для выплат странам, располагающим тропическими лесами, компенсацию за отказ от вырубки лесов. В мае 2010 г. в Осаке состоялась конференция по климату и лесам, по итогам которой в «Партнерство REDD плюс» вошла 71 страна. — *Прим. ред.*
3. В список стран-участниц, включенных в Приложение I, вошли промышленно развитые страны, которые являлись членами ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) в 1992 г., а также страны с переходной экономикой, включая Российскую Федерацию, страны Балтии и некоторые государства Центральной и Восточной Европы. Приложение II включает государства-члены ОЭСР, вошедшие в Приложение I, за исключением стран с переходной экономикой; страны-участницы, не включенные в Приложение I, являются преимущественно развивающимися государствами.

4. Источник: IEA Contry profiles, 2009. Энергоинтенсивность (Energy intensity) потребление первичной энергии на единицу ВВП. ВВП исчисляется в долларах США в постоянных ценах по паритету покупательной способности национальных валют.
Btu — Британская тепловая единица (British thermal unit) — количество энергии, которую надо затратить на нагрев 1 фунта (454 г) воды на 1° по Фаренгейту. Равна 1055 джоулей. Наряду с Btu на практике используется и другой показатель оценки энергоинтенсивности, а именно, затраты первичной энергии в тоннах нефтяной энергии эквивалента (тнэ) на производство ВВП в один миллион долларов. В 2003 г. среднемировой показатель энергоинтенсивности составлял 212,9 тнэ, в Индии он был равен 189,5, в Китае — 231,3 и в России 519 тнэ. — *Прим. ред.*
5. Примером может служить компания Shell International, снизившая инвестиции в возобновляемые источники энергии после того, как стало очевидным отсутствие глобальных изменений в этом вопросе.
6. Киотский протокол вступил в силу в феврале 2005 г., обязательства в рамках протокола действительны на период с 2008 по 2012 гг.
7. Страны с переходной экономикой перечислены в Приложении I РКИКООН: они названы так, поскольку их экономические системы находятся в процессе перехода к рынку. К таким странам относятся Белоруссия, Болгария, Хорватия, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Российская Федерация, Словения и Украина.
8. Согласно формуле Кая (японский экономист Yoichi Kaya. — *Прим. перев.*) $F = P * (G / P) * (E / G) * (F / E) = P * g * e * f$ где F — глобальная антропогенная эмиссия CO₂, P — мировое население, G — мировой ВВП и g = (G/P) мировой ВВП на душу населения, E — мировое потребление первичной энергии и e=(E/G) — энергоемкость мирового ВВП, а f=(F/E) — углеродная интенсивность.
9. <http://unfccc.int/files/meetings/application/pdf/indiacphaccord.pdf>, от 8 марта 2010 г.
10. <http://www.twinside.org.sg/title2/climate/info.service/2010/climate20100301.htm>.
11. “Russia anxious to position itself in the vanguard of climate change solutions”
http://www.bellona.org/articles/articles_2010/russian_climate_roundtable, состояние на 2 сентября 2010 г.
12. Там же.
13. http://www.bellona.org/articles/articles_2010/russian_climate_roundtable, состояние на 2 сентября 2010 г.
14. TERY, 2009. Emerging Asia contribution on issues of technology for Copenhagen — A Discussion paper. [TERY, 2008RS09]
15. Климатическая конференция в Канкуне (Мексика) завершилась подписанием 11 декабря 2010 г. 190 странами (отказалась поставить свою подпись лишь Боливия) итогового документа, предусматривающего выделение к 2020 г. до 100 млрд долл. ежегодно для помощи развивающимся странам в противодействии изменениям климата. — *Прим. ред.*

Проблемы безопасности в Центральной Азии и возможности наращивания сотрудничества Китая, России и Индии в сфере безопасности

© 2011

Чжао Цзюнь

Автор анализирует сложные проблемы безопасности в Центральной Азии. С его точки зрения, достижение безопасности в этом регионе очень важно для Китая, России и Индии. Он приходит к выводу, что три великие державы имеют огромные возможности для сотрудничества в укреплении безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, проблемы безопасности, сотрудничество Китая, России и Индии в Центрально-Азиатском регионе.

В настоящее время геополитическая обстановка в Центральной Азии находится в процессе глубоких перемен, поддержание региональной стабильности соответствует национальным интересам Китая, России и Индии. В связи с предстоящим в 2011 г. выводом американских войск из Афганистана перед Китаем, Россией и Индией встает много новых задач по обеспечению безопасности и стабильности в регионе. В ближайшие годы в основе геополитического сотрудничества великих держав будет находиться борьба против терроризма и распространения наркотиков, предупреждение разгула религиозного экстремизма. У этого сотрудничества Китая, России и Индии в сфере региональной безопасности имеются большие возможности.

1. Геополитическая обстановка в Центральной Азии находится в стадии глубоких перемен

Геополитическое положение Центральной Азии является весьма непростым в связи с проблемами внутренней политики, неравномерностью экономического развития, социальной отсталостью и сложностью национального и религиозного состава, так что в вопросах обеспечения безопасности трудно избежать влияния прямых и косвенных угроз. После инцидента «11 сентября» проблемы безопасности Афганистана и Центральной Азии приобретают все большую взаимозависимость. Следует отметить, что 5 стран Центральной Азии и Афганистан находятся в «подбрюшье» Евразии, обладают богатыми ресурсами и граничат с некоторыми великими державами. Они занимают свое особое место в международных политических и экономических связях, а также играют важную роль в геополитической стратегии основных великих держав.

В последние годы Центральная Азия стала форпостом борьбы против терроризма в Афганистане и одним из новых источников энергетических ресурсов, существенно возросла ее стратегическая значимость. Это привлекает в регион различные силы со все-

го мира, и они стремятся к расширению своего влияния. Начиная с 2010 г. центр террористической деятельности переместился из Южной Азии в Центральную. Региональные террористические силы объединяются с внешними, активизировались торговля наркотиками и организованная преступность, наметилась тенденция к координации действий торговцев наркотиками и террористов. События в Киргизстане способствовали активизации различных подрывных сил в Ферганской долине. Все больше проявляется негативное влияние на обстановку в Центральной Азии ситуации в Афганистане, что создает большую угрозу для стран региона и соседних стран. В настоящее время между Россией и США на новой основе достигнут компромисс в сфере интересов, касающихся Центральной Азии. США тайно форсируют план «Большой Центральной Азии», в основе которого лежит идея «все для борьбы с афганским терроризмом». Соседние страны, включая Россию, должны в максимальной степени поддержать усилия США и Пакистана в борьбе с афганским терроризмом. США осуществляют стратегию «распространения демократии», которую не приемлют Россия и страны Центральной Азии, и под предлогом особой важности борьбы с терроризмом пытаются добиться от России временных уступок в вопросах влияния и контроля над энергетическими ресурсами. И действительно, США получили широкомасштабную поддержку России и стран Центральной Азии в борьбе с афганским терроризмом. Россия возвращает себе главенствующую роль в Центральной Азии. Стремительно возрастает влияние Китая в Центральной Азии. В связи с переменами в Афганистане Индия также уделяет все больше внимания проблемам стабильности в регионе.

Согласно плану президента США Обамы, американские войска начнут покидать Афганистан в 2011 г. Это означает, что на соседние страны будет возложено еще больше задач по обеспечению безопасности и стабильности в регионе. В ближайшие годы геополитическая ситуация в регионе будет характеризоваться сотрудничеством великих держав в борьбе с терроризмом, торговлей наркотиками, в обеспечении региональной стабильности и предотвращении разгула религиозного экстремизма.

2. Поддержание региональной безопасности и стабильности в Центральной Азии отвечает интересам Китая, России и Индии

Китай граничит со странами Центральной Азии. Кроме того Западный Китай имеет со странами Центральной Азии давние культурные связи. Многие народы с одинаковым языком и религией проживают по обе стороны границ. Это определило естественный интерес Китая к Центральной Азии как к стратегической буферной зоне и рубежу безопасности. Внешние враждебные силы проводят в Центральной Азии стратегию сдерживания Китая. Поэтому Китай должен вести борьбу против «трех сил» (национального сепаратизма, религиозного экстремизма, международного терроризма), включая силы, выступающие за создание «Восточного Туркестана». Борьба за безопасность в Центральной Азии должна включать стратегию развития западных регионов Китая и первоочередное развитие Синьцзяна.

Россия рассматривает Центральную Азию как традиционную сферу влияния, «естественную зону особых интересов» и стратегический рубеж в деле защиты государственной безопасности. Первоочередные стратегические интересы в России в Центральной Азии заключаются в сохранении ведущей роли, предотвращении внешнего проникновения, недопущении превращения Центральной Азии в источник «трех зол» и перевалочный пункт для проникновения в Россию наркотиков и организованной преступности.

Индия — великая держава Южной Азии, она рассматривает Центральную Азию как свое «продолжение за рубежом» и считает, что в этом регионе у нее есть интересы, связанные с обеспечением безопасности. Страны Центральной Азии — близкие соседи Индии, безопасность и стабильность в регионе непосредственно влияет на геополитиче-

скую обстановку в Индии. Соседом Индии является и Афганистан, поэтому безопасность и стабильность в регионе имеет для Индии большое значение. Упрочение безопасности в Центральной Азии способствует стабилизации в регионе и препятствует проникновению в Индию «трех сил», создает благоприятные условия для решения проблемы Кашмира. Кроме того страны Центральной Азии находятся на пути из Индии в Россию и Европу. Без них нельзя решить проблемы трансграничной преступности, включая контрабанду наркотиков и оружия.

«Три силы» тесно связаны с экстремистскими организациями индийской части Кашмира и серьезно угрожают безопасности и стабильности Индии. Индия также несет серьезный ущерб от религиозного экстремизма и международного терроризма. «Три силы» в Центральной Азии, Афганистане и Пакистане поддерживают близкие отношения с экстремистскими организациями в Кашмире, в результате чего в индийской части Кашмира не прекращаются конфликты и террористическая деятельность. В течение многих лет индийское правительство пытается прервать эти контакты. Проблема Кашмира затрагивает не только 4 миллиона мусульман, проживающих в Кашмире, но и 130 миллионов мусульман во всей Индии. Чтобы защитить безопасность страны и социальную стабильность, индийское правительство укрепляет сотрудничество со всеми странами Центральной Азии и Афганистаном, участвует в общих усилиях по пресечению происков религиозного экстремизма и международного терроризма.

Центральная Азия является одним из регионов, где осуществляется контрабандная торговля ядерными материалами. Она была базой производства ядерных материалов СССР. Хотя Казахстан закрыл ядерные испытательные полигоны и присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия, он не утратил потенциала ядерной державы. Узбекистан занимает 3-е место в мире по запасам урановой руды и имеет мощности по обогащению урана. Киргизстан также имеет сравнительно большие запасы урана и обладает ядерными отходами, оставшимися с советских времен. Таким образом, Центральная Азия представляет большую угрозу в плане распространения оружия массового поражения. Индийское правительство обеспокоено возможностью попадания ядерных материалов в Кашмир или в руки религиозных экстремистов в Индии. Индия стремится наращивать сотрудничество со всеми странами Центральной Азии, общими усилиями пресечь распространение ядерных материалов, обеспечить безопасность в своей стране и в регионе в целом.

Хотя интересы Китая, России и Индии по вопросам безопасности в Центральной Азии не всегда совпадают, они ищут пути сотрудничества; защита безопасности и стабильности полностью соответствует интересам трех стран.

3. Китай, Россия и Индия имеют широкое пространство для сотрудничества в сфере безопасности в Центральной Азии

Обеспечение безопасности в Центральной Азии тесно связано с безопасностью в Китае, России и Индии. Особенно после ухода США из Афганистана, Китай, Россия и Индия как три великие соседние державы должны установить абсолютно новые отношения сотрудничества, чтобы обеспечить безопасность в Центральной Азии и Афганистане.

В сфере дипломатии три страны установили между собой двусторонние отношения стратегического партнерства. Китайско-российские отношения стратегического партнерства достигли максимального исторического уровня, китайско-индийские отношения стратегического партнерства стали «отношениями стратегического партнерского сотрудничества, направленного на мир и процветание», российско-индийские отношения стратегического партнерства развиваются очень успешно, так что сотрудничество трех стран имеет надежную политическую основу. Россия уже давно предлагала идею заключения трехстороннего «стратегического союза». Последние годы трехсторонние отноше-

ния непрерывно развиваются, что создает благоприятные условия для развития сотрудничества.

Шанхайская организация сотрудничества — одна из влиятельнейших международных организаций региона — стала эффективной платформой для сотрудничества трех стран в сфере безопасности в Центральной Азии. Китай и Россия являются постоянными членами ШОС, Индия — наблюдатель. Соседние страны очень надеются на ШОС в разрешении афганской проблемы. Китай, Россия и Индия являются членами БРИК, это также предоставляет платформу и механизмы для сотрудничества трех стран в Центральной Азии.

В поиске общих основ для сотрудничества в сфере безопасности в Центральной Азии Китай, Россия и Индия принимают следующие меры:

1. Укрепляют трехстороннее сотрудничество в вопросах безопасности в рамках ШОС. Когда наступит соответствующий момент, можно рассмотреть вопрос о привлечении Индии к участию в деятельности Регионального антитеррористического центра ШОС, налаживании трехстороннего обмена разведанными, необходимыми для совместной борьбы с «движением Восточного Туркестана», «уйгурским исламским движением» и другими основными «ветвями» т.н. «трех сил». Можно привлечь Индию к участию в деятельности рабочей группы ШОС по Афганистану, а также к антитеррористическим учениям в рамках организации.

2. Китай, Россия и Индия могут создать совместный механизм противодействия торговле наркотиками. Согласно статистике Международной организации профилактики преступности при ООН (ODCCP), 93% наркотиков поставляется миру из Афганистана, соседние страны поставляют лишь 3%. Китай, Россия и Индия способны создать общие механизмы, направленные против распространения наркотиков из Афганистана. Китай, Россия и Индия могут путем разделения труда, планомерно и последовательно помогать афганскому правительству в развитии сельского хозяйства, организовать переход на возделывание альтернативных культур, которые бы обеспечили жизненный уровень афганских крестьян.

3. Вполне возможно сотрудничество трех стран в деле обучения и оснащения афганской полиции и армии.

Перевод с китайского Б.Я. Надточенко

Круглый стол в ПДВ

Меняющийся Китай в меняющемся мире

Проанализированы основные особенности внутренней политики Китайской Народной Республики и ее позиционирования в современном мире. Рассмотрены актуальные проблемы взаимоотношений Пекина с ведущими мировыми «игроками» и некоторыми соседними странами. Участники обсуждения пришли к выводу о том, что усиление экономической мощи Китая уже начинает проявляться в манере его поведения на международной арене.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, политика, экономика, позиционирование в мире, международные отношения

От редакции. 2 декабря 2010 г. в ИДВ РАН был проведен Круглый стол Института Дальнего Востока и журнала «Проблемы Дальнего Востока» на тему «Меняющийся Китай в меняющемся мире». В обмене мнениями приняли участие: д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ Я.М. Бергер, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН О.Н. Борох, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.О. Виноградов, д.и.н., проф., декан факультета политологии МГИМО(У) МИД РФ А.Д. Воскресенский, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ А.С. Давыдов, к.и.н., проф. МГИМО(У) МИД РФ Ю.А. Дубинин, к.полит.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН П.Б. Каменнов, к.и.н., заместитель директора ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова А.Н. Карнеев, к.воен.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.Ф. Клименко, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН Л.И. Кондрашова, к.филол.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.Г. Ларин, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Ломанов, д.и.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН С.Г. Лузянин, к.э.н. ведущий научный сотрудник ИДВ РАН Е.И. Сафронова, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Семин, директор ИДВ РАН, академик РАН М.Л. Титаренко, старший научный сотрудник ИДВ РАН, посол В.И. Трифонов, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН С.В. Уянаев. Вел заседание д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала В.Я. Портяков.

Ниже публикуется сокращенная стенограмма обсуждения:

В.Я. Портяков

Уважаемые коллеги! Тема нашего Круглого стола — «Меняющийся Китай в меняющемся мире» — представляется и закономерной, и весьма актуальной. Мировой экономический кризис ускорил и даже обнажил некоторые тенденции мирового развития, накапливавшиеся в течение всего первого десятилетия XXI века. Полнее проявилась уменьшающаяся способность США справляться с взятой на себя функцией единствен-

ной сверхдержавы, защитника и вершителя судеб «однополярного мира». И хотя Америка устами президента Б. Обамы заявила о неуклонном стремлении сохранить за собой мировое лидерство и на деле пытается усилить свои позиции в Азии, тем не менее, Вашингтон в большей степени, чем раньше, готов признать многополярный характер складывающегося мироустройства.

Кризис полнее выявил и тенденцию усиления в мировой экономике позиций развивающихся стран-гигантов — Китая, Индии, Бразилии. Похоже, что как минимум в ближайшие годы эта тенденция сохранится. Так, ООН прогнозирует на 2011 г. прирост ВВП США на 2,2%, стран зоны евро — на 1,3% и Японии — на 1%, тогда как ВВП развивающихся стран может вырасти на 6%, причем ВВП Китая — на 8,9%, а Индии — на 8,2%.

Разумеется, усиление позиций Китая в мировой экономике стало следствием не только и даже не столько мирового кризиса, сколько результатом общей политики стимулирования экономического роста, который в нынешнем десятилетии приобрел беспрецедентные масштабы. В этой связи у мирового сообщества возник вопрос: станет ли Китай уже в самое ближайшее время проецировать свою экономическую мощь на международные отношения? И если да, то в чем это будет проявляться и какое влияние на мир может оказать?

Симптоматично, что сегодняшний (от 2 декабря) выпуск журнала «Economist» посвятил специальный доклад как раз теме «возвысившегося Китая». Судя по подборке материалов из него, помещенных в Интернете, «Economist» исходит из того, что Пекин уже сейчас «меньше выжидает и меньше прячет свои возможности» и, напротив, более активно и наступательно отстаивает свои позиции на международной арене.

На сегодняшнем Круглом столе предполагается рассмотреть в основном две группы вопросов: во-первых, изменения в самом Китае и в его позиционировании в мире, и, во-вторых, изменения в отношениях КНР с рядом стран, регионов, групп государств. Что касается российско-китайских отношений, то задача Круглого стола, на мой взгляд, состоит не в их развернутой оценке, а скорее — в осмыслении того, как изменения в Китае и в его международных отношениях могут повлиять на политику Пекина в отношении нашей страны.

Начнем с первого блока. Открывает наш Круглый стол А.В. Ломанов.

А.В. Ломанов

В октябре 2010 г. 5-й пленум ЦК КПК 17-го созыва принял решение о назначении члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпина на пост заместителя председателя Военного совета ЦК КПК. Таким образом, статус Си Цзиньпина в качестве будущего лидера партии и государства был окончательно закреплен. В рамках формирующегося в КНР механизма регулярной смены высших руководителей страны это означает, что член ПК ПБ ЦК КПК и заместитель председателя КНР Си Цзиньпин осенью 2012 г. на XVIII съезде КПК должен будет получить пост генерального секретаря ЦК КПК, а весной 2013 г. на сессии ВСНП ему предстоит занять должность председателя КНР.

Продвижение Си Цзиньпина к высшим руководящим постам повторяет путь, который десять лет назад прошел нынешний партийно-государственный лидер КНР Ху Цзиньтао. Прецедент был нарушен при назначении преемника на пост зампреда Военсовета ЦК КПК. Ху Цзиньтао получил эту должность в 1999 г. — за три года до назначения на пост генсека ЦК КПК в 2002 г. Однако собравшийся осенью 2009 г. пленум ЦК КПК в отношении Си Цзиньпина аналогичного решения не принял, что дало основания усомниться в прочности статуса преемника.

Несмотря на то, что повышение запоздало на год, возникшие споры экспертов о возможности появления кандидатуры другого преемника не имели под собой объективных оснований. Гипотетическая замена Си Цзиньпина на Ли Кэцзяна, которому предсто-

ит занять пост премьера Госсовета КНР, потребовала бы отмены ряда прежних кадровых решений и фактического разрушения формирующейся схемы передачи власти. Подобный шаг мог бы повредить имиджу Китая как государства со стабильной и предсказуемой политикой, а также активизировать споры внутри политической элиты. Теперь этот вопрос закрыт и повода для сомнений больше нет.

Скорее всего, схема кадрового продвижения Си Цзиньпина станет в будущем основным прецедентом, и сокращение срока между получением постов зампреда Военсовета ЦК КПК и генсека ЦК КПК до двух лет станет правилом. Тогда следующий преемник получит пост заместителя в партийном Военсовете не в 2019 г., а в 2020 г., однако убедиться в этом станет возможным лишь через десятилетие. Коррекция схемы смены власти в Военсовете ЦК КПК может коснуться и сроков передачи поста его председателя. Цзян Цзэминь сохраняя за собой этот пост до осени 2004 г., то есть в течение двух лет после ухода с поста генсека ЦК КПК. Многие эксперты увидели в этом стремление Цзян Цзэминя удержать в руках оставшиеся полномочия и сохранить контроль над деятельностью преемника. Сокращение срока присутствия уходящего лидера на посту руководителя Военсовета ЦК КПК могло бы стать демонстрацией того, что в наши дни в Китае внутри правящей элиты достигнута более высокая степень слаженности и взаимопонимания, чем это было десятилетие назад.

На XVIII съезде КПК предстоит серьезное обновление ПК ПБ ЦК КПК, в котором из нынешнего состава останутся только будущие председатель КНР и премьер Госсовета — Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Остальные семь членов этого органа покинут его в силу достижения предельного возраста, планка которого установлена на уровне 68 лет. Новые лица возглавят ВСНП и НПКСК, партийную Центральную комиссию по проверке дисциплины. Также должны появиться новые кураторы идеологической и юридической работы партии. Среди возможных претендентов на эти посты глава Отдела единого фронта ЦК КПК Лю Яньдун, глава Организационного отдела ЦК КПК Ли Юаньчао, глава Отдела пропаганды ЦК КПК Лю Юньшань, вице-премьеры Ван Цишань и Чжан Дэцзян. Более полное представление о тенденциях в высшем эшелоне политической элиты можно будет составить после того, как станет ясно, какое количество выдвиженцев Ху Цзиньтао войдет в обновленный состав Постоянного комитета Политбюро и насколько важные посты им удастся занять.

Одним из источников внешнеполитических взглядов Си Цзиньпина является его опыт руководства провинциями Фуцзянь и Чжэцзян с конца 1980-х до середины 2000-х гг. в период их бурного экономического роста. Будущему лидеру Китая доводилось общаться с иностранными инвесторами, предполагается, что он понимает выгоды экономической открытости внешнему миру. Со времени избрания в ПК ПБ в 2007 г. Си Цзиньпин активно участвует во внешних контактах, что дает ему возможность накопить опыт международного общения и расширить кругозор в преддверии занятия высших руководящих постов.

Большое внимание внутри Китая и за его пределами привлекли слова Си Цзиньпина, произнесенные во время визита в Мексику в феврале 2009 г. Он подверг критике «сытых бездельничающих иностранцев», которые «показывают на Китай пальцем»: «Во-первых, Китай не экспортирует революцию, во-вторых, не экспортирует голод и нищету, в-третьих, не тревожит вас, о чем тут еще можно говорить». Эти высказывания получили позитивный отклик среди националистически настроенной части пользователей китайского Интернета, многие были удивлены подчеркнутой прямоотой формулировок. Содержательно эти слова не выходят за рамки нынешней китайской политики, их можно истолковать как отказ от требований Запада, настаивающего на том, чтобы Китай взял на себя более весомое бремя ответственности за решение глобальных проблем.

Си Цзиньпин родился в 1953 г., его юность совпала с периодом резкого охлаждения отношений между СССР и Китаем, что отличает его от лидеров предыдущих по-

колений, сохранивших память о тесном сотрудничестве двух стран после образования КНР. С учетом этого обстоятельства его участие в российско-китайских контактах является существенным элементом подготовки к будущей роли лидера. В марте 2010 г. в Москве Си Цзиньпин вместе с премьером В.В. Путиным принял участие в церемонии открытия Года китайского языка в России, а в конце сентября в Шанхае он вместе с президентом Д.А. Медведевым осмотрел павильоны России и Китая на всемирной выставке ЭКСПО-2010.

В 2010 г. большой резонанс вызвали публикации и выступления премьера Вэнь Цзябао, давшие основания для предположений о том, что его подход к политическим реформам в Китае носит более решительный характер, чем у других руководителей. Первым сигналом стала его статья о Ху Яобане, которая была опубликована в «Жэньминь жибао» 15 апреля 2010 г. Вэнь Цзябао вспоминал о том, как в бытность заместителем руководителя канцелярии ЦК КПК готовил поездку генсека ЦК КПК Ху Яобана на юг Китая (провинции Гуйчжоу, Юньнань и Гуанси) и сопровождал его в пути. В статье приводится много конкретной информации и бытовых деталей, подчеркивающих неприхотливость Ху Яобана, его желание узнать реальное положение дел, стремление к общению с простыми людьми.

Вэнь Цзябао указал на скромность Ху Яобана, его заботу о людях, высокие моральные качества, бескорыстие, сопереживание трудностям народа. Необходимо напомнить, что в начале 1987 г. Ху Яобана обвинили в потворстве «буржуазной либерализации» и отправили в отставку. Тем не менее, Вэнь Цзябао подчеркнул свою верность опальному генсеку, отметив, что сохранил с ним тесные контакты после его отставки, и что стиль Ху Яобана оказал на него большое влияние. Статья дала основания предположить, что Вэнь Цзябао готовит почву для ускорения продвижения политических преобразований.

В августе 2010 г. Вэнь Цзябао посетил Шэньчжэнь для участия в торжествах по поводу 30-летия создания СЭЗ. Он произнес речь, в которой подчеркнул, что застой и поворот вспять в реформах приведут страну в тупик, и что без политических реформ экономические преобразования не принесут результата, и цели модернизации не будут реализованы. Хотя формулировки его речи во многом повторяли сказанное Дэн Сяопином во время поездки на юг Китая в 1992 г., благодаря акценту на важности политических реформ это выступление было воспринято как выражение особого мнения Вэнь Цзябао.

В начале октября 2010 г. Вэнь Цзябао развил свои взгляды на политические преобразования в КНР в интервью американскому телеканалу Си-эн-эн. В частности, тележурналист Фарид Закария спросил его о статье о Ху Яобане. Вэнь Цзябао пояснил, что хотел дать «честную оценку» этого исторического деятеля, который «внес свой вклад в реформы и открытость Китая». По поводу выступления в Шэньчжэне ведущий поинтересовался, был ли это призыв к политической реформе. Вэнь Цзябао ответил, что эту точку зрения уже давно предложил Дэн Сяопин, и те, «у кого есть чувство ответственности перед страной, должны глубже думать над этой темой и превратить ее в дела».

Когда речь зашла о свободе слова, Вэнь Цзябао заметил, что в Китае около 400 млн пользователей Интернета и около 800 млн пользователей мобильных телефонов: «Они могут выходить в Интернет чтобы выражать свои взгляды, в том числе критические». Премьер подчеркнул, что людям нужно дать не только свободу слова, но и создать условия для того, чтобы они могли критиковать работу правительства. В ответ на слова тележурналиста о том, что в китайском Интернете заблокирован доступ к ряду сайтов и людям трудно получать информацию, Вэнь Цзябао заметил: «Я и весь китайский народ верим, что Китай будет добиваться постоянного прогресса, народному требованию демократии и свободы сопротивляться невозможно (*бу кэ канцзюй*)». В его словах прозвучал тезис о том, что все политические партии, организации и индивиды должны подчи-

няться конституции и закону. Премьер также заметил: «Несмотря на различные мнения в обществе и существование различных преград, я неуклонно в пределах моих возможностей реализую свои идеалы, ускоряю поступь политической реформы».

Интервью Вэнь Цзябао американскому телеканалу не получило детального освещения в СМИ КНР. 27 октября 2010 г. в «Жэньминь жибао» появилась передовая статья «Следовать в правильном политическом направлении, активно и устойчиво продвигать реформу политической системы», которую ряд экспертов восприняли как критический ответ на выступления Вэнь Цзябао. В статье были подчеркнуты успехи в реформировании политической системы в КНР. Отмечалось, что исторические перемены в Китае показывают, что политическая система «соответствует национальной специфике и полна жизненных сил», а вывод о серьезном отставании политических реформ от экономических «противоречит объективным законам» и «не соответствует объективным фактам».

Споры о политической реформе развернулись на фоне награждения Нобелевской премией мира диссидента Лю Сяобо, что напомнило о существовании альтернативной программы радикального изменения политической системы Китая «снизу вверх». Лю Сяобо в своих публикациях в середине 2000-х гг. заявил о невозможности демократизации Китая «сверху» и о безнадежности упований на появление в партийном руководстве «просвещенного правителя» наподобие М.С. Горбачева или Цзян Цзинго. Реакция властей показала, что планы стихийной демократизации в духе «цветных революций» на постсоветском пространстве воспринимаются в КНР как реальная угроза.

Кадровое решение 5-го пленума ЦК КПК 17-го созыва стало сигналом о том, что грядущая смена власти пройдет организованно и четко. Серия выступлений Вэнь Цзябао продемонстрировала наличие разных политических акцентов среди нынешнего высшего руководства. Однако суждения о том, что за два года до смены власти в Китае произошел «раскол» правящего тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао, представляются необоснованными. Скорее можно говорить о проявлении обещанной «внутрипартийной демократии», поскольку фундаментального противоречия в позициях высших руководителей нет и речь идет лишь о степени приоритетности политических преобразований. Вэнь Цзябао предлагает ускорить контролируемые перемены «сверху» под руководством партии, и его выступления помогают внушить надежду на то, что двигателем перемен может стать реформаторское крыло внутри КПК. Оппонентами этой позиции являются не столько осторожные «консерваторы», сколько радикальные реформаторы наподобие Лю Сяобо, призывающие к созданию широкого народного движения за демонтаж однопартийной системы.

Смена высшего руководства Китая в 2002–2003 гг. сопровождалась переменами в политике и идеологии. После прихода к власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао заметно выросло внимание к проблемам народного благосостояния, приоритетом стало преодоление разрывов в уровнях доходов между регионами и социальными слоями, идеи социальной справедливости стали не менее важными, чем лозунги экономической эффективности. Смена акцентов в политике сопровождалась появлением лозунгов «близости власти к народу», стилистически близких идеалам равенства и справедливости, характерным для Китая 1950–60-х гг.

Грядущая смена власти пока не предвещает столь же быстрых и заметных изменений. Вероятнее всего, новое руководство во главе с Си Цзиньпином и Ли Кэцяном унаследует нынешнюю политику, построенную на поддержании темпов экономического роста с одновременным улучшением его качества, увеличении внимания к социальной справедливости и повышению доходов населения, осторожности в политических преобразованиях и консерватизме в сфере идеологии.

Я.М. Бергер

Очередное пятилетие имеет особое значение для реализации китайской стратегии восхождения к статусу лидирующей глобальной державы. Оно открывает собой заключительный десятилетний этап на пути к всестороннему построению общества *сяо-кан*, назначенному на 2020 г., и к 100-летию основания КПК в 2021 г. В связи с этим необходимые изменения экономической стратегии, которые должны произойти в 12-й пятилетке, будут самым тесным образом связаны с существенными переменами в социальной и политической сферах, а все они неизбежно скажутся на внешнеполитическом поведении Китая.

Прежде всего, нужно остановиться на аспекте собственно *экономическом*, или экономическом по преимуществу. Здесь наибольший интерес вызывает вопрос о темпах долговременного экономического развития и о судьбах той модели, которая обеспечивала стремительное наращивание ВВП, в опоре на дешевую рабочую силу, высокие затраты капитала и природных ресурсов.

Как известно, необходимость отказа от этой модели и неизбежность постепенного перехода на менее ресурсоемкий — на инновационный путь развития прокламировались еще в предшествующей пятилетке. Однако выполнить эту задачу в сколько-нибудь значительной мере не удалось: отчасти из-за мирового финансового кризиса, для преодоления последствий которого понадобилось не только не уменьшать, но, напротив, еще более увеличивать зависимость экономического роста от инвестиций, одновременно всеми силами сохраняя занятость. Но в меньшей степени освоение новой модели сдерживалось и сдерживается инерцией модели действующей.

Здесь необходимо особо упомянуть систему мотивации последней и, конкретно, те стимулы, которые побуждают чиновников, особенно местных, ориентироваться на ускоренное наращивание объема экономики. Дело в том, что именно высокие показатели прироста валового регионального продукта обеспечивает им и личный достаток, и хорошие шансы на продвижение по службе.

В коммюнике о 5-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва, рассмотревшем предложения по 12-й пятилетке, говорится, что руководящие кадровые работники должны «установить правильный взгляд на достижения, добиваться реальных успехов, удостоверяемых практикой, народом, историей». Хотя и несколько расплывчато, но речь, по-видимому, идет о необходимости смены мотивации, о том, что следует включать в нее иные ориентиры, а не только показатели по валу, что надо обращать внимание не только на количественные, но в гораздо большей мере на качественные параметры роста.

Следует признать, что хотя разговор ведется достаточно давно, судя по результатам, положение меняется мало. Гонка за сверхвысокими валовыми показателями в ущерб качеству экономической структуры, жизни населения, окружающей среды продолжается, и не без воздействия настроений, господствующих, в том числе, на самом верху.

Установка на ускорение темпов роста фактически содержалась в призывах удвоить в 9-й пятилетке ВВП на душу населения по сравнению с 1980 г., в 10-й пятилетке — создать основу для удвоения этого показателя по сравнению с 2000 г. В 11-й пятилетке годовой прирост ВВП формально, с позиций центрального правительства, предполагалось лимитировать на уровне 8%. Фактически же на местах принимались значительно более высокие установки. В результате даже в кризисном 2009 г. рост упал лишь до 9%. Все прочие годы этого пятилетия он был двузначным. В итоге задача по учетверению ВВП к 2020 г. по сравнению с уровнем 2000 г., фактически оказывается выполненной уже в 2010 г., вопреки кризису. Но материальный уровень и качество жизни населения совершенствуются не столь быстро, хотя в самые последние годы исправлению этой ситуации уделяли значительно больше внимания.

Смена модели экономического роста, и прежде возглавлявшая список приоритетов, остается в числе таковых и в грядущей пятилетке. Но, похоже, за нее теперь возь-

мутся всерьез. Кратное увеличение ВВП будет дополнено кратным увеличением доходов населения. Достижения чиновников на местах станут в большей мере определяться не темпами экономического роста, а показателями, характеризующими загрязнение окружающей среды, общественный порядок, производственные аварии.

Таким образом, все большее значение приобретает вопрос о *социальной* ориентированности экономической модели. Сюда же относится решение тех экономических и социальных проблем, которые с ней связаны. В их числе — увеличивающиеся разрывы между богатыми и бедными, между городом и деревней, между регионами.

До последнего времени на фоне быстрого роста ВВП сокращалась доля суммарных доходов населения в распределении национального дохода. В 1996 г. она составляла 69,3%, а в 2007 г. — 57,5%. В 2010 г., по данным заместителя председателя экономического комитета ВК НПКСК Чжэн Синьли, эта доля опустилась даже до 43%. Доля национального дохода, идущего на потребление, в Китае в полтора раза ниже среднемирового уровня. Это обстоятельство существенно затрудняет развитие внутреннего потребительского спроса, переориентацию сбыта с экспортных рынков на рынок отечественный.

Особое недовольство вызывает все большая концентрация доходов и богатства в руках сравнительно немногочисленных социальных групп. Удельный вес оплаты по труду в первичном распределении доходов снизился с 53,4% в 1990 г. до 39,7% в 2007 г. Исследование, проведенное Всекитайской федерацией профсоюзов в первой половине 2010 г., показало, что у 23,4% рабочих и служащих номинальная заработная плата за пятилетие вообще не повышалась. С учетом инфляции реальная покупательная способность у работников не только не увеличивалась, но, напротив, сокращалась.

Недовольство и тревога охватывают не только беднейшие слои населения, но деловую и политическую элиту. Немало предпринимателей в Китае озабочено судьбой своего бизнеса и своей личной судьбой. Некоторые покидают страну и обосновываются за рубежом. Чаще всего это те, чье богатство нажито не вполне праведным путем. Но усилился и отток за границу просто зажиточных людей, студентов.

Перемены в системе распределения национального дохода являются необходимой составной частью перехода к новой модели экономического роста, которая, в свою очередь, неотделима от таких процессов, как урбанизация, переход работников из аграрной сферы не столько в промышленное производство, сколько в сферу услуг. Все это требует принципиально иной квалификации работников и, стало быть, больших вложений в человеческий капитал.

Соответственно, переход от использования дешевого труда в качестве главного стимула экономического роста к новым импульсам не может быть легким. Заместитель председателя Центра исследований развития Лю Шицинь вообще считает, что перспектива адекватного повышения общественной производительности труда далеко неоднозначна¹. Однако иного пути нет. Эпоха сравнительных преимуществ в виде простого, низкооплачиваемого труда и иных дешевых факторов производства невосвратимо уходит в прошлое, а их удорожание неотвратимо повышает себестоимость и угрозу инфляции. Следовательно, национальной экономике Китая придется конкурировать в мировом пространстве на иных, менее благоприятных, чем прежде, основаниях. В итоге темпы экономического роста в КНР к концу пятилетки, по всей вероятности, снизятся после трех десятилетий ускоренного роста — как это произошло в Японии, Южной Корее, Германии, — возможно, до 7–8%.

Обновление системы распределения должно сопровождаться финансовой реформой. Оно потребует преобразования административных монополий, откроет простор для дальнейшего развития национального капитала, сдвинет с мертвой точки сокращение пропасти между городом и деревней. Государство может задействовать многие остающиеся пока втуне инструменты фискальной политики, включая не только прямые,

но, в первую очередь, косвенные налоги, чтобы сократить отчуждение группы миллионеров от массы бедняков и помочь формированию среднего класса.

Оптимизация системы распределения непосредственно выходит на столь долго откладываемую реформу *политической системы*. Самым непосредственным образом потребуются переформатирование функций правительства. Из института, ведающего преимущественно распределением ресурсов, оно, как настаивает Чи Фулинь, директор Института исследований реформ и развития Китая (Хайнань), должно стать институтом, поставляющим обществу публичные услуги². А в более широком плане понадобится такая реформа, которая могла бы придать всей системе власти в Китае способность противостоять коррупции, справедливо рассматриваемой в качестве главной угрозы существованию нынешнего строя. Это значит, что политическая реформа должна охватить все власти государства: не только исполнительную, но законодательную, судебную и, прежде всего, партийную, обеспечивая вдобавок гласность решений и свободу коммуникации.

Взвешивая в комплексе внутренние и внешние факторы, определяющие основную направленность внешней политики Китая в предстоящие 5–10 лет, логично прийти к выводу, что она будет в основном выполнять те же функции, что и прежде, но с поправками на изменения в экономической стратегии, соотношении сил на международной арене и во внутривластной обстановке.

Это означает, что внешнеполитическая деятельность Пекина призвана обеспечивать, прежде всего, как можно более плавный и безболезненный переход Китая от прежней модели экономического развития к новой. Поскольку новая модель в очень большой степени связана с новыми технологиями, освоением источников возобновляемой энергии, с прорывами в науке и технике, постольку внешняя политика должна обеспечивать сотрудничество Китая с мировыми лидерами в этих областях. Но поскольку Китай еще долгое время будет опираться на действующие источники экономического роста (иностранные инвестиции, экспорт продукции, импорт сырья и традиционных энергоносителей), то сохраняются и прежние задачи дипломатической поддержки старой модели.

Во-вторых, Пекин рассматривает предстоящий 5–10-летний этап развития как благоприятный для всестороннего усиления своих позиций в мире: в глобальных и региональных финансах, экономических связях, геополитике. И внешнеполитический курс призван этому всячески способствовать. Вновь подтверждая действенность завета Дэн Сяопина: не раскрывая целиком своих потенций, «кое-что совершать», Пекин шаг за шагом расширяет пределы этого «кое-чего»: и путем наращивания инвестиций одновременно с усилением политического влияния на разных континентах, и путем создания обширных зон свободной торговли, и путем укрепления позиций в разных глобальных и региональных органах и объединениях.

И наконец, просматривается укрепление еще одной функции внешней политики — идеологической и внутривластной. Намечающиеся экономические, социальные и политические преобразования служат главным средством для обеспечения стабильности общества, которая в последние годы сотрясается существенным нарастанием негативных и протестных настроений. Несмотря на меры, принимаемые в экономической и социальной областях, радикальное улучшение ситуации не может наступить скоро, ибо конфликты пустили глубокие корни, тяжелы и запущены. Кроме того, процесс смены экономической модели может, в свою очередь, добавить новые ингредиенты социальной неустойчивости. В этих условиях определенную стабилизирующую для китайского общества роль способна сыграть внешняя политика. Точнее, те ее компоненты, которые могут взывать к необходимости национального сплочения.

В этом отношении важным девизом внешнеполитического курса КНР может служить наращивание усилий по обеспечению ее территориальной целостности. Сюда могут входить разносторонние усилия по воссоединению с Тайванем и отстаиванию суверенитета над спорными территориями и акваториями в Восточно-Китайском и Южно-

Китайском морях. Поступательное наращивание совокупной национальной мощи страны делает такой курс теоретически и практически возможным. С другой стороны, недостаточность этой мощи — в сравнении с США, главным внешнеполитическим соперником Китая, и наличие серьезной внутренней нестабильности накладывают на него существенные ограничения.

В целом можно ожидать, что внешнеполитический курс Пекина в предстоящие пять-десять лет скорее всего будет носить не жестко агрессивный, но умеренно наступательный характер. Тем не менее, не исключено дальнейшее противоборство сторонников различных ориентаций.

В.Я. Портяков.

Вначале об изменении места и роли Китая в мировой экономике.

В 2005 г. в статье «О перспективах развития Китая», опубликованной в журнале «Проблемы Дальнего Востока», я рассматривал, среди прочих, сценарий резкого возвышения Китая. Напомню, он предполагал выход КНР на второе место в мире вслед за США по абсолютному размеру ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по официальному курсу, и увеличение доли страны в мировой торговле до 9–10%. Данный сценарий пять лет назад был охарактеризован как «не слишком вероятный», однако в реальной жизни состоялся именно он.

В 2010 г. номинальный ВВП Китая, в пересчете из юаней в доллары по текущему курсу, по оценке МВФ, достигнет 5,745 трлн долл., тогда как ВВП Японии составит 5,39 трлн долл. Таким образом, КНР закрепились на позиции второй вслед за США экономики мира по годовому ВВП. Отмечу, что в 2002 г., в конце которого Ху Цзиньтао стал генсеком, ВВП Китая составил 1453,8 млрд долл. Доля страны в мировом валовом продукте выросла с 4,37% в 2002 г. до 9,27% в 2010 г. Доля Китая в мировом ВВП при расчетах по паритету покупательной способности национальных валют выросла за этот период с 8,04% до 13,26%. А в мировой торговле товарами доля КНР в 2009 г. составила порядка 9%, в том числе 9,9% в мировом экспорте и 8,1% в мировом импорте. Для сравнения: в 2003 г. доля КНР в мировом экспорте товаров составила 5,9%, а в импорте — 5,3%.

Все это похоже на «большой скачок», только удавшийся. Данное впечатление еще больше усиливает рост производства многих видов производимой страной промышленной продукции в физическом выражении. Так, производство стального проката со 192,5 млн т в 2002 г. выросло в 2009 г. до 696,3 млн т., персональных компьютеров — с 14,6 млн штук до 182 млн штук. Рост выработки электроэнергии скромнее, но тоже впечатляет: 1654 млрд кВт-час в 2002 г. и 3714 млрд кВт-час в 2009 г.

За годы правления Ху Цзиньтао Китай стал не просто мировой фабрикой, а мировой фабрикой циклопических размеров. В результате на «китайскую иглу» села значительная часть мира, в том числе развитого.

Это предопределяет двоякое отношение к Китаю: с ним заигрывают, перед ним порою даже лебезят, но одновременно его и побаиваются, и хотят поставить в более жесткие рамки.

Вместе с тем, Китай лучше других осознает сохраняющиеся у него слабости. Главная из них — его успех создан на чужой технологической базе. Задача трансформации страны из мировой фабрики в одного из мировых инновационных лидеров декларируется, но пока — в 2008 г. — на КНР пришлось только 0,3% мирового оборота отчислений за использование прав интеллектуальной собственности (570 млн долл.), тогда как на США — половина (91,6 млрд долл.) и на Японию — 14% (25,7 млрд долл.)³.

Отсюда следует, что если Китай будет осуществлять внешнеполитическую проекцию своей экономической мощи, то достаточно осторожно. Она не подкреплена другими факторами силы и уже вызывает нарекания, особенно в связи с обусловленной ею «ресурсной жадой» Пекина. К тому же, в мировом сообществе растет желание возло-

жить на КНР дополнительное бремя ответственности за состояние мирового хозяйства и другие глобальные проблемы (противодействие изменениям климата и т.п.).

Вместе с тем, Китай демонстрирует готовность чередовать преобладающую в целом оборонительную манеру поведения с периодическими наступательными действиями. Помимо ставшего классическим эпизода с кратковременным прекращением экспорта редкоземельных металлов в Японию и ряд других стран следует отметить ненаблюдавшееся ранее самовосхваление политической системы страны в серии статей в журнале «Цюши» с использованием «убойного» аргумента: КНР вот уже 30 лет развивается быстрее, чем западные демократии, следовательно, ее политическая система более эффективна.

Повысившуюся готовность Пекина к наступательной тактике при защите своих интересов надо учитывать и России.

Вместе с тем, перспективы дальнейшего укрепления позиций КНР в мировой экономике достаточно неопределенны. Думаю, что повторения скачка 2003–2010 гг. не будет. После восстановления докризисного уровня наращивание экспорта Китая будет серьезно сдерживаться плохой конъюнктурой в большинстве развитых стран — а в Пекине всерьез опасаются возникновения долгосрочной «японизации» экономик США и Европы, т.е. их развития в следующем десятилетии крайне низкими темпами. По объективным причинам в следующем десятилетии должны несколько замедлиться и общие среднегодовые темпы прироста ВВП КНР.

Положение Китая в мировой политике в значительной мере зависит от того, как он оценивает расстановку сил в мире, идущие здесь подвижки.

В 2009 — начале 2010 гг., т.е. во время и сразу после мирового экономического кризиса стала очевидной разнонаправленная динамика развития различных стран и регионов. В Китае активно заговорили о наиболее крупных подвижках в мировой архитектонике после окончания «холодной войны» и в первую очередь об ослаблении США, которым даже предрекалась невозможность возвращения на позицию мирового гегемона. Одновременно констатировался фактический выход Китая на позиции державы номер два. Примечательна в этом отношении статья ректора Шанхайской академии международных отношений Ян Цземяня (брата министра иностранных дел Ян Цзечи) в журнале «Мировая экономика и политика» (2010, № 3). По итогам не только мирового экономического кризиса, но всего первого десятилетия XXI в., политический отсчет которого начался с терактов в США 11 сентября 2001 г., Ян Цземянь выделил четыре категории мировых игроков: к числу оказавшихся в выигрыше, усиливших свое влияние отнесены Китай, Индия, Бразилия и ЮАР. В «оборонительной позиции» оказались США, МВФ и Всемирный банк, стремящиеся удержать свое влияние. Заметно снизилось влияние Европы, Японии и отчасти России. Наконец, на наиболее слабых позициях в международной системе ныне оказались многие развивающиеся страны и их международные организации.

По мнению Ян Цземяня, в продвижении к статусу мировой державы Китай нуждается в политической и энергетической опоре на «нововозрождающиеся державы» (буквальный перевод термина «синьсин даго»). Встречаются также определения «новоразвивающиеся страны», «формирующиеся рынки». В любом случае речь идет о странах БРИК — Бразилии, России, Индии и Китае, к которым иногда подключают и ЮАР). Такая опора помогла бы Китаю ослабить его нынешнюю привязку к западным государствам.

Ян Цземянь также выступил за скоординированное противодействие «нововозрождающихся стран» давлению и попыткам внести раскол в их ряды со стороны Запада.

В данной связи заслуживает особого внимания отнесение Китая не к развивающимся странам, а к особой категории «нововозрождающихся держав».

Похоже, однако, что эта позиция не получила безоговорочной поддержки в руководстве страны. Видимо, свою роль сыграли и попытки Запада нагрузить Китай допол-

нительным бременем ответственности, и явно усилившееся давление Запада, прежде всего США, обхаживание Индии, попытка интернационализировать споры о принадлежности части островов Южно-Китайского моря, давление на юань и т.д. В этой ситуации Пекин стал несколько «отыгрывать назад». Явно активизировалось европейское направление внешней политики КНР (вспомним визиты Ху Цзиньтао во Францию и Португалию, 13-й саммит ЕС — Китай в Брюсселе и визиты в КНР А. Меркель и Д. Камерона). В журнале «Цюши» (2010, № 18) появилась инструктивная по своей сути статья о сохраняющейся принадлежности Китая с его все еще скромными среднестатистическими показателями к кругу развивающихся стран.

Несколько «отыграл назад» и Ян Цземьянь: в его второй статье, опубликованной в журнале «Гоцзи взньти яньцзю» (2010, № 5), издаваемом Китайским институтом международных проблем при МИД КНР, речь пошла уже о налаживании всестороннего сотрудничества между нововозрастающими державами и США как классическим представителем «обороняющихся мировых игроков».

В общем, первый «посткризисный задор» в значительной мере остыл, хотя полного отката назад, конечно, не произошло. Новые одежды, так сказать, примерены, разведка проведена, определенные дивиденды получены.

П.Б. Каменнов

Военная политика Китая направлена на обеспечение условий для реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение им к середине XXI в., т.е. 100-летию образования КНР статуса сильной, модернизированной, объединенной державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира. Реализацию национальной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной государственной мощи, которая рассматривается в качестве общей способности государства путем мобилизации всех ресурсов осуществлять данную стратегию.

При оценке степени внешней военной угрозы в Китае исходят из того, что роли стран и соотношение сил в мировой политике не остаются постоянными, поэтому следует быть готовым к любому изменению международной обстановки, в том числе — в неблагоприятном для КНР направлении.

Международная обстановка в сфере военной безопасности, согласно китайским взглядам, характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что доминирующими тенденциями в отношениях между странами продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания традиционных и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время, наряду с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вошли проблемы безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций.

Согласно Белой книге по вопросам национальной обороны Китая (2008 г.), он стоит перед лицом многообразных угроз и вызовов национальной безопасности. Угрозу суверенитету и национальной безопасности страны представляют сепаратистские силы «За независимость Тайваня», «За независимость Восточного Туркестана», «За независимость Тибета»⁴. К этому следует добавить проявления социальной нестабильности в самом Китае, вызванные негативными последствиями рыночных преобразований, такими как имущественная дифференциация, сокращение — в результате индустриализации — посевных площадей, обострение экологических проблем и др.

Стратегия Китая в сфере военной безопасности заключается в осуществлении превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание вокруг него благоприятных условий и уменьшение факторов нестабильности. Одновременно, следуя мировой тенденции в военной области и

опираясь на растущую экономическую мощь, Китай осуществляет *курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала* на базе науки и передовых технологий и приведение боевой учебы войск и сил флота в соответствие с условиями современной высокотехнологичной войны.

Пекин придает большое значение развитию сотрудничества, в том числе в сфере военной безопасности, со странами АТР, где стремится занять лидирующее положение. В 2004 г. Китай подписал «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», в котором подтвержден принцип решения спорных вопросов в отношениях между КНР и АСЕАН мирными средствами.⁵ В 2005 г. ШОС, АСЕАН и СНГ подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. Вслед за этим, в мае 2006 г. по предложению Пекина в Китае состоялся региональный форум АСЕАН по проблемам политики в сфере безопасности, на котором было достигнуто соглашение о взаимном обмене между КНР и АСЕАН наблюдателями на военных учениях. В августе того же года КНР и АСЕАН договорились о сотрудничестве в борьбе с морским пиратством. В целом, в результате активной внешней политики по отношению к странам АСЕАН Пекину удалось в значительной мере ослабить в них влияние мифа о «китайской угрозе» и добиться заметных успехов в создании в АТР атмосферы многостороннего сотрудничества, основанного на межгосударственном доверии⁶.

Ситуация в отношениях с соседними государствами оценивается в КНР как благоприятная. В 2008 г. завершено юридическое оформление российско-китайской государственной границы на всем ее протяжении. С подписанием между Россией и Китаем ряда документов, а именно — Соглашения о границе на ее Восточной части (1991 г.), Соглашения о границе на ее Западной части (1994 г.), Дополнительного соглашения о границе на ее Восточной части (2004 г.) и Дополнительного протокола-описания линии российско-китайской границы на ее Восточной части (2008 г.), — государственная граница между двумя странами определена договорными документами на всем ее протяжении. Последним соглашением (2004 г.) и протоколом-описанием к нему определена линия границы в районе острова Большой в верховьях реки Аргунь (Читинская область) и островов Тарабаров и Большой Уссурийский, расположенных при слиянии рек Амур и Усури вблизи Хабаровска⁷.

В отношениях Китая с Индией — несмотря на наличие разногласий по вопросу спорных территорий общей площадью 130 тыс. кв. км в районе Ладакха на севере Индии (штат Джамму и Кашмир) и по так называемой «линии МакМагона» на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш — преобладает тенденция к развитию стратегического партнерства. В соответствии с «Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI веке» (2008 г.), стороны приняли обязательство «...путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия» и заявили о своей твердой приверженности «...курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не падало под влияние этих разногласий».

Отношения Китая с южным соседом Вьетнамом ныне строятся на основе формулы 16 «золотых» иероглифов: «Добрососедство и дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее», принятой в 2000 г. После длительных и весьма сложных переговоров подписаны важные соглашения о сухопутной границе и о делимитации акватории Тонкинского залива.⁸

Сложными продолжают оставаться отношения КНР с Японией. Пекин выступает против постоянного членства Японии в Совете Безопасности ООН, совместного с США участия ее в развертывании системы противоракетной обороны на театре военных действий (ПРО ТВД), видя в этом угрозу своей политике «военного сдерживания» независимости Тайваня. В то же время, в связи с активизацией в последние годы китайско-

японских торгово-экономических связей стороны принимают меры к улучшению отношений в политической сфере.

Стремление Китая строить отношения стратегического партнерства с США находится под влиянием двух линий в американской политике относительно того, какими должны быть отношения США с КНР в долгосрочном плане. Одна из них нацелена на «сдерживание» Китая, в том числе его растущей военной мощи. Вторая исходит из необходимости курса на вовлечение КНР в решение насущных мировых проблем, среди которых наиболее важной для США является участие Китая в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии при сохранении доминирующего и контролирующего положения США⁹. Нормализация отношений между двумя странами по военной линии в последние годы становится проблематичной в связи со стремлением США усилить контроль над модернизацией вооруженных сил Тайваня, который Пекин рассматривает в качестве неотъемлемой составной части КНР. В настоящее время отношения пока прерваны из-за принятого в январе 2010 г. решения США о поставке Тайваню крупных партий вооружений на общую сумму 6,4 млрд долл.¹⁰

В Китае полагают, что наибольшую угрозу национальной безопасности, суверенитету и территориальной целостности КНР представляет деятельность сепаратистских сил, выступающих за независимость Тайваня. В этой связи «Законом КНР о противодействии расколу государства» (2005 г.)¹¹ определены условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (статья 8). Решение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы» продолжает рассматриваться в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао. В интересах ее решения Пекин де-юре допускает применение военной силы. Вместе с тем, бурно развивающиеся обмены между двумя берегами в политической, экономической и в гуманитарной областях ясно указывают на предпочтительность для КНР решения проблемы мирными средствами.

Преобладающей тенденцией в области модернизации обороны Китая является совершенствование качественных параметров оборонного потенциала с акцентом на перевооружение стратегических ядерных сил, ВВС и ВМС НОАК, что объясняется стремлением повысить потенциал ядерного сдерживания, а также прикрыть от ударов с воздуха и с морских направлений наиболее развитые в экономическом отношении восточные и приморские районы страны. Наряду с этим признается необходимым сохранить стратегию «народной войны», которая модернизируется применительно к требованиям сегодняшнего дня.

С 2006 г. реализуется программа модернизации национальной обороны и вооруженных сил, включающая три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий.¹²

В последние годы предпринимаются меры по ускорению модернизации НОАК с акцентом на информатизацию и компьютеризацию войск и сил флота, усиление боевых возможностей за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также — при проведении антитеррористических операций.

В процессе модернизации за последние два десятилетия численность НОАК сократилась с 3 млн до 2,2 млн чел., существенно сократился парк вооружений за счет вывода из боевого состава устаревших образцов. В *стратегических ядерных силах* количе-

ство носителей ядерного оружия сократилось с 200 до 117 единиц. В то же время количество МБР наземного базирования увеличилось с 8 до 46 единиц за счет развертывания грунтомотельных ракетных комплексов “Дунфэн-31” с дальностью стрельбы 8000 км, обладающих повышенной боеготовностью и живучестью. Получил развитие морской компонент за счет ввода в строй двух стратегических атомных ракетных подводных лодок второго поколения проекта 094, оснащенных ракетами “Цзюйлан—2” (JL—2) /в скобках указано обозначение по классификации НАТО/ с дальностью 8000 км¹³.

В *сухопутных войсках* численность личного состава сократилась с 2,3 млн человек до 1,6 млн человек. Однако, боевые возможности и мобильность сухопутных войск существенно возросли за счет повышения уровня механизации. В *военно-воздушных силах* парк боевой авиации сократился более чем в три раза — с 5260 до 1653 единиц. Одновременно осуществлено обновление самолетного парка, а также сил и средств ПВО за счет техники, закупленной в России, а также собственного, в том числе, лицензионного производства. Расширяется круг задач военно-воздушных сил. Если в прошлом они в основном сводились к защите воздушных границ Китая, то в настоящее время создаются ВВС, обладающие наступательным потенциалом и способные к участию в совместных тактических операциях, включая воздушно-десантные.

В *военно-морских силах* количество боевых кораблей основных классов увеличилось со 103 до 143 единиц за счет ввода в строй дизель-электрических подводных лодок проектов «877 ЭКМ» и «636» и эскадренных миноносцев типа “Современный”, закупленных в России, а также отечественных кораблей с улучшенными тактико-техническими характеристиками. Военно-морские силы перешли от прежней стратегии “береговой обороны” к стратегии “обороны в прибрежных водах”. В китайской трактовке “прибрежные воды” включают морское пространство на удалении 150–600 морских миль от берега, в том числе Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. В рамках программы модернизации ВМС Китая на протяжении последних нескольких лет ведет разработку авианосца; всего намечается построить 4–6 авианосцев, которые могут вступить в строй в 2015–2020 гг.¹⁴

Наиболее интенсивно развиваются *мобильные силы НОАК*, обладающие повышенной маневренностью и огневой мощью и предназначенные для действий в локальных войнах по периметру государственной границы, а также для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественного порядка.

ВМС выполняют стратегически важную задачу по расширению присутствия НОАК в Индийском океане, обеспечению безопасности путей транспортировки нефти морским путем через Малаккский и Сингапурский проливы, а также — по контролю Китаем обстановки в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США или обострения территориального спора о принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли. Принимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота. Одной из них является строительство крупной военно-морской базы для атомных подводных лодок и надводных боевых кораблей в районе Санья (о. Хайнань).¹⁵

Особое внимание к данному региону объясняется возрастающей зависимостью экономики Китая от импорта нефти, до 80% которого поступает в КНР морским путем через Сингапурский и Малаккский проливы. Если в 2009 г. импорт нефти составил 199 млн тонн,¹⁶ то в 2020 г. этот показатель может достичь 250–300 млн тонн. Согласно прогнозам китайских аналитиков, к 2020 г. КНР станет крупнейшим в мире потребителем нефти и третьим в мире импортером этого вида сырья.¹⁷

На современном этапе военная политика Китая имеет оборонительный характер¹⁸. Вместе с тем, заслуживает внимания появление там на неофициальном уровне концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой

рост населения и ограниченность ресурсов вызывают потребность в расширении «естественной сферы существования» страны, в том числе с применением вооруженных сил. В частности, эти идеи изложены в вышедшем в КНР в марте 2009 г. сборнике статей «Чжунго бу гаосин» («Китай недоволен») ¹⁹, выражающем неофициальную точку зрения, существующую среди части военных. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит силам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, сложившегося в отношениях между Россией и Китаем в конце XX — начале XXI вв.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие и устойчивые темпы развития, которые, несмотря на негативное влияние мирового финансового кризиса, могут ежегодно составлять 8–9%. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию намеченной программы преобразования Китая к 2020 г. *в государство инновационного типа*, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны.

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, Китай из года в год *увеличивает военные расходы*. В 2009 г. официальные военные расходы Китая составили 70 млрд долл., ²⁰ что на 14,9% выше по сравнению с 2008 г. Мировой финансовый кризис привел к некоторому замедлению темпов роста бюджетных военных ассигнований: на 2010 г. они предусмотрены в сумме 78 млрд долл. (годовое увеличение — 7,5%), что означает некоторое снижение темпов военных ассигнований по сравнению с темпами экономического роста: 7,5% ²¹ против 9–9,5% соответственно. Отметим, что по мнению большинства аналитиков, реальные военные расходы Китая в последние годы в среднем на 40% превышают официальные. Для сравнения, в 2009 г. военные расходы США составили 664 млрд долл., ²² Японии — 53 млрд долл., Индии — 29 млрд долл. (годовое увеличение — 34%), Южной Кореи — 29 млрд долл. (на 8,8%), России — 42 млрд долл. (на 15%) ²³. По объему реальных военных расходов Китай вышел на второе место в мире после США.

Как и в предшествующие годы, уделяется внимание развитию китайских вооруженных сил в качестве *инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности*. Согласно Закону КНР о государственной обороне (1997 г.), для поддержания общественного порядка предусматривается использование не только полицейских формирований, но и НОАК и народного ополчения (ст.22). Нынешняя установка «последовательно обеспечивать абсолютное руководство партии над армией» по существу означает незыблемость известного принципа «партия командует винтовкой». Его реализация обеспечивается, в частности, за счет избрания непропорционально большого количества военных в высший руководящий партийный орган — ЦК КПК. Так, на состоявшемся в октябре 2007 г. XVII съезде КПК членами ЦК были избраны 41 военный высшего и среднего ранга, которые составили 20% общего количества его членов (204). ²⁴

В 90-е годы XX в. получила бурное развитие *военная дипломатия* КНР, которая в современном Китае рассматривается как деятельность стратегического уровня ²⁵. Она характеризуется ныне высокой активностью и стала важным компонентом реальной государственной политики.

Между военными ведомствами КНР и Российской Федерации, а также КНР и США установлены и действуют прямые телефонные линии связи. Достигнут прогресс в развитии военных связей между КНР и Японией ²⁶. Набирает силу процесс активного участия НОАК в совместных военных учениях с армиями других стран, расширяется практика обмена наблюдателями за военными учениями.

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество ныне осуществляется в контексте политического сближения и усиления стратегического взаимодействия двух стран в международных и региональных делах, что, в частности, нашло отражение в Совместной декларации РФ и КНР по основным международным вопросам,

подписанной Председателем КНР Ху Цзиньтао и Президентом РФ Д.А.Медведевым в мае 2008 г. в Пекине. В начале века сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие и устойчивые темпы развития, которые, несмотря на негативное влияние мирового финансового кризиса, могут составить 8–9% в год. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию намеченной программы преобразования Китая к 2020 г. *в государство инновационного типа*, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны.

К 2020 г. китайская армия, оставаясь наиболее многочисленной, в качественном отношении может стать сильнейшей в Азии, а к 2050 г., после завершения модернизации достичь передового уровня вооруженных сил большинства развитых стран.

Достижение Китаем статуса мировой военной державы, сопоставимой с США, прочно удерживающими мировое лидерство в военно-технической области, является проблематичным. В ближайшей перспективе армия будет оставаться важным звеном политической системы Китая, находиться под контролем КПК и, наряду с внешними функциями, выполнять роль инструмента опоры власти и поддержания внутрисистемной стабильности.

А.В. Семин

Согласно данным о наращивании качества вооруженных сил, есть сведения, что Китай использует новейшие боевые средства, такие как кибероружие, борьбу со средствами связи и т.п. Имеет ли это место?

П.Б. Каменнов

Есть оценки экспертов, полученные не совсем понятными путями. Видимо исходя из общей ситуации, которая сейчас складывается в сфере информатики, в сфере электронных войн, делается вывод, что этим занимается и Китай. Известно, что он уделяет большое внимание информационной войне. Однако конкретных, надежных сведений, на которые можно было бы опереться, мне не попадалось.

О.Н. Борох

Хотя в Китае существуют различные взгляды на место страны в мире и систем приоритетов в решении внутренних проблем, китайские власти стремятся четко заявить о том, какие подходы являются полностью неприемлемыми. Официальная пропаганда все настойчивее подчеркивает недопустимость отказа от руководящей роли марксизма и от существующей в Китае политической системы, предупреждает об опасности заимствования западных политических институтов.

Обращение к содержанию недавних пропагандистских кампаний показывает, что полемика имеет два измерения — внутреннее и внешнее. Критика направлена против попыток поставить под сомнение правильность политики реформ. Вместе с тем она нацелена на проникающие извне идейные течения, способные подорвать устойчивость политической власти и пошатнуть позиции официальной идеологии.

В начале 2009 г. в Китае была развернута кампания по изучению ответов на «шесть важных вопросов» развития страны. В центре внимания оказались разные подходы, один из которых соответствует китайским условиям, а другой, напротив, угрожает нестабильностью и утратой имеющихся достижений. Противопоставления осуществляются по линиям: марксизм — плюрализм идей; китайский социализм — демократический социализм либо капитализм; ведущая роль общественной собственности — приватизация либо тотальное господство общественной собственности; система собраний на-

родных представителей — разделение трех ветвей власти; система многопартийного сотрудничества — западная многопартийность; продолжение реформ — отступление назад. В 2010 г. эта кампания обрела новую форму «проведения четырех границ» (марксизм — антимарксизм; экономический строй с главенством общественной собственности — приватизация либо возвращение к полностью общественной собственности; социалистическая демократия с китайской спецификой — демократия западного образца; социалистическая культура — прогнившие феодальная и капиталистическая культура).

При переходе от «шести вопросов» к «четырем границам» практически в прежнем виде сохранились темы главенства марксизма в идеологии и общественной собственности в экономике, тогда как политические проблемы были сведены в один раздел. Исчезновение темы недопустимости отказа от реформ можно объяснить тем, что число сторонников этой точки зрения сократилось на фоне успешного преодоления Китаем воздействия мирового финансового кризиса. Вместе с тем, появилась новая проблема «проведения границ» в области культуры.

Упоминания о подвергаемых критике «ошибочных» идейно-политических позициях дают возможность составить представление о дискуссиях внутри Китая. Обычно китайские пропагандисты выделяют три угрожающих стабильности течения — неолиберализм, демократический социализм и «исторический нигилизм». В некоторых случаях к ним добавляют тезис о «всеобщей ценности» западных демократических институтов и прав человека. Предполагается, что все эти идеи благодаря открытости проникают в Китай извне.

Неолиберализм характеризуется как идеология крайней либерализации в политике и приватизации в экономике, она нацелена на копирование в Китае западной модели, что угрожает стране политическим хаосом и экономическим спадом. Как и неолиберализм, демократический социализм призывает к введению в Китае идейного плюрализма, разделения ветвей власти и многопартийности, однако его истоком являются не западные консервативные круги, а европейские социалисты. Китайские пропагандисты подчеркивают, что попытка «сменить знамя», превратив КПК в социал-демократическую партию, приведет к нестабильности и, в итоге, гибели партии и государства, как это произошло во второй половине 1980-х гг. в СССР и Восточной Европе.

Течение «исторического нигилизма» отрицает необходимость китайской революции, ставит под сомнение обоснованность выбора социалистического пути и подчеркивает допущенные в прошлом ошибки руководителей КПК. Частью этого процесса в китайском контексте выступают попытки пересмотра трактовки событий XIX — начала XX вв. (например, подчеркивание прогрессивного характера преобразовательной политики цинской династии, осуждение антизападных выступлений, усугубивших зависимость Китая от иностранных держав и т.д.). Истоки этого течения китайские пропагандисты пытаются отыскать в СССР, где, по их мнению, «очернение истории» ослабило позиции КПСС и привело к распаду страны.

Подвергаемые критике взгляды вполне узнаваемы в контексте дискуссий современных китайских интеллектуалов. И хотя их имена не были названы, речь идет о конкретных публикациях и выступлениях, получивших широкий резонанс. Наибольшее внимание уделяется осуждению взглядов сторонников политических преобразований по западному образцу (либеральному либо социал-демократическому). Показательно, что к носителям «враждебной идеологии» не были причислены представители «новых левых», выступавшие на рубеже 1990–2000-х гг. с критикой социальной несправедливости китайских реформ.

На уровне государственной политики ответом на движение за «переосмысление реформ» стало повышенное внимание к проблемам народного благосостояния и социального обеспечения. Вместе с тем, позиция «новых левых» все же была подвергнута

косвенной критике в рамках обоснования недопустимости отказа от дальнейших преобразований и возвращения к прежней системе всеобщей государственной собственности.

В кампании «проведения четырех границ» появились новые акценты, связанные с мировым финансовым кризисом и успехами Китая в преодолении его негативного воздействия. Доказывая необходимость сохранения руководящей роли марксизма, китайские пропагандисты подчеркивают, что марксистское учение вновь продемонстрировало способность объяснять законы капиталистической экономики. Это обусловило рост интереса к нему (прежде всего к «Капиталу» К. Маркса) на Западе. Важным аргументом в споре об оптимальном соотношении различных видов собственности в экономике КНР стало то, что государственные предприятия вышли на первый план при противодействии влиянию финансового кризиса. Позитивный опыт активных действий китайских властей по борьбе с кризисом показал обоснованность политики, в которой роль государственного регулирования изначально стояла выше рыночных механизмов. В условиях кризиса китайская политическая система также продемонстрировала свое преимущество, обеспечив гибкость и быстроту реагирования на возникающие проблемы в отличие от западной многопартийной системы, эффективность которой зачастую снижается в позициях трех ветвей власти и соперничество политических сил.

В области культуры «границы» проходят как внутри наследия китайской традиции, так и по линии Китай — Запад. Среди позитивных черт древней культуры пропагандисты указывают на внимание к ценности человека, стойкости и самосовершенствованию индивида, поддержанию гармоничных отношений в обществе и его сплоченности, стремлению к добрососедству и сохранению собственной независимости в отношениях с внешним миром. Однако в ней есть и «феодалная шелуха», которой не должно быть места в современном Китае — это бюрократизм и концентрация власти, подчинение главе семьи, замкнутость и самодовольство.

Китай должен быть открытым для межкультурных контактов, но у современного Запада нельзя заимствовать поклонение деньгам, гедонизм и крайний индивидуализм, распространение которого разрушает гармоничные отношения между людьми. Отмечается, что кризис вызвал переосмысление западной модели в мире. Это открывает перед Китаем новые возможности для «вывода» своей культуры «вовне». Однако поскольку основные мировые СМИ находятся под контролем Запада, у Китая недостаточно ресурсов для решения этой задачи. В сложившейся ситуации необходимо продолжать работу по наращиванию «мягкой силы» китайской культуры как важного фактора в международной конкуренции.

Идейно-пропагандистские кампании 2009–2010 гг. были развернуты на фоне опасений по поводу роста внутривластной нестабильности в КНР в условиях мирового кризиса. Хотя Китай успешно справился с его воздействием, эти кампании были продолжены с целью не допустить возникновения нежелательных политических дискуссий и укрепить стабильность в идеологической сфере в преддверии смены высшего руководства в 2012–2013 гг. Можно предположить, что тема неприемлемости введения в Китае демократии западного образца в обозримой перспективе останется в центре внимания китайских пропагандистов.

Китайские власти стремятся сохранить за собой решающее слово в вопросах идеологии, политического устройства и экономических реформ. До XVIII съезда КПК возможно появление новых концепций и лозунгов, которые могут обрести официальный статус. В частности, нужно обратить внимание на упоминание об «инклюзивном росте» (*баожунсин цзэичжан*, англ. — inclusive growth) в выступлении Ху Цзиньтао в сентябре 2010 г. в преддверии 5-го пленума ЦК 17-го созыва. Эту формулировку для решения возникших в Китае проблем предложил в 2007 г. Азиатский Банк Развития. Ху Цзиньтао пояснил, что «коренная цель инклюзивного роста состоит в том, чтобы плоды экономической глобализации и экономического развития приносили равную выгоду всем странам и

регионам, всем группам людей; чтобы в ходе поступательного развития добиться скоординированного развития экономики и общества». Китайский лидер отметил, что «Китай является активным инициатором и исполнителем теории инклюзивного роста».

Китайские эксперты подчеркивают, что новый лозунг указывает на приоритет политики «обогащения народа» по отношению к «усилению государства». Он призывает к сопряжению экономического роста с реализацией интересов большинства людей, которые должны иметь более широкие возможности и получить свои выгоды от результатов реформ. Этот призыв к поддержанию баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью связан с появившимися ранее концепциями «научного взгляда на развитие» и «гармоничного общества». Китайские авторы также отмечают, что «инклюзивный рост» может стать лозунгом 12-й пятилетки. Вместе с тем, критики указывают, что китайский термин «баожун» недостаточно четок. Помимо идеи всеохватывающей «инклюзивности» он может означать также «снисходительное отношение, прощение, извинение». И в этом значении «баожунсин цзэнчжан» можно истолковать как попытку властей убедить людей примириться с социальным расслоением и прочими негативными последствиями реформ.

А.Н. Карнеев

Мне кажется, что мы переживаем довольно интересный и во многих отношениях переходный период. Основными темами, в наибольшей степени привлекающими внимание экспертов-международников, в последнее время стали:

- продолжающийся быстрый рост экономической мощи Китая, а также других развивающихся экономик;
- относительное ослабление Запада и США, в частности, рельефно высветченное (но не вызванное) мировым кризисом;
- постепенное, но все более заметное смещение центра мирового развития в регион АТР;
- структурные диспропорции в мировой экономике, ставшие следствием экономической глобализации, призраки валютных войн, протекционизма и других попятных движений на пути к либерализации мировой экономики;
- нарастание элементов разбалансировки в мирополитической и мирохозяйственной системе;
- большое количество региональных вызовов — таких как корейская и иранская ядерные проблемы, ближневосточное урегулирование, угрозы безопасности в регионе Афганистан-Пакистан, а также в т.н. «Большой Центральной Азии»;
- угрозы терроризма, трансграничной и организованной преступности, нетрадиционные вызовы безопасности.

Историки, вероятно, будут впоследствии рассматривать 2008–2010 годы как некий рубеж, с которого началась новая эпоха в истории *глобализации*. Среди множества других важных изменений, ставших заметными благодаря переживаемому сейчас мировому экономическому кризису, они будут обсуждать то, как стремительно произошла в мировом восприятии адаптация к возвышению Китая в качестве державы, глобальная роль которой серьезно трансформирует архитектуру мировой политики, покоившейся на казавшейся до сих пор незыблемой гегемонии Америки.

С самого начала мирового кризиса Китай привлек к себе главное внимание и играет теперь важную роль, например, среди тем предвыборных кампаний в США. Это не удивительно, ибо в 2010 г. Китай стал второй экономикой мира. Он остается самой быстро растущей экономикой, самым крупным мировым экспортером и второй по величине державой-импортером. В США вызывает серьезное беспокойство то, что Китай владеет 20% американских казначейских обязательств.

Специалисты дебатуют о том, насколько кризис способствовал становлению новой роли КНР в мировой экономике, обсуждают перспективы использования Китаем своего валютного запаса и т.д. Мировой кризис, особенно трудности американского банковского и финансового сектора, серьезно подорвал авторитет США как глобального лидера и проецируемой Америкой вовне модели социально-экономического развития. Международная печать широко освещает полемику ученых и специалистов об «упадке» нелиберальной модели капитализма и растущей привлекательности «китайской модели» развития, значимости «индийской» и других азиатских моделей как альтернативных форм модернизации.

Тактика нынешней американской администрации, сосредоточившейся на более прагматичном (и даже в каком-то смысле эгоистичном) отстаивании национальных интересов, иногда вразрез с провозглашаемыми принципами продвижения либерализации, борьбы с протекционизмом и проч., также усиливает понимание и привлекательность в мире китайской модели. Но еще более важным, чем дискуссии по поводу моделей, является то обстоятельство, что и ментально, и институционально мир застигнут врасплох стремительностью перемен. В Китае, например, этот момент высвечивает дискуссия по поводу того, сохранять ли в качестве руководящего принципа идею Дэн Сяопина о том, чтобы «скрывать свои возможности». Перефразируя известную фразу классика, можно сказать: «многополярность, о которой так долго говорили в Китае и России, наконец, практически свершилась. Но похоже, не все к ней оказались готовы».

В последнее время особое внимание международных экспертов привлекает к себе проблема глобального экономического дисбаланса. Вопрос о том, действительно ли существует такой дисбаланс и как можно его преодолеть, стал крупнейшей темой международной дискуссии. Многие комментаторы сосредоточились на факте двойного дефицита (внешней торговли и бюджета) США, увязывая его с проблемой заниженного курса китайского юаня. С очередной порцией рассуждений на эту тему выступил председатель федер резерва США Бен Бернанке.

Россия и Китай. Хотя в 2010 г. их торгово-экономические связи продолжали испытывать на себе последствия мирового финансового кризиса, в целом нашим странам удалось совместными усилиями решить задачи периода восстановительного роста, вывести товарооборот почти на докризисный уровень, продвинуть инвестиционное сотрудничество.

Одним из аспектов этой проблемы является вопрос о нынешнем характере российско-китайских отношений и о воздействии процесса нарастания совокупной мощи КНР на характер этих отношений. Для экспертного сообщества вопрос, видимо, должен быть сформулирован так: «Каким образом воспользоваться фактором подъема Китая в целях дальнейшего расширения и углубления российско-китайского сотрудничества и взаимодействия; каким образом предотвратить возможную негативную реакцию на этот подъем, например нагнетание определенными политическими силами страхов перед растущим Китаем и т.д.»

Форматы РИК и БРИК. Эти неформальные механизмы взаимодействия стали развиваться одновременно с тенденцией повышения роли развивающихся экономик не только в мирохозяйственной системе, но и в международных дискуссиях о современном миропорядке. На прошедшем в Ухане форуме министров иностранных дел РИК были констатированы позитивные тенденции в формировании институциональной структуры сотрудничества. Министры рассмотрели вопросы дальнейшего практического развития взаимодействия в формате РИК, задачу укрепления его рабочих механизмов и структур. Договорились продолжать существующие направления совместной работы на уровне правительственных экспертов в таких областях, как предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, развитие здравоохранения и сельского хозяйства. Глава МИД РФ С. Лавров заявил по итогам встречи, что страны условились начать экс-

пертные консультации по сотрудничеству в сфере энергобезопасности и инноваций. Имеется предложение наладить связи между инновационными центрами, которые уже существуют в Китае и Индии и создаются в России.

В 2011 г. запланировано проведение очередного, третьего по счету бизнес-форума. Продолжатся встречи ученых трех стран. Речь идет также о налаживании гуманитарного и культурного сотрудничества между Россией, Индией и Китаем.

G-20. Этот формат в условиях мирового кризиса стал играть совершенно новую роль. С точки зрения региональных проблем важно отметить, что половина государств «двадцатки» относится к АТР. Последний саммит в Сеуле был важной вехой. Принятие Сеульского плана закладывает основу для обеспечения стабильности и устойчивости мирового развития на ближайшие 3–5 лет. Задача состоит, в частности, в том, чтобы обеспечить так называемую сбалансированность счетов текущих операций на основе согласованных показателей и подходов. Ещё одно важное решение, по которому долго шли споры, было наконец принято: реформирование системы квот и голосов в МВФ.

Доля развивающихся стран и стран с формирующимися рынками была заметно увеличена, что адекватней отражает их вес и роль в мировой экономике. Согласно этому перераспределению, страны БРИК, включая Российскую Федерацию, вошли в десятку стран с наибольшими квотами.

«Перезагрузка». Новые отношения России с США на протяжении последних двух лет усложняют общую картину российско-китайских отношений на фоне других дипломатических перипетий для КНР. Новая доктрина НАТО, принятая в Лиссабоне на саммите Североатлантического альянса, констатировала стратегическую роль сотрудничества с Россией. Впервые НАТО зафиксировала в своем базовом документе, что «не является угрозой для России». В начале «нулевого» десятилетия уже был период «оттепели» между Россией и Западом на волне сотрудничества после 11 сентября. Сейчас самым значимым фактором развивающегося взаимодействия России с НАТО является ситуация в Афганистане. В начальный период нулевого десятилетия многими китайскими аналитиками высказывалась настороженность к потеплению отношений России и Запада. С другой стороны, всем понятно, что любое будущее сотрудничество России с США и НАТО по Афганистану и по другим проблемам будет ограничиваться рядом структурных факторов. Нельзя также сбрасывать со счета вероятность перемен во внешнеполитической линии Вашингтона в случае победы республиканцев в 2012 г.

Роль ШОС. В прошлом ее часто пытались поставить под сомнение, указывая на объективные трудности в налаживании серьезного многостороннего взаимодействия, или на малозаметность ШОС в ряде драматических событий в регионе (таких как свержение режима талибов и продолжающаяся уже много лет борьба с ними со стороны НАТО в Афганистане, недавние события в Киргизии и т.д.). Но это неправильно. ШОС уже прошла большой путь превращения в авторитетную международную организацию, потенциал которой очень велик, стала важной площадкой выработки согласованных позиций по Афганистану, где нельзя исключать обострения ситуации после завершения военной миссии НАТО. В целом ШОС накопила большой опыт сотрудничества в сфере безопасности, борьбы против разного рода угроз, согласования позиций соответствующих стран по ряду ключевых международных проблем, развивает сотрудничество в сфере экономики, инвестиций, транспорта, финансов, таможенного дела, внедрения инновационных и энергосберегающих технологий, туризма, медицины и культуры. Запущен проект сетевого Университета ШОС. Конечно, в области экономики соответствующую работу необходимо усиливать.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о ряде новых ориентиров экономической стратегии Китая. Как уже говорилось в предыдущих выступлениях, в наметках 12-го пятилетнего плана предусмотрены следующие важные моменты: 1) коррекция модели экономического роста, предполагающая повышение удельного веса потребления

в ежегодном ВВП; 2) дальнейшее изменение структуры народного хозяйства, повышение удельного веса сервисных отраслей, продукции высоких технологий, ускоренное развитие западных районов страны и отстающих внутренних районов; 3) повышение энергетической эффективности, снижение уровня выбросов и других факторов загрязнения окружающей среды; 4) ускоренное развитие деревни, стимулирование процесса урбанизации; 5) приоритетное развитие ряда так называемых «стратегических отраслей».

Предполагается отказ от погони за количественными показателями роста. Многие китайские аналитики прогнозируют плавное снижение ежегодных темпов роста до 7–8%, а возможно, и ниже. При этом отмечают, что даже ежегодный рост в 5.6% достаточен для обеспечения решения задачи учета вершения подушевого ВВП к 2020 г. На самом же деле он, скорее всего, будет гораздо выше.

Что касается энергосбережения и снижения выбросов, то ожидается, что китайским правительством будет принято решение о снижении на 20% энергопотребления на единицу ВВП. Одновременно возможно принятие неких конкретных обязательств по снижению норм выбросов углекислого газа.

Прогнозируются существенные меры по повышению уровня доходов населения и совершенствованию распределительного механизма. Будут продолжены усилия по контролю за чрезмерно перегретым рынком недвижимости и расширению строительства доступного жилья, созданию полноценной системы медицинского и пенсионного обслуживания.

Наконец, названы семь важных сфер промышленности, имеющие стратегическое значение для трансформации структуры экономики. Это, в частности, энергосбережение и охрана окружающей среды, новые информационные технологии, биотехнологии, производство высокотехнологического оборудования, новая энергетика, новые материалы, автомобилестроение на новых источниках энергии (электромобили и проч.).

А.Д. Воскресенский

При всем внешнем благополучии Китая стабильность страны на краткосрочную перспективу определяют, прежде всего, финансово-экономическая ситуация, а потом уже другие проблемы, какими бы сложными они ни были: демографические, политические, экологические и другие. В этих ситуациях Китаю очень важна Россия, но не только с точки зрения поставки ресурсов, технологий, включая военные, а с точки зрения неформальной политической и дипломатической поддержки. Россия — единственная крупная страна, на которую разные сегменты китайской политической элиты традиционно все еще могут положиться больше, чем на политическую элиту других стран, так как между российской и китайской элитами существует высокий уровень взаимопонимания, взаимной рефлексии, тесные исторические связи. В такой ситуации российской политической элите следует закреплять это положение, сохранять и укреплять необходимость для Китая иметь тесные дружественные отношения с Россией.

В этой связи необходимо понимать, как Китай финансирует свою модернизацию, насколько стабильно это финансирование и может ли он превратиться во второй мировой технологический центр. С 1998 по 2005 гг. производство промышленной продукции в США росло ежегодно на 5%. За этот период вырос внутренний спрос на 35%, а импорт — на 80%. То есть США не смогли удовлетворять растущий спрос на промышленную продукцию за счет своего производства и были вынуждены ее импортировать. К этому моменту реформы в Китае дали результаты, которые позволили ему предоставить США такую возможность, прежде всего, в сегменте низкотехнологичной трудозатратной продукции с невысокой стоимостью, в сравнении с американской продукцией. Средства, полученные от экспорта китайской промышленной продукции, в первую очередь в США, а потом и в другие страны Запада, были вложены в совершенствование промышленной базы для ее производства, а львиная ее доля снова направлялась на экспорт, прежде всего в США.

Постепенно Китай сумел повысить технологический уровень своего экспорта в США и в другие страны мира, которые стали покупать китайскую продукцию, ранее утвердившуюся на рынках страны-гегемона мировой политико-экономической системы отношений. Далее ряд американских, европейских и японских предприятий были перенесены на территорию Китая, чтобы снизить производственные издержки. Производя иностранные товары по лицензии, китайские предприятия параллельно наладили и собственное производство товаров на основе устаревающих и уже не лицензируемых или заимствованных (легально и нелегально) технологий. К слову, только экономике США это стоило потери примерно 750 тыс. рабочих мест.

В ближайшее время перед Китаем остро встанет проблема добывания всеми возможными средствами технологий для своего дальнейшего развития. При уменьшающемся желании других стран делиться передовыми технологиями со второй экономикой мира, захватившей 10% мирового экспортного рынка, Китаю придется затрачивать все больше ресурсов на приобретение, разработку и применение нужных ему технологий. Другими словами, если страны Запада уже сегодня имеют или разрабатывают технологии, которые составят основу нового технологического уклада (технологии продления жизни, искусственного интеллекта, биотехнологии, новые информационные технологии и др.), то Китай пока осваивает технологии в рамках существующего технологического уклада, покупая, заимствуя, развивая и совершенствуя те, что необходимы ему для развития. Одна из самых ярких иллюстраций этому — создание в 2010 г. в КНР самого быстройдействующего (по сообщениям мировых СМИ) суперкомпьютера, собранного на основе импортируемых из США процессоров, сконфигурированных по схеме китайских инженеров-электронщиков.

В этой связи возникает вопрос: какова добавленная Китаем стоимость (т.е. стоимость локализованных компонентов) в той высокотехнологичной иностранной лицензионной продукции, которую он производит? Существуют разные оценки. В целом добавленная Китаем стоимость составляет примерно 15%. Отсюда — важность вопроса о занижении или завышении курса юаня. Если занижать юань, то Китай повышает добавленную стоимость продукции до 33%. Соответственно, увеличивается финансовый ресурс Китая, который можно направить на совершенствование технологической базы, модернизацию, включая военную и т.д. Однако, начиная с 2001 г., несмотря на манипуляции обменным курсом, Китаю не удается повысить добавленную стоимость продукции, произведенной по лицензии на его территории. В тоже время повышение стоимости юаня на 20% снижает эту долю до 3% и сокращает дефицит США во внешней торговле с Китаем до 0,1% профицита Китая. В этом смысл полемики между США и КНР по поводу манипуляций обменным курсом юаня.

Для снижения американского внешнеполитического давления Китай может сокращать экспорт, манипулировать импортом или перераспределять экспорт своей продукции между разными странами. На протяжении последних 2–3 лет он использовал все эти способы. Постепенно во внешней торговле со странами Запада Китай переориентировался с США на ЕС и диверсифицировал свой внешнеторговый оборот. Увеличивающаяся часть китайского экспорта шла в Гонконг, Корею, Тайвань, страны АСЕАН. При этом через Гонконг, АСЕАН и другие страны происходило реинвестирование капитала внутрь Китая.

Статистика последних лет показывает, что 50% внешнеторгового оборота КНР приходилось в разные годы на долю ЕС, Японии и США, при этом доля внешней торговли составляла до 70% (по другим данным: от 40% до 70%). В 2007–2008 гг. доля ЕС во внешней торговле КНР увеличилась с 18 до 25%, а к 2009 г. она начала «плавать» в диапазоне между 27 и 35%, доля США при этом упала с 25 до 10%. Чтобы продолжать получать валюту от внешней торговли в том же количестве, что и раньше, Китай должен теперь перераспределять свой экспорт в другие страны и регионы (в Африку, Латинскую

Америку, Россию, Центральную Азию и т.д.). При этом ему необходимо по-прежнему сохранять профицит внешней торговли с США и ЕС и реинвестировать финансовые ресурсы в американские казначейские обязательства, доллары и евро, чтобы поддерживать стабильность курса юаня. Китай не может не иметь больших резервов мировой валюты, иначе у него будет слабый, или необеспеченный юань, с которым при неизменных внешнеполитических и внутривнутриполитических условиях нельзя проводить дальнейшую модернизацию страны. До последнего времени Китай не только продолжал политику мягкого усиления юаня, но и наращивал валютные резервы для того, чтобы ЦБ КНР реинвестировал эти деньги внутри страны, выпуская на этот объем *жэньминьби* (юань) для финансирования модернизации. Парадоксально, но факт — предрекаемое рядом аналитиков дальнейшее ослабление доллара приведет не к усилению азиатской и китайской роли в мировой экономике, а к девальвации валютных резервов азиатских стран и Китая, что поставит под вопрос азиатскую и китайскую модели развития и модернизации, т.е. повредит прежде всего азиатским странам и КНР.

Сам по себе рост Китая феномена в истории мировой экономики не представляет, так как в разные исторические периоды были страны, экономика которых росла на протяжении примерно такого же срока с такой же скоростью. Главное «ноу-хау» архитектора китайских реформ Дэн Сяопина было достаточно простым, но очень эффективным: у него хватило политической воли и авторитета на практике, а не на словах добиться дозированного и постепенного, но более или менее равномерного и непрерывно нарастающего масштабного одновременного проведения политики открытости (*кайфан*) и внутренних реформ (*гайзе*).

Но если Китай растет больше 10 лет с такой скоростью, какую официальные китайские экономисты заявляют в официальной статистике, то китайская экономика непременно должна быть дефицитной. В то же время официальный дефицит Китая составляет примерно 2,8% ВВП. Отсюда следует, что юань в целом все же скорее недооценен, чем переоценен. В этом главное противоречие и главная уязвимая сторона нынешнего экономического положения Китая, которая может повлечь существенные и трудно предсказуемые политические последствия.

Есть разные методики оценки того, насколько реально недооценен юань. При дефиците 2,8% ВВП он должен быть недооценен примерно от 50 до 60% по отношению к доллару. При дефиците 1,5% — на 45%. В соответствии с расчетами по комплексной методике «behavioral equilibrium exchange rate», юань недооценен примерно на 5–13%. А если рассматривать стоимость юаня с точки зрения баланса внешней торговли, он переоценен примерно на 28%. Это значит, что если приводить в соответствие внутренние цены Китая с внешними ценами мирового рынка, то нужно девальвировать юань примерно на 20–30%. Результатом его девальвации в нынешних условиях даже на 10% будет дефляция. Поскольку в Китае низкий уровень инфляции, увеличится количество «плохих» кредитов, станет происходить дополнительное перераспределение доходов в экспортные отрасли экономики. Однако при всех отрицательных последствиях этой политики Китай сможет осуществлять экономическую экспансию, если, конечно, на это согласятся его торгово-экономические партнеры. Если девальвировать юань больше, чем на 10%, то возникнут последствия, которые были у СССР: начнет исчезать богатство страны, обесценятся активы, сократится потребление, сократятся инвестиции, произойдет резкое падение внешнего торгового оборота и переход на бартер, в результате чего практически невозможно будет избежать политических последствий.

В этой сложной политико-экономической ситуации китайское руководство пытается реструктурировать банки, переключаться на внутреннее потребление, уменьшать неравенство. Китайские экономисты могут попытаться немного девальвировать юань, чтобы оживить экономику, но сделать это в реальности очень сложно не только из-за внешних факторов (прежде всего, политического давления со стороны США), но и из-за

внутренних обстоятельств: после вступления в ВТО китайские крестьяне продают внутри страны продовольствие по ценам внешнего рынка. Эти цены привязаны к доллару, и, если девальвировать юань, то в условиях поставок по соглашениям с ВТО сельскохозяйственной продукции из других стран Китай получит неконкурентоспособное сельское хозяйство, снижение уровня жизни крестьян и волнения сельского населения, которое составляет примерно 57% населения страны — иными словами, политическую дестабилизацию. Хотя ревальвация юаня невыгодна для экспортноориентированных отраслей, однако в краткосрочной перспективе она решает, по крайней мере, одну важную политическую задачу: снижает на время вероятность нарастания недовольства крестьян.

С 1982 по 2002 г. профицит внешней торговли КНР составлял от 1 до 1,5% ВВП, и в этом не было ничего необычного по сравнению с другими странами. Однако после 2002 г. внешнеторговый профицит Китая стал расти быстрыми темпами. В 2003 г. он составил 2,8%, в 2004 г. — 3,6%, в 2005 г. — 7,2%, в 2007—11% ВВП. Такой профицит внешней торговли в течение достаточно долгого времени — уникальное явление для крупной национальной экономики. Это предоставляет финансовые возможности решать задачи нового уровня: наращивать строительство инфраструктуры, повышать благосостояние народа, и/или увеличить финансирование военных расходов.

Две трети профицита своей внешней торговли с США Китай на протяжении пяти-семи лет перенаправлял обратно в американскую экономику, покупая казначейские обязательства США, так как надо было обеспечивать стабильность юаня. Оставшаяся треть валютного профицита внешней торговли шла внутрь страны: на эти деньги Китай финансировал модернизацию, обновляя, прежде всего, инфраструктуру. Парадоксально, но в этой ситуации потребление населения падало. К 2008—2009 гг. оно снизилось до 49% ВВП. При этом в предыдущие годы (до 2002 г.) на потребление в Китае шло до 60% ВВП. Одновременно накопление увеличилось до 46% ВВП. Этому есть объяснение: китайцы перестали тратить потому, что юань был переоценен, в этой ситуации население пыталось подкопить деньги, поскольку в государстве в целом одновременно происходило реальное ослабление политики социальной защиты. При таком развитии экономической ситуации будущее для населения становится все менее определенным, поскольку невозможно спрогнозировать, как будет изменяться личная экономическая ситуация каждого человека в течение достаточно долгосрочного периода. Как следствие — траты на путешествия, рестораны, товары повышенного спроса и в самое последнее время — на автомобили и недвижимость. Резко возросший спрос на недвижимость может, по мнению ряда экспертов, стать индикатором перегрева экономики и будущего кризиса, связанного со сдутием «пузыря» цен. Последние полгода китайские экономисты административными мерами способствуют снижению спроса на недвижимость.

В то же время китайская статистика зафиксировала рост сбережений. Семейные сбережения остаются примерно на прежнем уровне и составляют от 6 до 16% ВВП в зависимости от методики подсчета. С 2000 г. стали резко расти корпоративные сбережения: в 2000 г. они составляли 15%, а в 2007 — уже 26%. Корпоративные сбережения в условиях современного Китая — это доходы китайских государственных компаний (которые за предыдущее десятилетие не стали более доходными, а управляющее звено в них не стало кардинально эффективнее). Значит, вырос процент прибыли от доли ВВП, которую эти компании стали получать. Наиболее доходные компании — государственные или акционированные (но с преобладающим государственным участием) — занимаются сталелитейным и алюминиевым производством, производством цемента, машиностроением, химической промышленностью, находятся в разных отраслях нефтяной промышленности, черной металлургии, угольной промышленности, энергетики. Ростом этих секторов промышленности и, соответственно, прибылей в них и объясняется индустриальный рост Китая на протяжении последнего десятилетия.

Эти компании стали производить больше продукции, половина из которой потребляется внутри страны. Другие 50% продукции идут на экспорт, но этот экспорт не «чистый», а «с отъемом» внутрикитайской доли у иностранных компаний (включая российские), выдавливаемых с китайского рынка, которым было крайне сложно найти другие рынки сбыта в условиях мирового кризиса и последовавшей за ним мировой рецессии.

Для преодоления кризиса и оживления экономики китайцы влили государственные деньги в инфраструктуру, строительство и недвижимость. Эти меры дали хороший результат. Но в этих сферах доминируют государственные или полугосударственные компании. Кроме того, в 2009 г. в КНР была проведена реформа, в соответствии с которой был сокращен налог на компании, которые покупают оборудование. С помощью такой меры китайские экономисты высвободили для отечественных компаний примерно 120 млрд юаней, которые были направлены на технологическое перевооружение производства. Но для данной цели одних этих денег недостаточно. Поэтому параллельно китайские власти стали стимулировать выдачу кредитов на строительство и обновление инфраструктуры. На эти кредиты китайские государственные банки стали выдавать деньги государственным корпорациям. Объем выданных кредитов составляет примерно 1,3 трлн долл. США или 8,9 трлн юаней. Одновременно китайцы трижды за последние 5–6 лет «мягко» ревальвировали юань — примерно на 2% каждый раз, уступая не столько внешнему давлению, сколько внутренней экономической и политической целесообразности.

В сложившейся ситуации внешнего и внутреннего давления на юань можно укреплять национальную валюту, но в то же время нельзя укреплять ее сильно, так как это повлечет неконкурентоспособность китайских товаров на внешних рынках, падение ходов от экспорта, что чревато внутривнутриполитическими волнениями той части населения, которая занята в экспортоориентированных отраслях. Для оживления экономики национальную валюту можно было бы немного девальвировать, но это вызвало бы очередной взрыв негодования в США и других странах мира, где и так давно говорят о нечестной манипуляции юанем и о необходимости устанавливать протекционистские пошлины, направленные против китайской продукции. Одновременно это нанесло бы удар по крестьянству.

Результат вышесказанного: два вида политики, которую проводят в последнее время китайские власти. С одной стороны: урбанизация, привлечение внутренних инвестиций, повышение минимального прожиточного минимума населения, повышение пенсий, поддержка бедных, увеличение минимальной ставки оплаты труда, пособий по безработице, дотации сельскому хозяйству. Эти меры пытается осуществить одна группа китайских политиков. Одновременно на фоне усиления госкорпораций формулируется и другой курс: растут требования увеличения импорта энергоресурсов, усиления мер защиты от внешнего врага, особенно США, ужесточения внешнеполитической линии, усиления госкорпораций, уменьшения расслоения населения. Эти новые внутривнутриполитические тенденции способствуют возрастанию влияния другой группы политиков. Но на эти новые внутривнутриполитические тенденции не могут не реагировать представители первой группы. Они также становятся восприимчивы к предложениям об ужесточении внешнеполитической линии. Ситуация внутри КПК в последнее время свидетельствует, что в силу ряда причин китайское руководство считает монетаристские способы урегулирования существующих проблем малоперспективными, так как решение их, в первую очередь, экономическим путем неизбежно потребует поиска нелегкого компромисса с Западом и осуществления политической модернизации. Поэтому оно уповает на дальнейшее усиление роли госкорпораций и ужесточение внешнеполитической линии. В этом смысле для Китая «эпоха Дэн Сяопина» закончилась, и начался поиск новой, пост-дэновской модели развития самого Китая и его отношений с внешним миром.

В.Я. Портяков

Хотел бы поставить такой вопрос. В то время, как в мире усиливается экономическая роль таких стран, как Китай, Бразилия, Индия, ЮАР, в нашем телеэфире это как раз те страны, откуда постоянно поступают в основном негативные новости (взрывы, катастрофы, преступность и т.п.). Не означает ли это, что налицо принципиальное ухудшение качества мирового роста? Правомочно ли такое утверждение? Или мировой экономический рост — понятие нейтральное? Неважно, как он обеспечивается, лишь бы был. Не секрет, что многое из того, что производят в Китае даже по западным моделям — продукция более низкого качества, чем в первоначальном оригинальном виде. С помощью различных технологий развивающиеся страны получили дополнительный ресурс роста, возможность перескочить через казавшиеся ранее обязательными технологические ступени. Это не дает прибавки в знаниях, владении информацией и ее использовании. Здесь есть над чем подумать.

Переходим ко второму блоку вопросов, связанных с рассмотрением отношений КНР с различными группами стран и отдельными регионами.

Ю.А. Дубинин

Заявленная проблематика настоящего круглого стола — “Меняющийся Китай в меняющемся мире” — неизбежно заставляет задуматься над рядом вопросов.

В каком направлении и под воздействием каких факторов происходят глобальные изменения в современном мире?

Как происходящие перемены воздействуют на формирование новой глобальной и региональной среды?

Каковы ведущие тенденции современного мирового развития?

Какое место отводится во всем этом современному Китаю?

Станет ли новый окрепший Китай державой, стремящейся ревизовать существующий миропорядок, или державой, ратующей за status quo, и какое влияние он будет оказывать на глобальную и региональную среды в случае первого либо второго сценария?

Распад биполярного мира привел к тектоническим изменениям во всей системе международных отношений, которая вплоть до настоящего времени еще не обрела какую-либо новую, устоявшуюся структуру. Хотя сущностные характеристики периода, наступившего после биполярности, пока размыты, тем не менее совершенно очевидно, что результатом этих перемен стала глубокая трансформация глобальной архитектоники.

В чем она выражается:

1) С распадом Советского Союза и ликвидацией социалистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, а также с исчезновением геополитического и идеологического противостояния между системами социализма и капитализма исчез так называемый «второй мир». Социалистическая идеология как системформирующая сохранилась лишь в отдельных анклавах (КНР, КНДР, СРВ и Республика Куба), достаточно независимых друг от друга и более не координирующих свои действия.

2) Кардинально изменился «третий мир», который начал стремительно расслаиваться с выделением сравнительно небольшой группы быстро развивавшихся государств, которые устремились вдогонку за развитыми странами, и остальной массы — стагнирующей и погрязшей в долгах («несостоявшиеся государства» — failed states). Политически «третий мир» перестал быть таковым, поскольку исчезла существовавшая десятилетиями парадигма балансирования мира развивающихся стран между «первым» и «вторым» мирами.

3) Наконец «первый мир» — мир индустриально развитых государств праздновал неожиданную победу в «холодной войне» и принялся лихорадочно подыскивать подходящие проекты будущего глобального мироустройства.

Новая глобальная расстановка сил, сопровождавшаяся к тому же эйфорией от успешной попытки освобождения Кувейта и разгрома армий Саддама Хусейна коалицией государств, действовавших по мандату Совета Безопасности ООН, позволила президенту США Дж. Бушу-старшему в упоении от этой победы провозгласить осенью 1991 г. с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН программу построения «нового мирового порядка». По замыслам президента США, этот «новый мировой порядок» должен был создаваться под американским руководством, с тем чтобы в его рамках «законность заменила закон джунглей».

Были найдены и соответствующие случаю и обстановке идеологические и экономические доктрины. Ими стали «конец истории» в сфере идеологии и «глобализация» в области международной экономической жизни и ряде других сфер. Провозглашение западных экономических, политических и идеологических стандартов в качестве единственно возможной и потому, без сомнения, истинной ценности позволяло развитым государствам во главе с США создавать доктрину универсализма. Странам бывшего «второго», а также в определенной мере и «третьего» миров предлагалось принимать в том или ином качестве участие в этих процессах — глобализации, демократизации и присоединении к западным экономическим, а в ряде случаев и военно-политическим структурам. К тем же из них, кто «шагал не в ногу», применялись меры идеологического (пропагандистского), экономического, а в отдельных случаях и военно-политического воздействия.

В качестве практического воплощения доктрины универсализма в Европе в рамках политики «вовлечения и расширения» значительно выросло число государств-участников в составе НАТО и ЕС, а против осмелившихся сопротивляться сербов в Боснии и Югославии были применены массированные натовские бомбардировки.

Еще более наступательным стало воплощение лидерских тенденций в американской политике начала 2000-х гг. С приходом во власть неоконсерваторов Вашингтон стал единолично определять «врагов человечества», приписывая неудобные ему правительства других государств к т.н. «оси зла» и сделав «смену режимов» одним из приоритетов своей политики. Внедрение американской политики односторонних действий — «унилатерализма» — в международную практику первой половины первого десятилетия XXI века одновременно стало своеобразным переломным моментом пост-биполярной системы международных отношений. «Ворчание» Европы, недовольство России, озлобление мусульманского мира, ускорение своих атомных проектов правительствами КНДР и Ирана, а главное — неспособность США добиться решающих успехов в Ираке и Афганистане — все это отчетливо свидетельствует о кризисе однополярности. Окончательную черту подвел зародившийся в США глобальный экономический кризис 2008 г.

Тем временем на международно-политическом ландшафте появляются новые государства, все громче заявляющие о себе не только бурным экономическим ростом (в 2011 г., как и в 2010 экономики развивающихся стран — Китая, Индии, Бразилии, Турции и др. — вырастут минимум на 8%, в то время как обремененные долгами развитые страны в основном будут с трудом обеспечивать чуть более 2% роста), но и нарастающим политическим влиянием, активизацией участия в решении не только региональных, но и важных глобальных проблем. Продолжает происходить перераспределение удельного веса сил и влияния между различными существующими и возникающими мировыми центрами. Похоже, что в ближайшие годы нас ждет становление «еще более нового мирового порядка», который многие эксперты отождествляют с многополярностью — организацией международно-политической системы на началах полицентризма.

В этом контексте особенно заметным является фантастический прогресс Китая, который буквально на глазах превращается в первоклассную мировую державу. Налицо не только динамичное экономическое развитие государства, вышедшего на вторую позицию в мире по производству ВВП, но и последовательная неуклонная консолидация

международных позиций КНР. Специфика международного возвышения Китая, как представляется, выражается двумя аспектами: во-первых, на протяжении длительного времени Пекин последовательно и терпеливо выстраивает неконфронтационные, а где это представляется возможным, дружественные отношения с соседями (за исключением, быть может, Японии); во-вторых, с началом политики реформ КНР неустанно декларирует, что она не вступает в союзы ни с какими государствами, оставляя таким образом за собою право на любые возможные внешнеполитические комбинации.

Китай в последние годы становится державой, с которой все ведущие мировые игроки стремятся выстроить особые отношения. В этом ряду стоит отметить активно муссирующиеся идеи «кимерики» — новой биполярности либо американо-китайского кондоминиума, а также выдвинутую правительством Ю. Хатоямы идею формирования «Восточноазиатского сообщества» в составе Японии, Китая и Южной Кореи. Активно играет КНР и на удаленных от зоны своих традиционных интересов — восточноазиатского региона — «площадках» Латинской Америки и Африки. Влиятельная газета «Financial Times» назвала это возвышение Китая «самым важным изменением баланса благосостояния и власти с тех пор, как в конце XIX в. на мировой арене в качестве новой действующей силы» появилась Америка.

При этом говорить о конце американского преобладания пока еще рано. При всех своих проблемах США по-прежнему остаются сверхдержавой — единственной страной, способной действовать в любом уголке мира, непревзойденной по своей военной, экономической, финансовой и технологической мощи.

Исторический опыт свидетельствует, что всякий раз, когда на авансцену истории выходили новые силы, они выражали неудовлетворенность существовавшим мировым порядком, не принимавшим во внимание их амбиции, и стремились к переформатированию действовавших систем международных отношений. Это приводило к крупным конфликтам и даже к войнам континентального и глобального масштаба. Китай уже явственно выражает свое недовольство: это проявляется в виде критики существующей глобальной финансовой системы, чрезмерно — как считает Пекин — завязанной на американский доллар, резких протестах против крупных поставок американского вооружения Тайваню, в новом формате поведения в традиционных территориальных спорах с Японией и т.п. Можно лишь надеяться, что эти попытки обретения Китаем нового международного статуса и трансформации глобальной политической структуры будут происходить без серьезных потрясений.

А.С. Давыдов

Четыре года назад, выступая на нашей XVI Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир» с тезисами о том, реальна ли в мире новая биполярность, я охарактеризовал применительно к Китаю период, прошедший на тот момент с начала XXI в., как «начальный этап продвижения КНР от положения региональной супердержавы к полноценному глобальному сверхдержавному статусу».

Было отмечено, что на пути этого продвижения отношения Китая с единственной сверхдержавой США, которые были названы «отношениями сотрудничества и соперничества с определенным преобладанием элементов последнего», продолжают сохранять главенство для китайской внешней политики.

Признаками новизны во внешнеполитических действиях двух стран на том этапе были:

— у США: переориентация приоритетов на базе новой, незадолго до того принятой стратегии национальной безопасности на отношения со странами АТР и, в первую очередь, с КНР;

— у Китая: постепенное замещение на практическом уровне прежней внешнеполитической концепции «мирного возвышения» страны более мягкой по формулировкам

концепцией «гармоничного мира», озвученной председателем КНР Ху Цзиньтао изначально в апреле 2005 г., которое по своей сути, однако, не означало каких-то радикальных перемен в отношении конечных целей китайской внешнеполитической стратегии.

Тем не менее, это «смягчение», видимо, было услышано в Вашингтоне как определенный сигнал и сыграло не последнюю роль в его последующих инициативах в адрес Китая — поначалу «стать т.н. ответственным глобальным акционером», то есть разделить с той же Америкой бремя ответственности за складывающуюся в мире ситуацию, а позднее — поделить с США мир «на двоих» в рамках предложенных им форматов «кимерики» и G-2.

К глобальному финансовому кризису обе ведущие мировые державы подошли каждая со своим собственным экономическим и внешнеполитическим «багажом».

Внутри самих США и в международной среде на фоне надвигавшегося экономического спада резко обострилось недовольство по поводу практиковавшихся администрацией Дж. Буша-мл. жестких методов военно-силового экспансионизма, уже вызвавших к тому времени внутренние неурядицы в стране, спровоцировавших напряженность в контактах с союзниками и приведших к ухудшению отношений с основными глобальными конкурентами — КНР и Россией.

В то же время Китай, несмотря на сопутствовавшие постоянному ежегодному 9–10-процентному росту его ВВП «перегревы» экономики, неблагоприятную экологическую ситуацию, череду стихийных бедствий, вспышки сепаратизма и другие негативные факторы, существенно укрепил свои международные позиции, расширил сферы экономико-политического влияния в АТР, Центральной Азии, Африке и Латинской Америке, а на самом пороге глобального кризиса с триумфом провел XXIX Олимпийские игры, заставив еще активнее говорить о его серьезном стремлении опереться в гонке за глобальное лидерство на рычаги т.н. «мягкой силы».

Олимпиада в Пекине и еще два близких ей по срокам события — одно регионального, другое локального свойства, но оба глобальной значимости: провозглашение независимости Абхазии и Южной Осетии в результате российско-грузинского военного конфликта и приход к власти в Вашингтоне администрации демократов во главе с первым в истории США президентом-афроамериканцем Б. Обамой — стали некими поворотными точками, обозначившими начало качественных трансформаций в мировой архитектонике — постепенного демонтажа монополярной системы, обусловленного ослаблением глобальных позиций и роли Америки.

Причины этого ослабления заключаются в воздействии мирового финансово-экономического кризиса, истоком которого стала, в первую очередь, ситуация в самой американской экономике: в снижении в результате экономического «недомогания» военно-политической мощи Соединенных Штатов, существенном ограничении их способности силового реагирования на события в разных частях мира, возможности диктовать, как прежде, зависимым от них странам условия их поведения. На этом фоне произошло укрепление вса, авторитета и влияния Китая.

Кроме этих объективных причин существует и субъективная. Вряд ли стоит отрицать, что впервые за многие десятилетия, пожалуй, со времен первого после «великой депрессии» правительства Ф. Рузвельта, к власти в Америке пришла администрация, нацеленная в силу сложившихся внутренних условий на определенную социализацию государства, воссоздание ориентированных соответствующим образом институтов, что потребовало от нее принципиально иных подходов и к международной политике, сокращения ресурсов для внешней экспансии.

Другими словами, внутреннее «полевение» породило необходимость внешнеполитических коррективов, смягчения прежнего гегемонистского курса. А стремление выпутаться из иракского и афганского «тупиков» — этого «наследства» республиканцев — заставило приглушить спровоцированный Америкой накал в отношениях с КНР и Россией,

приведа к идеям американско-российской «перезагрузки» и т.н. «нового рейса» в отношениях с Китаем.

Эти коррективы нашли отражение в действующих сегодня внешнеполитической и ядерной доктринах США, но, к сожалению, не стали определяющими в американском курсе. Это вполне естественно: оставаясь и поныне самой крупной и сильной в военном, экономическом и политическом плане державой мира, Соединенные Штаты намерены сохранить за собой прерогативу глобального доминирования и не хотят ни с кем делиться этой привилегией.

Именно поэтому потерпел фиаско провозглашенный ими «новый рейс» в отношениях с КНР. Китай официально отверг предложение о т.н. «двойке», сразу поняв, что за ним стоит не только попытка Америки преодолеть экономический кризис с его помощью и в значительной степени за счет его ресурсов, но и завуалированное стремление контролировать и сдерживать Китай всякий раз, когда он будет действовать в нарушение американских интересов.

Ситуация оставаться на «вторых, вспомогательных ролях» Китаю явно не импонировала, хотя второй державой мира его по совокупности ряда объективных критериев уже признает на протяжении некоторого времени ряд авторитетных международных экспертов. Этот его статус косвенно подтвердила и администрация Обамы, переместив Россию с позиции своего главного визави на мировой арене и освободив ее для КНР.

Таково еще одно качественное изменение в системе современного миропорядка, которое подтверждается как гораздо большими объемами и масштабами торгово-экономических связей и частотой политических контактов Америки и Китая на различных уровнях по сравнению с аналогичными показателями у США и России, так и уменьшением значимости фактора российско-американского ядерного паритета в условиях отсутствия конфронтации между ними. Становится очевидной справедливость утверждения отечественных экспертов о том, что статус «великой державы» обретается в результате общего признания той или иной страны в этом качестве другими членами международного сообщества, и для КНР признание ее второй державой мира фактически уже состоялось.

Как поведут себя США и Китай в этих качественно иных условиях? Каковы прогнозы развития их отношений в обозримом будущем? Некоторые события в них на протяжении двухлетнего президентства Обамы, и особенно последнего года, после его ноябрьского визита в КНР могут подсказать ответы на эти вопросы.

Следует признать, что на протяжении указанного периода негативное в них заметно перевешивало позитивное: конфликт вокруг американской компании Google, грозившей свернуть деятельность в КНР в ответ на цензуру в китайском Интернете; обострение отношений в связи с намерением США выполнить обязательства перед Тайванем о поставках вооружений и ответным прекращением Пекином военных связей с Вашингтоном, введением Китаем санкций против американских компаний, участвующих в вооружении острова; прием в Белом доме далай-ламы; отказ КНР в поддержке США по иранской ядерной программе; отказ их требованию ревальвировать юань и тем самым уменьшить американский дефицит в торговле с Китаем и т.п.

Два года назад во время президентской кампании в США Обама пользовался необычайной популярностью в Китае. Его визит в КНР год спустя был, по официальным оценкам, «очень успешным». Так что же происходит в реальности?

Со стороны Вашингтона — это демонстрация обеспокоенности усилением Китая, поставившим под сомнение способность США по-прежнему осуществлять его сдерживание. Со стороны Пекина — провозглашение открытого несогласия на сохранение американского глобального доминирования. Момент для этого более чем подходящий: гегемонизм США привел мир сначала к определенному застою, а затем к кризису,

обострились многие проблемы — экономические, энергетические, экологические и климатические, не говоря уже о политических.

Всплески терроризма, иранская, афганская и корейская проблемы, которые больше всего беспокоят сегодня Америку, могут рассматриваться по существу и как ответная реакция на американскую монополярность, а в более широком плане — на глобализацию по-американски, так и не обеспечившую сокращение разрыва между сытыми и голодными, бедными и богатыми, здоровыми и больными и лишь маскирующую его.

Цинично и вызывающе выглядела операция США по возвращению с помощью вооруженной силы доступа к контролю над источниками сырья и энергоресурсов в Ираке. Все прекрасно поняли, что причина вторжения туда именно в этом, а не в мифической ядерной кнопке Саддама Хусейна.

Выбор момента для демонстрации Китаем своего недовольства обусловлен также разногласиями среди членов западного альянса. Объединенная Европа претендует на самостоятельную глобальную роль и не во всем готова полностью соглашаться с США.

Главное то, что в сложившихся условиях Китай избрал собственный самостоятельный путь, отказался интегрироваться в мировую элиту на предложенных США условиях и видит в них угрозу и препятствие на пути своего развития и укрепления глобального статуса.

Замысел Китая видится в осуществлении радикальных изменений в сложившейся мировой архитектонике в пользу развивающихся стран и, в первую очередь, свою собственную. При этом подразумевается, что развивающиеся страны могут добиться этого, преодолев отставание от развитых за счет стремительной модернизации и инновационного рывка в экономике, науке и технике, а развитые страны должны помогать им в этом, ускоряя процесс. Для реализации этого замысла мир нуждается в Китае, который должен занять «инициативную и выгодную позицию и активизировать участие в мировых делах».

По существу речь идет о перспективе формирования мирового полюса во главе с КНР. На подступах к этой задаче Китаю необходимо решить ряд проблем, а мировому сообществу определить, какова его конечная цель: будет ли он стремиться доминировать в мире подобно США, обеспечив изначально себе первенство по абсолютному большинству параметров, или удовлетворится тем, что явит пример некоего нового пути к построению общества гармонии и процветания? В первом случае главным признаком станет демонстрация им т.н. «имперских амбиций». Во втором — многое определится результатами, достигнутыми в процессе строительства т.н. «общества средней зажиточности», и суммарным итогом построения провозглашенного им «социализма с китайской спецификой».

Если своей конечной целью Китай наметит мировую гегемонию, ему неизбежно придется решить следующие задачи:

- 1) восстановить территориальную целостность, решив т.н. «тайваньскую проблему»;
- 2) окончательно сформировать географическое и геополитическое пространство, именуемое «Большой Китай» (включает КНР, Гонконг, Макао, Тайвань, страны ЮВА, СВА и других регионов мира с преобладанием этнических китайских общин и анклавов);
- 3) упрочить за счет имеющихся в распоряжении т.н. «Большого Китая» экономических, политических, военных, сырьевых, демографических и других ресурсов лидерские позиции на глобальном уровне.

Такие перспективы, безусловно, идут вразрез с американскими интересами.

По какому бы сценарию ни развивались дальнейшие китайские планы, очевидно, что ключевым и наиболее взрывоопасным в отношениях США и КНР, несмотря на его текущую «затененность» другими проблемами, будет оставаться тайваньский вопрос.

Именно в тот момент, когда наметились реальные сдвиги в отношениях двух берегов пролива в позитивном для Пекина направлении, американские оружейные сделки с Тайванем нарушают интересы КНР. Не в этом ли причина изменения отношения в Китае к самому Обаме, базирующаяся на убежденности в нежелании США способствовать тому, чтобы сближение материка и острова осуществлялось достаточно быстро?

Без преувеличения можно констатировать: от того, как решится тайваньская проблема, будет во многом зависеть дальнейший ход мировой истории. В случае мирного объединения откроется путь к созданию Большого Китая, дальнейшему распространению в мире его влияния. Вооруженный конфликт в проливе может привести к новому глобальному размежеванию с последующим переделом мира.

В качестве одного из вариантов урегулирования тайваньского вопроса можно подумать над компромиссной схемой, согласно которой объединение двух берегов пролива происходит по «сянганской модели» на основе принципа «одно государство — две системы», в дополнение к которой ведущей политической партии Тайваня Гоминьдану гарантировалась бы возможность постепенного вхождения в законодательную, а затем в исполнительную ветви власти материка. Такая схема, как представляется, не только позволила бы Гоминьдану активно участвовать в политических и других аспектах жизни объединившегося Китая, но в перспективе, через оговоренный срок, могла бы стать основой введения в стране реальной многопартийности — предтечи демократизации ее внутренней жизни.

Тайваньский вопрос геополитически связан с проблемой безопасности в АТР. Недавние шаги США по т.н. «возвращению» в регион свидетельствуют об их обеспокоенности усилением позиции КНР в Азии. Последние поездки в АТР Обамы и Х. Клинтон определенным образом компенсировали прежний недостаток внимания Америки к этому региону после терактов 11 сентября.

Укрепление отношений с Японией, Южной Кореей, заявление Х.Клинтон о том, что действующие американо-японского договора безопасности распространяется на острова Дяоюйдао, которые Китай считает своими, усиление связей США не только с Индонезией, но и с Вьетнамом — все говорит о том, что раунд борьбы между Америкой и Китаем за влияние в АТР будет острым.

По существу сегодня единственным антиамериканским режимом в Азии остается северокорейский, который рассматривается как естественная опора Китая в соперничестве с США. Однако, судя по просочившимся в СМИ данным, КНР якобы кулуарно обсуждает с Америкой проблему корейского объединения под эгидой Сеула. Означает ли это, что Северной Кореей хотят пожертвовать ради разрядки напряженности на полуострове? Не может ли она предназначаться в качестве «разменной монеты» при урегулировании тайваньского вопроса?

Тем не менее, несмотря на рельефность некоторых китайско-американских противоречий в Азии, вряд ли в ближайшем будущем там между ними возникнет открытый конфликт.

С одной стороны, в отличие от прошлых времен США «возвращаются» в Азию с обновленной политической философией. Как отмечала недавно в Гонолулу Х. Клинтон, они намерены при помощи традиционных союзников, новых партнеров и региональных организаций «укреплять контакты со странами АТР путем развития экономики, обеспечения безопасности и проведения достойной внешней политики, также внимательно прислушиваясь к руководству азиатских стран и взаимодействуя с ним».

С другой стороны, Китай рассматривает это «возвращение» как дело вполне естественное. И хотя на протяжении длительного времени США проводили политику как сближения с Китаем, так и его сдерживания, и укрепляют отношения с соседними с КНР странами, они, как пишут в китайских СМИ, «еще не вышли из общих рамок стратегии по отношению к Китаю». В Пекине рассчитывают на координацию с Вашингтоном действий

по важным международным вопросам. А государства АТР также не жаждут стоять перед выбором в связи с противостоянием Китая и США и не желают из-за этого противостояния беспорядков в регионе. В Вашингтоне же признают, что и КНР, и США ведут свою игру в АТР, однако ни та, ни другая страна не должны «вести игру с нулевой суммой».

Помимо регионального соперничества в отношениях двух стран налицо серьезные расхождения по другим крупным мировым проблемам. Оставляя в стороне вопросы сугубо двусторонних отношений, включая курс юаня, американский торговый дефицит, права человека и ряд других, достаточно подробно освещенные в соответствующих аналитических разработках, следует упомянуть о таких ключевых темах, как обеспечение доступа к сырьевым ресурсам, комплекс экологических и климатических проблем, а также террористические и военные угрозы, включающие проблемы ракетно-ядерных вооружений и ПРО.

Для поддержания высоких темпов развития и в связи с серьезным энергодефицитом Китай будет расширять доступ к мировым источникам сырьевых и энергетических ресурсов. Попытки препятствовать ему в этом чреваты серьезной дестабилизацией международной обстановки, и США не должны об этом забывать.

Расхождения между развитыми и развивающимися странами в вопросах охраны окружающей среды и регулирования климатических изменений носят принципиальный характер и могут спровоцировать очередной кризис, если их не удастся преодолеть.

И, наконец, несмотря на некоторые подвижки в вопросе об американско-натовской системе ПРО, он пока не решен окончательно. России как особо заинтересованной стороне следует проявлять мудрость и осмотрительность, имея в виду негласную потенциальную возможность нацеливания этой системы, помимо Ирана и Северной Кореи, и на Китай. Необходимо следить за соблюдением того, чтобы реализация лиссабонских договоренностей не нарушила баланса между интересом России к сотрудничеству с НАТО и обязательствами, вытекающими из соглашений о стратегическом партнерстве и взаимодействии с КНР.

В последнее время становится все более заметным, что в Китае усиливается интерес к отношениям РФ с США, к оценкам в российских государственных, общественных, научных и деловых кругах китайско-американских связей. В то же время в Америке все внимательнее анализируют нюансы российско-китайских отношений. Этим обстоятельством можно и нужно воспользоваться в целях усиления российского влияния в политических элитах США и КНР.

Исходя из вышесказанного, видимо, можно утверждать, что отношения между Вашингтоном и Пекином в ближайшем будущем вряд ли станут более «теплыми и доверительными», чем сегодня, однако позитивный багаж накопленный в них за три с лишним десятилетия, послужит фундаментом дальнейшего американско-китайского взаимодействия.

Отсутствие у Китая в острой фазе кризиса стремления «обвалить» американскую экономику, для чего у него имелись определенные возможности, свидетельствует о том, что он не заинтересован в экономическом коллапсе Америки, прежде всего, в силу своей тесной привязки к функционированию американского рынка.

Однако многое в дальнейших отношениях двух стран будет зависеть от того, насколько конфронтационными окажутся те идеологемы, с которыми каждая из них намерена выстраивать будущий мировой порядок.

Главным «запалом» китайско-американского конфликта, как и прежде, остается тайваньская проблема.

Противоречия между США и Китаем будут сохраняться в обозримом будущем как на региональном, так и на глобальном уровне. Однако если стороны, которые связывает не меньшее, чем то, что их разделяет, не переступят грань учета взаимных интересов, ситуация не станет катастрофической.

Борьба за мировое доминирование не синонимична борьбе за глобальное лидерство. Оставаясь первым по ключевым параметрам — не всегда являешься лидером, т.е. примером, на который хотят и будут равняться. Вопрос в том, к чему стремится Китай — гегемонии со всеми вытекающими последствиями, главными из которых станут новая гонка вооружений и новая биполярность. Или лидерству среди определенной группы схожих по ментальным и культурным корням стран?

А.Д. Воскресенский

Поясните, пожалуйста, относительно паритета ядерных потенциалов США и России. Что имелось в виду?

А.С. Давыдов

В условиях открытой биполярной конфронтации СССР и США ядерный паритет был главенствующим фактором, определявшим их сверхдержавный глобальный статус. При отсутствии такой конфронтации между США и нынешней Россией значимость ядерного паритета, на мой взгляд, несколько снижается.

В.И. Трифонов

Одна из главных особенностей меняющегося мира — нарастание противоборства между двумя крупнейшими мировыми державами, Соединенными Штатами с их сохраняющейся огромной мощью и стремительно набирающим силу Китаем. В складывающейся обстановке возрастает значение российского фактора, от которого во многом будет зависеть новая конфигурация сил на международной арене, что хорошо понимают как в Вашингтоне, так и в Пекине. Перед нашей страной возникает задача выстроить такую линию в отношении с США и Китаем, и в целом в мировых делах, чтобы при любых поворотах событий надежно обеспечить российские интересы, безопасность России.

Следует отметить, что Россия имеет значительный вес в треугольнике США—КНР—РФ, отнюдь не являясь в нем слабым звеном, как это пытаются представить отдельные политологи, включая и некоторых российских экспертов. Несмотря на то, что США, а теперь и КНР возводятся в ранг «сверхдержав», Россия обладает немалыми преимуществами, позволяющими ей сохранять положение одной из ведущих мировых держав. Наша страна располагает огромной территорией, уникальными природными ресурсами, мощным стратегическим и военным потенциалом. Хотя с распадом СССР понесено немало серьезных потерь, Россия постепенно возвращает свои позиции на международной арене. Важнейшее значение имеет ее геостратегическое положение — в центре евразийского континента, в окружении стран и регионов с сохраняющимся сильным российским влиянием, к тому же укрепляющимся в последнее время.

Вместе с тем, налицо существенное отставание России в экономическом плане. Так, в 2009 г. объем ВВП США составил, по официальному обменному курсу, 14,3 трлн долл. (около четверти мирового ВВП). У КНР было 4,9 трлн долл. (8,5% мирового ВВП), а в 2010 г. Китай по объему ВВП обогнал Японию и вышел на второе место в мире. Российский же ВВП составил 1,25 трлн долл. (3,2% мирового ВВП). Несопоставимы объемы американо-китайской торговли — 365,9 млрд долл. в 2009 г. — с уровнем торговли России с КНР (38,8 млрд долл.) и с США (23,5 млрд долл.).

С переходом КНР в начале 1980-х гг. на путь ускоренного модернизационного развития последние десятилетия были отмечены тесным политическим и экономическим сотрудничеством между США и Китаем. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. Вашингтон и Пекин выступили, по сути, единым фронтом против Советского Союза, действия которого в тот период были ими расценены как общая угроза для американских и китайских интересов. США сыграли одну из главных ролей в быстром экономическом подъеме Китая, осуществив крупные инвестиции в эту страну. Можно даже говорить о своего рода

«экономическом сращивании» двух держав. В Китае действует около 50 тысяч предприятий с американским капиталом. Торговля двух стран составила в предкризисном 2008 г. 407,5 млрд долл. Объем приобретенных Китаем в США долгосрочных и краткосрочных ценных бумаг достиг на данный момент около 850 млрд долл. (в связи с кризисом Пекин начал было сокращать эти закупки, но в последнее время вновь увеличил их). В США обучается свыше 150 тыс. китайских студентов, поставлена задача довести до 100 тыс. число американских студентов в КНР. Китайские ученые работают в наиболее значимых научных лабораториях США, немало американских специалистов находится в Китае. Все это создает огромный резервуар американского влияния в КНР.

Неплохо складывались и политические отношения сторон, в том числе при администрации Дж. Буша-мл. Курс на тесное партнерство с Китаем был сразу же взят на вооружение администрацией Б. Обамы, к чему ее настойчиво подталкивало американское экспертное сообщество. В США были выдвинуты известные теории G-2, «кимерики», предполагавшие совместное с Китаем управление мировыми делами. В ходе визита в Китай американского президента Б. Обамы в ноябре 2009 г. стороны договорились об осуществлении далеко идущих совместных усилий по регулированию мировых проблем, подчеркнули, что они «разделяют широкие общие интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

В то же время продолжающийся уже три десятилетия стремительный рост экономической и совокупной мощи Китая, включая наращивание его военного потенциала, планы выхода китайских ВМС в мировой океан, вызывают все большую озабоченность в широких политических и военных кругах США, в американском Конгрессе, у союзников Америки, в первую очередь Японии, у стран АСЕАН, требующих принять действенные меры по сдерживанию Китая, и, во всяком случае, не способствовать дальнейшему росту его потенциала.

Особое беспокойство Вашингтона вызывает заметное усиление позиций Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии, где КНР существенно потеснила США как в экономическом, так и в политическом плане. Образовались группировки с сильным влиянием КНР и без участия США: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), АСЕАН+6, (Восточноазиатский саммит: Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), треугольник на высшем уровне в Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея). Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня. Дальнейшему упрочению позиций КНР в регионе будет способствовать вступление в силу с 1 января 2010 г. зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, совокупные параметры которой составят 1,9 млрд населения, 6 трлн долл. ВВП, 4,5 трлн долл. общего внешнеторгового оборота. При этом очередная попытка Вашингтона создать ЗСТ с Южной Кореей так и не увенчалась успехом.

Возникла опасная «дуга напряженности» в связи с территориальными спорами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, причем США достаточно ясно заняли сторону Японии в ее споре с Китаем из-за острова Дяюйдао (Сенкаку), жестко выступили за свободу судоходства в указанных морях.

Растущее недовольство Вашингтона вызывает то, что Пекин явно не намерен следовать в фарватере американского курса, поступаться в угоду Вашингтону своими политическими и экономическими позициями, подстраиваться под американские и западные воззрения в проведении своей внутренней политики. Резкую отповедь встречают в КНР американские попытки вмешиваться в дела Китая под флагом защиты прав человека (весьма болезненно, не иначе как провокация, было воспринято в Пекине присуждение Нобелевской премии мира осужденному и находящемуся в тюрьме китайскому диссиденту). Китайская сторона публикует в последние годы собственные документы, показывающие неблагоприятное положение с правами человека в США.

Особую остроту приобрели американо-китайские трения в торгово-экономической области, причиной чего является «недобросовестная», как утверждают американцы, практика Пекина (занижение цен на китайские товары и завышение на американские, сохранение низкого курса юаня, что привело к огромному и все возрастающему американскому дефициту в торговле с КНР — около 250 млрд долл. в 2009 г., по американским оценкам). Свои небезосновательные контраргументы выдвигает Китай. Многие американские и западные эксперты уже заговорили о возможной полномасштабной торговой войне между США и КНР, что могло бы крайне негативно отразиться на мировой экономической ситуации.

Все это побудило Вашингтон довольно круто поменять свою стратегию, взять курс на всемерное противодействие дальнейшему усилению КНР.

В выступлении 12 января 2010 г. в Гонолулу госсекретарь Х. Клинтон изложила новую тихоокеанскую стратегию США, главный смысл которой заключается в том, что Соединенные Штаты твердо намерены вернуть себе лидирующую роль в АТР, заметно пошатнувшуюся в период пребывания у власти администрации Дж. Буша. Было указано, что краеугольным камнем этой политики остается союз с Японией и другими традиционными друзьями и союзниками, опора на сильное американское военное присутствие в АТР в лице мощной группировки ВМС и ВВС, сил передового базирования. В дополнение к этому Соединенными Штатами создана в Восточной Азии разветвленная система ПРО ТВД. Подчеркнуто намерение США существенно активизировать роль Вашингтона в региональных организациях АТР, присоединиться к тем из них, где США до последнего времени не участвовали.

Серьезные опасения по поводу роста китайской «военной угрозы» и необходимости реагировать на это высказываются американскими военными (разработанный недавно Пентагоном новый «Четырехлетний военный обзор», последний (2010 г.) ежегодный доклад Пентагона Конгрессу относительно складывающейся в связи с КНР ситуации в военной сфере и в сфере безопасности). По последним данным, США намерены серьезно укрепить свою военную базу на о. Гуам, израсходовав на это около 8 млрд долл. при том, что и так располагают на Тихом океане наиболее мощной военной группировкой. Принято решение модернизировать и укрепить американские военные базы на территории Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии. Задачи подкрепления позиций США в ряде ключевых стран региона преследовал ноябрьский (2010 г.) визит президента Б. Обамы в Индию, Индонезию, Южную Корею и Японию. На протяжении года в АТР многократно побывали госсекретарь Х. Клинтон, другие американские высокие официальные лица.

На отношениях сторон негативно сказался и ряд практических шагов, предпринятых Вашингтоном буквально по следам успешного визита в ноябре 2009 г. президента Б. Обамы в Китай (объявление в январе 2010 г. о продаже Тайваню крупного пакета новейших американских вооружений на общую сумму 6,4 млрд долл., встреча Б. Обамы с далай-ламой, выдвижение в жесткой форме требований Китаю ревальвировать юань, реформировать в сторону либерализации и большей прозрачности китайскую банковскую сферу и др.).

Вместе с тем ясно, что ни США, ни КНР не намерены заходить слишком далеко в своих конфронтационных мерах, учитывая сложившуюся между ними в последние десятилетия сильную экономическую и политическую взаимозависимость. Обе стороны неоднократно подчеркивали значение партнерства и взаимодействия для обеспечения стабильности и безопасности в мире, указывали на общность их интересов в решении многих важных мировых проблем. По заявлению премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на пресс-конференции 14 марта 2010 г. по итогам 3-й сессии ВСНП 11-го созыва, «китайско-американские отношения, являющиеся самыми важными во внешней политике

страны, не только касаются коренных интересов двух стран и народов, но и в определенном смысле уже выходят за пределы двух государств».

После некоторой паузы стороны предприняли шаги по смягчению возникшей напряженности. Важное значение в этом плане имели встречи между Б. Обамой и Ху Цзиньтао в рамках состоявшихся в нынешнем году международных мероприятий высокого уровня. В конце мая в Пекине был проведен ранее отложенный второй раунд американо-китайского стратегического и экономического диалога. Дальнейших усилий сторон по расчистке накопившихся между ними негативных моментов следует, очевидно, ожидать в ходе намеченного на январь 2011 г. официального ответного визита Ху Цзиньтао в США.

Характерно, что оценивая глобальные параметры «китайского вызова» Соединенным Штатам, американские эксперты указывают на несопоставимость, по крайней мере на обозримый период, американских и китайских возможностей: КНР остается региональной военной державой, не имея пока способностей проецировать свою военную мощь далеко за пределы страны, в Китае сохраняются серьезные структурные экономические и социальные проблемы (по уровню ВВП на душу населения, например, КНР находится за пределами первой сотни стран), китайский экономический опыт применим лишь для весьма ограниченного круга развивающихся стран, сложная к восприятию китайская культура, как подчеркивается, не может составить серьезной конкуренции широко распространенной в мире американской модели и т.п.

С приходом к власти администрации Б. Обамы произошли существенные перемены в отношениях Соединенных Штатов с нашей страной, стороны поставили задачу «перезагрузки» отношений. Знаменательным событием стал ноябрьский (2010 г.) саммит Совета Россия — НАТО с участием Президента РФ Д.А. Медведева в Лиссабоне, принятые на нем решения. Обнадеживающие перспективы открываются в сфере экономического сотрудничества со странами Запада, причем Россия занимает здесь активную, наступательную позицию. Важные задачи по расширению такого сотрудничества с США и Европейским союзом поставлены в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 30 ноября 2010 г.

Несомненно, что в основе указанных процессов лежит ряд глубоких и серьезных факторов, осознание необходимости объединения усилий перед лицом нарастающих грозных вызовов человечеству.

Вместе с тем, ряд экспертов отмечает, что в числе причин подвижек США и Запада в отношении нашей страны может лежать расчет привлечь Россию к усилиям по сдерживанию Китая, «перетянуть» ее на свою сторону. Характерно, что с весны 2010 г. представители США, включая госсекретаря Х. Клинтон, стали делать весьма прозрачные намеки на то, что НАТО, дескать, не представляет какой-либо угрозы для нашей страны, тогда как России следует внимательнее отнестись к «реальным угрозам» ее безопасности. Во время поездки в Россию в начале февраля 2010 г. «группы мудрецов НАТО», участвовавших в разработке новой стратегической концепции альянса, визитеры проявили особый интерес к тому, как смотрит Россия на Китай и «китайский вызов», спрашивали, почему в новой российской военной доктрине отсутствует слово «Китай», а в качестве главной военной опасности для нашей страны указывается на действия НАТО.

У определенных китайских кругов вызывает заметную озабоченность развитие событий в плане возможного крена в российской политике в сторону евроатлантического направления и недооценки значения для России отношений с КНР, что находит отражение в отдельных публикациях в российских СМИ. В аналитическом обзоре агентства Синьхуа от 21 ноября 2010 г. по поводу заседания Совета Россия — НАТО отмечалось, что «если стороны не преодолеют существующие глубокие противоречия и не устроят подозрений относительно друг друга, то установление «настоящего стратегического партнерства» будет легким только на словах, а на деле — трудным». В целом подчеркивалось, что отношения сторон «будут оставаться очень хрупкими». Китайские

эксперты указывают и на то, что Запад уже не раз обманывал Россию. Прямо говорится, что «перезагрузка» российско-американских и российско-европейских отношений, возможно, приведет к тому, что Россия в очередной раз наступит на одни и те же грабли».

Отмеченные моменты требуют особой осмотрительности с нашей стороны. Налягивая и развивая связи с США и Западом по всем возможным направлениям, важно не дать втянуть себя в какие-либо действия, которые могли бы нанести ущерб отношениям России с Китаем, учитывая их особую значимость для нашей страны.

Сложившийся в последние годы характер российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих сторон, являясь для них надежным тылом в нынешней международной обстановке, важным фактором обеспечения национальной безопасности. Данный курс прочно закреплен в подписанных с Китаем документах, в Совместном (по итогам визита Д.А. Медведева в Китай) заявлении РФ и КНР от 27 сентября 2010 г. о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия, где говорится: «оказание взаимной поддержки в затрагивающих коренные интересы обоих государств вопросах государственного суверенитета, единства и территориальной целостности является важной составляющей российско-китайского стратегического взаимодействия». Подчеркнув в своем Послании Федеральному собранию от 30 ноября 2010 г., что расширение связей с государствами АТР приобретает для России стратегический характер, Президент РФ отметил, что «это хорошо видно на примере наших отношений с Китаем. Беспрецедентно высокий уровень двустороннего сотрудничества, сказал он, проецируется и на наше партнерство на международной арене и в свою очередь отражается на росте авторитета и влияния таких объединений, как БРИК и ШОС».

Обе стороны придерживаются совпадающих, либо близких позиций по наиболее важным международным проблемам, выступают за многополярность, построение справедливого, рационального и демократического международного политического и экономического порядка.

В свете поставленных руководством РФ задач по укреплению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе большое значение имеет принятое Россией и Китаем во время сентябрьского (2010 г.) визита в КНР Президента РФ решение совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР «в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и взаимодействия». Стороны, в частности, подчеркнули, что они выступают за создание в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех сторон.

В последние годы нашей страной взят курс на расширение экономического сотрудничества с Китаем, учитывая накопленный этой страной огромный опыт в экономическом строительстве, наличие у Китая огромных материальных ресурсов. Предприняты крупные шаги, направленные на реализацию достигнутых договоренностей. По темпам развития торговля двух стран существенно превысила уровень прошлого года и, как ожидается, ее объем составит в 2010 г. свыше 50 млрд долл. Особое значение имеет осуществление разработанной сторонами «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.», что может дать сильный импульс для подъема российских дальневосточных регионов (это, разумеется, никак не исключает широкого привлечения ресурсов других стран — Японии, Южной Кореи, США, стран АСЕАН, Индии — в процессе интеграции России в экономическое пространство АТР).

Новым крупным шагом вперед стала 15-я регулярная встреча глав правительств России и Китая (визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Россию 22–25 ноября 2010 г.). Сторонами подписано более 30 документов по сотрудничеству в торговой, экономической, энергетической, транспортной, финансовой и гуманитарной областях. Реализация достигнутых договоренностей становится важнейшей государственной зада-

чей. Нужно переломить инертность некоторых российских экономических структур в деятельности на китайском и азиатском направлениях.

Оценивая итоги визита, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи подчеркнул, что «данная поездка Вэнь Цзябао представляет собой дипломатическое мероприятие особой важности, состоявшееся на фоне сложных изменений в международной обстановке». «Прочные и жизнеспособные китайско-российские отношения, сказал он, являются важной гарантией сохранения международного стратегического баланса и содействуют миру и развитию на планете».

Особое значение приобретает проблема укрепления взаимопонимания, доверия к целям и действиям друг друга. Необходимо активизировать работу по укреплению в России привлекательного имиджа Китая, урегулировать вопросы, связанные с китайской (а теперь уже и российской) миграцией.

Налаживание доброжелательной атмосферы в отношениях сторон требует немалых информационно-пропагандистских усилий. Важно не допускать появления частую инспирированных извне материалов, сеющих недоброжелательность и враждебность в наших отношениях с КНР. Особое значение имеет сфера образования, развитие широких молодежных, туристических обменов, что закладывает прочную базу сотрудничества на будущее.

В целом нынешняя ситуация предоставляет нашей стране благоприятную возможность для укрепления роли России в качестве балансирующего и стабилизирующего фактора в международных отношениях, способствуя развитию позитивных процессов в мировых делах, налаживанию сотрудничества между всеми странами, созданию полицентричного, равноправного, подлинно демократичного миропорядка.

С.Г. Лузянин

Одна из проблем, с которой сталкивается КНР в международно-политической области — растущая хаотизация в международных отношениях, рост неуправляемости экономико-политическими процессами. Усиление напряженности в АТР, снижение влияния США и ЕС, формирование новых (посткризисных) экономических тенденций, связанных, в том числе, с противостоянием доллара и юаня, нарастанием и усложнением новых вызовов и угроз, заставляет Китай рассматривать возможность своего нового, более активного глобального позиционирования. Пекин в этой связи заявляет о своем праве на ответственность в ключевых сферах международного сотрудничества. Но это право трактуется китайскими экспертами не в рамках предложенной американцами формулы G-2 или иных западных проектах, а скорее в рамках собственного видения китайской модели гармоничного мира, ориентированной, прежде всего, на китайские интересы и потребности.

Китай не стремится к установлению регионального господства. Его цель — устойчивое развитие и создание «комфортного» в плане экономического сотрудничества и интеграции окружения из сопредельных КНР стран и регионов. Но при этом заметна тенденция роста определенного недоверия стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Азии в отношении «мирного возвышения» Китая. Подобная реакция сопредельных государств имеет разные причины: историю отношений с теми или иными соседями, различный уровень «скрытой напряженности» (например, китайско-индийские, китайско-южнокорейские, китайско-японские отношения, отношения КНР со странами АСЕАН, со странами Центральной Азии и др.). Каждый вариант специфичен. Хотя в целом нервная реакция отдельных соседей скорее всего обусловлена не тайными планами КНР по расширению региональной экспансии, а психологической реакцией правящих элит этих стран на быстрое экономическое развитие Китая, возрастание его политического влияния в мире.

В рамках дискуссии о приоритетных зонах ответственности Китая просматривается тезис о некотором сближении и — в отдельных случаях синтезе региональных и глобальных приоритетов КНР. Очевидно, что между китайским региональным и глобальным позиционированием имеется определенное противоречие, так же, как оно имеется и в разночтениях «статуса» Китая («развивающееся государство», «развитое государство»)». Однако можно предположить, что на этой противоречивой основе формируется новое качество китайской внешней политики, которое влияет как на региональные, так и на глобальные проекты КНР.

Анализируя это качество, следует отметить подвижность «границы» между глобальными и региональными интересами и постоянное расширение регионального пространства. Так, Китай вместе с Россией и Индией, продвигая проект РИК, который имеет евразийский (региональный) характер, перевели его в более широкий формат — БРИК, подключив к трехстороннему сотрудничеству четвертого игрока, Бразилию — ведущую страну Латинской Америки. Сохранив «старую» региональную повестку, Китай и другие страны сформировали в рамках БРИК новую повестку, которая содержит не только региональные, но и глобальные вопросы, такие как реформа мировой финансовой системы, совместная защита интересов развивающихся стран, обеспечение продовольственной, энергетической безопасности, совместное противостояние климатическим изменениям и др. Очевидно, что в этих вопросах просматривается, прежде всего, китайский глобальный интерес. Происходит расширение экономического и политического влияния Китая в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в регионах СНГ (Центральной Азии, Закавказье), Латинской Америке, Европе (ЕС). В этих условиях достаточно сложно определить «линию», которая отделяет региональные интересы КНР от глобальных.

В рамках выдвигаемой сегодня в КНР концепции создания «гармоничного мира» Пекину будет выгодно выстраивать варианты ненасильственного подъема нации при сохранении стабильности, прежде всего, в сопредельных регионах. Специфика китайской внешней политики, как известно, в неразрывности ее с внутренней, в подчиненности внешнеполитической деятельности целям национального развития. В этом смысле «конфликтная стратегия» может поставить под угрозу внутренние успехи Китая, поэтому у нее мало шансов для принятия в том или ином виде высшим руководством КНР. Китайские ученые и политики делают акцент на задачах и приоритетах исключительно экономического строительства, на соподчиненности внешней политики стратегии реализации реформ²⁸.

Растущим региональным вызовом для Китая (как и для России) становится усиление нестабильности в регионе Центральной Азии и сопредельных Афганистане и Пакистане (АфПак). Учитывая перспективу ухода западной коалиции из Афганистана, данная тенденция для Китая становится долговременной.

Относительно ШОС Китаю важно следующее.

Не допускать окончательной формализации ШОС и ее консервации. Попытка Китая усилить в ШОС восточно-азиатский вектор, позиционируя ее не только как центральноазиатскую (региональную), но и как АТР-овскую структуру с некими геополитическими задачами и целями, связана с желанием расширить контакты ШОС и АСЕАН, ШОС и АТЭС и пр.

С другой стороны, позиция КНР на расширение организации достаточно консервативна. Пекин — против включения новых членов из числа наблюдателей, за исключением Монголии. Попытки российских экспертов в рамках «второй дорожки» или иных форматов поставить хотя бы на обсуждение возможность интеграции Индии в ШОС (в качестве постоянного члена) не встречают никакой поддержки, даже в плоскости обсуждения данной проблемы.

В рамках ШОС Китай продолжает говорить о неформальном признании Центральной Азии зоной российских интересов, но экономически он гораздо активнее, чем

Россия, осваивает этот регион, наращивая здесь свое влияние. По сути, пока между Россией и Китаем по данному региону сохраняется некий консенсус интересов. Нет серьезных системных противоречий по экономике, политике и безопасности. Тем более, что ШОС является дополнительным механизмом согласования интересов. Можно предположить, что если Россия резко активизируется в данном регионе экономически, эти противоречия появятся.

Китай отчасти смирился с отсутствием в ШОС реальных многосторонних экономических просектов, сводя их к двусторонним либо трехсторонним форматам. Вместе с тем, китайские эксперты и политики ревностно относятся к развитию трехстороннего Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, развитию ЕвразЭс. Предлагаются новые версии ЗСТ ШОС, отвергнутой в 2006 г.

В сфере центральноазиатской безопасности вне ШОС Китай активно взаимодействует с Афганистаном, особенно на экономическом направлении. Он получил возможность инвестировать 3,5 млрд долл. США в крупнейшее медное месторождение Афганистана Айнак (провинция Логар). Согласно другому соглашению, Китай будет строить в Афганистане 400-мегаваттную ТЭЦ, железнодорожную ветку, которая соединит СУАР, Таджикистан и Афганистан. Китайские коммуникационные компании ZTE и «Хуавэй» в партнерстве с министерством коммуникаций Афганистана будут заниматься созданием цифровой телефонной сети на 200 тыс. абонентов. Китай также принял участие в ирригационном проекте в Парване, занимается реконструкцией больниц в Кабуле и Кандагаре и даже строит мечеть. Китайские компании также выступают подрядчиками ЕС в различных строительных проектах на территории Афганистана. Помимо всего прочего, разоренный войной Афганистан является идеальным рынком сбыта китайских товаров широкого потребления, которые в условиях пониженной покупательной способности населения едва ли могут встретить значимую конкуренцию. Таким образом, в обмен на инвестиции в инфраструктурные проекты Китай получает от Афганистана доступ к природным ресурсам и потребительским рынкам, постепенно вытесняя с них местных производителей²⁹. Понятно, что из этого вытекает необходимость обновления афганской стратегии Китая как на двустороннем уровне, так и на уровне ШОС с учетом предстоящих там изменений и дозированное вовлечение России в «мирное окружение» Афганистана через экономические проекты.

С.В. Уянаев

Повышенное внимание широкого политологического сообщества неизменно привлекают отношения между двумя азиатскими гигантами КНР и Индией — мировыми лидерами по численности населения, занимающими вторую и пятую строки в мировом рейтинге по объему ВВП, исчисленному по паритету покупательной способности национальных валют³⁰. Вес и влияние Китая и Индии — участников крупных международных структур и объединений — заметно растут, отражая, прежде всего, опережающую динамику их экономического роста. По данным МВФ, за первую декаду нынешнего столетия среднегодовые темпы роста ВВП Китая и Индии составляют свыше 9 и 7% соответственно.³¹ Сегодня можно сказать, что обе страны успешно прошли испытание глобальным кризисом. Как свидетельствуют расчеты экспертов, сохранение подобного алгоритма развития позволит Китаю уже к концу 2020-х гг. стать первой экономикой мира, а Индии выдвинуться на третье место³². Вот почему вопрос о нынешнем состоянии и перспективах отношений между Пекином и Дели заметно выходит за пределы их двусторонних связей. В частности, он важен в контексте будущих многосторонних форматов с участием обеих стран, прежде всего РИК и БРИК.

Сегодняшние отношения Пекина и Дели часто называют «качелями», имея в виду сочетание в них сотрудничества с одной стороны, соперничества и трений — с дру-

гой. Отчасти это действительно так. Но реальное содержание их связей вовсе не укладывается в некую упрощенную формулу «подъемов—спадов».

Говоря о позитивных моментах, следует отметить, что после формальной нормализации отношений в 1988 г. в результате первой за предыдущие 34 года китайско-индийской встречи на высшем уровне стороны шаг за шагом продвигались по пути развития отношений вширь и вглубь. Знаковыми стали двусторонние саммиты в 1993 и 1996 гг., когда были подписаны важные соглашения о поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля и о мерах доверия в военной области в районе границ. С наступлением нового столетия отношения получили заметное ускорение. В 2003 г. в ходе визита в Пекин премьер министра Индии А.Б. Ваджапай была принята фундаментальная Декларация о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве. Главным результатом апрельского (2005 г.) визита в Индию Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао явилось установление между двумя странами отношений стратегического партнерства. Крупные и важные документы, определяющие принципы и самые широкие сферы взаимодействия, в том числе Совместный обзор КНР и Индией перспектив в XXI веке³³, были приняты в ходе обмена визитами на высшем уровне в ноябре 2006 г. и январе 2008 г.

Важным итогом двустороннего диалога этих лет стало значительное продвижение по пути создания системного и многопрофильного механизма межгосударственного общения. Речь, прежде всего, идет о встречах на высшем уровне, которые приобрели достаточно устойчивый и регулярный характер. И хотя официальные китайско-индийские саммиты не проводятся ежегодно, диалог лидеров двух стран (с учетом встреч на различных форумах) выглядит весьма насыщенным.

Достаточно интенсивный обмен мнениями идет по линии МИД двух стран. С 2005 г. действует механизм стратегического диалога — институт специальных правительственных представителей, созданный для углубленных консультаций (в том числе оперативного характера) по важным двусторонним и международным проблемам. В середине ноября 2010 г. в рамках 4-го раунда такого диалога стороны, возглавляемые госсекретарем МИД Индии Н. Рао и заместителем министра иностранных дел КНР Чжан Чжицзюнем, обсудили возникшие актуальные вопросы визового режима, а также роли Индии в ООН³⁴. Уместно подчеркнуть, что Китай и Индия декларируют сходные подходы к ряду важных глобальных и региональных проблем, включая построение более справедливого международного политического и экономического порядка, полицентричное мироустройство, усиление роли развивающихся стран, проблемы терроризма, климата, экологии, безопасности и т.д.

В спектр двусторонних связей регулярно входят встречи парламентариев, межпартийные контакты. Действует площадка диалога оборонных ведомств, включая проведение совместных сухопутных и военно-морских учений, встречи пограничников двух стран. Совместные рабочие группы созданы по линии спецслужб, отвечающих за противодействие терроризму, наркотрафику и международной преступности. Регулярная и непростая работа ведется в рамках переговорного механизма по пограничной проблеме. С 2003 г. он действует на уровне специальных правительственных представителей. В ноябре 2010 г. в таком формате прошел уже 14-й раунд переговоров.

Весьма насыщена повестка дня торгово-экономического сотрудничества, где также действуют структурированные механизмы и рабочие группы. С 1995 по 2008 гг. товарооборот между двумя странами вырос почти в 45 раз — с 1,16 до без малого 52 млрд долл.³⁵ КНР вышла на первое место в списке торговых партнеров Индии, которая, в свою очередь, стала десятой в аналогичном перечне партнеров Китая. Заметно скромнее темпы и объемы инвестиционного взаимодействия, где превалируют индийские инвестиции в КНР (порядка 930 млн долл. против 120 млн долл. китайских инвестиций в Индии)³⁶. Но и в этой сфере предпринимаются шаги по активизации сотрудничества, в том числе в рамках финансового диалога, других переговорных механизмов.

Декларируемое сторонами намерение всячески содействовать двустороннему экономическому сотрудничеству позволяет прогнозировать, что намеченный на 2010 г. объем китайско-индийской торговли в 60 млрд долл. будет, несмотря на спад 2009 г., достигнут.

В числе других областей, где заметны результаты активного развития связей, можно отметить транспорт, включая гражданскую авиацию, культурно-гуманитарную, туристическую, академическую и целый ряд других сфер.

Таков лишь беглый обзор т.н. «позитивного багажа» китайско-индийских связей последних лет. Однако одновременно в них присутствует немало нерешенных проблем, и главная среди них — погранично-территориальная. Ее особенность в том, что предметом разногласий служит практически вся линия этой межгосударственной границы, одной из наиболее протяженной в мире: оспариваемая территория равна суммарно трем Швейцариям (свыше 130 тыс. кв.км.). В 2006–2007 гг., судя по информации СМИ, участники пограничных переговоров высказывали определенный оптимизм. Однако затем дело, похоже, серьезно застопорилось. Во взаимных заявлениях стала звучать весьма жесткая риторика по принципу «ни пяди земли»³⁷. На страницах центральных газет обеих стран с известной регулярностью появляются материалы о приграничной военной активности другой стороны, о нарушениях границы. Непосредственно с территориальным спором связаны неоднократные демарши Пекина по поводу поездок индийских руководителей, включая премьер-министра, в штат Аруначал-Прадеш (эту территорию в Китае часто называют Южным Тибетом)³⁸. Новым камнем преткновения стал в последнее время отказ китайских властей выдавать полноценные въездные визы представителям индийского штата Джамму и Кашмир³⁹, а также появившаяся информация о размещении в занимаемой Пакистаном части Кашмира 11-тысячного китайского воинского контингента⁴⁰. Представляется, что пограничная проблема не имеет иного решения, кроме как юридическое признание статус-кво в части нынешнего прохождения линии фактического контроля с незначительными взаимными уступками, что, помимо прочего, помогло бы сторонам «сохранить лицо». Главное для этого — политическая воля, подкрепленная соответствующим внутренним консенсусом в обеих странах. Похоже, что как раз с этим в обеих столицах есть сегодня по разным причинам определенные сложности.

Наконец, существует так называемая тибетская проблема — пребывание на индийской территории далай-ламы, которого Пекин обвиняет в сепаратистской деятельности. Действующий в Индии запрет на политическую деятельность тибетских беженцев помогает сглаживать противоречия, однако порой они дают знать о себе достаточно остро.

В аналогичном «тлеющем» состоянии находятся трения и проблемы, связанные с фактором Пакистана. Хотя на рубеже столетий Пекин декларировал курс на устранение одностороннего крена своей южно-азиатской политики в его сторону, разбалансированность в треугольнике Пекин — Дели — Исламабад остается весьма заметной. В развитии китайско-пакистанской «дружбы на все времена» Индия продолжает усматривать угрозу своим национальным интересам. В Дели говорят об угрозах, связанных с сотрудничеством Пекина с Исламабадом в военной области, упрекают Китай в отказе признавать ответственность пакистанского руководства за акты трансграничного терроризма типа известной атаки на Мумбаи⁴¹. По данной проблеме также вряд ли возможно быстрое решение. В любом случае, ключом по-прежнему служит улучшение индийско-пакистанских отношений, что ныне еще более сложно ввиду фактора войны в Афганистане.

В этом ряду проблем находится и американский фактор, а именно подозрения Пекина по поводу антикитайских, по его мнению, мотивов происходящего в последнее время сближения Индии с США⁴². Свою роль здесь играют как возникшая в свое время в США концепция «стратегического окружения Китая» с участием Индии, так и взгляды определенной части индийских политических кругов, усматривающих в укреплении связей с Вашингтоном реальный инструмент упрочения глобальных и региональных позиций Ин-

дни, в том числе в контексте соперничества с Китаем. Тем не менее, лейтмотивом политики Дели все же является, судя по всему, задача «не перейти грань» в таком «треугольнике».

К спектру политических разногласий можно отнести также обеспокоенность Дели в связи с возросшей активностью китайских ВМС в Индийском океане, активизацией Китая в Мьянме, Непале, Шри-Ланке. Пекин, в свою очередь, упрекает Дели в претензиях на региональную гегемонию.

Ряд проблем присутствует в политико-экономической сфере. Очевиден, например, факт соперничества двух держав в сфере импорта энергоресурсов. Обнадеживает то, что сторонами подписаны документы о сотрудничестве, смысл которых — не допустить контрпродуктивного для обеих сторон соперничества и по возможности координировать действия.

В сфере собственно экономических отношений присутствует недовольство Китая отказом Индии признать партнера страной с рыночной экономикой, частыми антидемпинговыми расследованиями в отношении китайских товаров, нежеланием Дели допускать компании КНР в ряд инфраструктурных и других отраслей своей экономики. Дели, в свою очередь, указывает на отрицательное сальдо своей торговли с Китаем, другие случаи ущемления индийских интересов. Есть и другие, сравнительно новые проблемы хозяйственного свойства, например, вопрос о водопользовании в бассейне реки Брахмапутра (Цзянпо).

Особняком от перечисленных проблем и сложностей возвышается проблема, признаваемая экспертами обеих стран — дефицит стратегического доверия. Она восходит к вооруженному противостоянию конца 1950-х—начала 1960-х гг. и, с одной стороны, служит основой многих противоречий, с другой — сама подпитывается новыми вызовами и разногласиями.

Таковы «две чаши весов». Что можно выделить в качестве «сухого остатка»? Как представляется, он заключается в том алгоритме развития современных китайско-индийских отношений, что де-факто сложился за последние годы: несмотря на разногласия, они в целом выдерживаются в поступательном духе. В этом смысле слово «качели» не до конца отражает сложную динамику двусторонних связей. Другими словами, в случае событий, которые можно было бы трактовать как некий «спад», работают амортизаторы из «позитивного багажа», в дело могут вступить многочисленные заново созданные механизмы диалога и консультаций. Стороны не опускаются, таким образом, ниже определенной черты.

Такой алгоритм можно объяснить схожестью либо совпадением взглядов на проблемы глобального развития, обоюдным прагматичным стремлением обеспечить мирную обстановку в своем приграничье и на его периферии, взаимным желанием использовать фактор взаимодополняемости и сотрудничества. При этом с обеих сторон просматривается понимание, что излишняя конкуренция, неизбежная в процессе параллельного подъема, могла бы в итоге обрести контрпродуктивный характер и для Китая, и для Индии. Это стимулирует поиск компромиссов, а заодно свидетельствует о проявлении обеими странами здорового и позитивного прагматизма. Существенно важно, как особо подчеркивалось в Совместном документе от 14 января 2008 г., что в случаях разногласий стороны по-прежнему твердо привержены курсу на их разрешение путем мирных переговоров и «одновременно считают недопустимым, чтобы такие расхождения оказывали влияние на позитивное развитие двусторонних отношений»⁴³.

Не случайно, на фоне внешнего обострения ряда проблем, ужесточения риторики в СМИ официальные Пекин и Дели сегодня вновь, как не раз бывало в предыдущие годы, демонстрируют приверженность именно такой линии. Сохранение прагматичных подходов, обеспечивающих постепенное продвижение отношений — при лимитированной амплитуде напряженности по имеющимся проблемам — представляется наиболее вероятным сценарием в обозримом будущем. Оптимистичный (быстрое решение всех

проблем) и конфликтный (их критическое обострение) сценарии менее вероятны. Все это создаст нормальные условия для взаимодействия в международных форматах. Речь идет, в частности о форматах РИК и БРИК, где нормальные двусторонние отношения являются одной из важных предпосылок их успешного функционирования. Конечно, особенности и расхождения позиций сторон на внешней арене порою сказываются. Вне форматов БРИК и РИК это, к примеру, имело место, когда МИД Индии в апреле 2009 г. «решительно отверг» запрос Пекина на участие в форуме «Симпозиум ВМС Индийского океана», усмотрев в этом «ущемление интересов Индии в зоне ее непосредственных стратегических интересов». А Пекин тогда же заблокировал предоставление Индии кредита Азиатского банка развития на том основании, что деньги предназначались для реализации проекта в штате Аруначал-Прадеш.⁴⁴

Однако, возвращаясь к РИК и БРИК, заметим, что повестка дня этих форматов (внешнеполитическое сотрудничество, площадки секторальных диалогов) дает достаточное пространство для того, чтобы даже при имеющихся китайско-индийских расхождениях находились реальные взаимовыгодные точки соприкосновения. Среди прочего — возможности укрепления международных позиций каждой из стран, в частности, в диалоге с Западом. К слову, эти плюсы, похоже, хорошо осознаются и в Пекине, и в Дели, что, в свою очередь, свидетельствует о жизнеспособности данных форматов. Более того, форматы РИК и БРИК оказывают обратное позитивное воздействие на двусторонние отношения участников: как минимум появляется дополнительная возможность для диалога по имеющимся проблемам, да еще при благожелательной посреднической роли других участников. Позитивная роль РИК в деле продвижения отношений Пекина и Дели неоднократно отмечалась в обеих столицах на официальном и экспертном уровнях.

Е.И. Сафронова

Отношения Китая и развивающихся стран представляют собой сложносоставной комплекс связей, контактов, зависимостей, и их новизна может проявляться в самых разных аспектах. В идеологической сфере относительно новым обстоятельством стало обретение развивающимися странами собственной «ниши» в «концепции гармоничного мира», зафиксированной в официальных партийных и государственных документах КНР. По мнению Китая, без оздоровления отношений развитых и развивающихся государств гармонизация мировой жизни — крайне проблематична. Поэтому «третий мир» обретает особое значение в продвижении этой новой китайской теоретической установки⁴⁵. Получение развивающимися странами особой роли в пестуемой Пекином внешнеполитической доктрине само по себе важно для их дальнейшей судьбы как партнеров КНР в силу традиций китайского дипломатического этикета и менталитета.

В Китае все более отдают себе отчет в том, что «третий мир» как единое сообщество, спаянное одной целью и общим прошлым, существовал только в идеологических установках прошлого века, и сейчас, тем более, не является однородным массивом похожих стран, по воле истории застрявших на подступах к инновационному пути развития. Минувли времена расцвета Движения неприсоединения, а схожесть исторических судеб и текущих экономических задач уже не являются достаточным основанием для отношений долгосрочного стратегического партнерства. С учетом этого Китай проявляет дифференцированный подход к развивающимся странам не только на региональном или континентальном, но и на уровне отдельных стран. Думается, КНР учитывает, что разнородность «третьего мира» не только является залогом его диалектического развития в борьбе и единстве прогнвоположностей, но и несет в себе немалый конфликтный потенциал, связанный с высокими рисками соперничества развивающихся государств, прежде всего, в экономической сфере: на финансово-инвестиционных, технологических, промышленных площадках и рынках рабочей силы. Сам Китай уже испытал на себе это со-

перничество. Так, ЮАР, Мексика, Аргентина, ряд стран Центральной Америки были вынуждены принять ряд мер по регулированию импорта из КНР, защищающих местных производителей текстиля и товаров народного потребления. Активные китайские конкуренты сумели потеснить аргентинцев даже на соседнем бразильском рынке⁴⁶.

Судя по всему, КНР видит в «третьем мире» большую политическую ценность только тогда, когда он способен выступить единым фронтом в рамках какой-либо международной организации или интернациональной группы, объединенной общим интересом. Поэтому последнее десятилетие так явственно прослеживается интерес Китая к возрождению, при инициативе с его стороны, практики создания в «третьем мире» международных структур (форумы «Китай—Африка», «Китай—Латинская Америка», БРИК, ШОС и др.). В случае придания «третьему миру» организационных начал его конфликтный потенциал легче поддается отслеживанию, и сама развивающаяся зона становится более податливой для продвижения согласованных идей — если не на глобальном, то на региональном уровне. Структурное упорядочение и реорганизация «третьего мира», соинициатором которых явился Китай — новый момент и свидетельство того, что КНР стала в нем реальным лидером, как бы она этого ни отрицала. Китай продолжает позиционировать себя в качестве рядового члена развивающегося мира, аргументируя это и объективными социально-экономическими обстоятельствами, и соображениями, озвученными еще Дэн Сяопином: «Станешь лидером — испортишь дело, — говорил он. — У гегемонистов весьма скверная репутация, и у лидера третьего мира она тоже будет не лучше. Это не любезная отговорка, а подлинно политический расчет»⁴⁷.

Обжегшись в свое время на неудачных альянсах с Москвой и позже с Вашингтоном, Пекин решил отказаться от близких союзов с «сильными мира сего», понимая, что самостоятельность и независимость его внешней политики позитивно скажется на его имидже в «третьем мире»⁴⁸. Попытки причислить КНР к развитым государствам ныне воспринимаются Пекином как стремление посорить и разлучить Китай с его союзниками по «третьему миру».

Активное неприятие статуса лидера (во всяком случае, на уровне деклараций) свидетельствует, что Пекин, встраиваясь в процессы глобализации, отходит от принципов, заложенных в понятии «третьего мира» в угоду текущим процессам глобальной политико-экономической эволюции. Другими словами, во внешней политике Китая учет глобализационных тенденций явно перевешивает соображения стратегического партнерства с «третьим миром». И это тоже новый момент. Вольно или не вольно Китай разбивает «третий мир» на группы по интересам, что соответствует явлениям регионализации как составной части глобализационных процессов. Но это пока — только новая тенденция, требующая дальнейшего отслеживания. «Третий мир» при всей его разнородности продолжает оставаться для КНР удобным партнером, с которым ее связывает комплекс интересов. По признанию африканских экспертов, Китай — не просто экономический контрагент, но и продавец социально-политической модели развития. Пока Запад упирает на необходимость политических свобод и защиты универсальных прав, Пекин делает приоритетом рост уровня жизни и укрепление национального суверенитета⁴⁹.

Еще одна новая черта в политике Пекина — повышение приспособляемости к изменениям обстановки в «третьем мире». Этим объясняется не только разработанность идеологического обоснования сотрудничества с ним, но и растущая гибкость поведения китайских политико-экономических акторов в развивающихся странах.

Новым политическим моментом представляется большая готовность Пекина использовать свое право вето в Совете Безопасности ООН в качестве аргумента и стимула в диалоге с развивающимися государствами. Так, ветирование решений по аресту президента Судана О. аль-Башира, а ранее — по санкциям против режима Мугабе в Зимбабве сделало КНР без дополнительных финансовых или иных затрат предпочтительным партнером для этих двух ресурсоносных африканских стран. Пекин довольно часто вы-

сказывается за реформирование СБ ООН, в частности, путем предоставления в нем постоянного членства развивающимся странам. В разное время китайскими представителями назывались кандидатуры Бразилии, ЮАР, Египта. И каждая из заинтересованных стран, вдохновленная надеждой получить это членство, так или иначе идет на более тесное внешнеполитическое сотрудничество с Китаем. И пока такая «приманка» срабатывает, ожидание реального реформирования ООН может затянуться надолго.

Обретение Китаем навыков по «подгонке» конфликтного потенциала Африки к интересам взаимных экономических связей также представляется новым явлением. Высокие риски оправдываются высоким прибылями. К тому же, ввиду многочисленности воюющих конфликтующих сторон (в Африке, например) у Китая появляется большой выбор вероятных партнеров в лице той или иной группировки. Если режим предоставляет доступ к нужным ресурсам на подходящих условиях, его политическое кредо уже не столь важно. Этим Китай не просто укрепляет позиции целого ряда дружественных авторитарных лидеров, но и лишает западных конкурентов—поборников демократического пути развития свободы маневра в этом секторе «третьего мира»⁵⁰.

Что касается торгово-экономических отношений Китая с развивающимися странами, то ныне они вступают, судя по всему, в новый цикл. Если ранее основу китайского экспорта составляли недорогие товары массового спроса, то сейчас в нем быстро растет доля промышленного оборудования, сложной бытовой техники и транспортных средств с высокой добавленной стоимостью и степенью обработки. Особенно ярко эта тенденция проявляется на более искушенном латиноамериканском рынке⁵¹. Китай может уже не только предложить развивающимся странам машины и оборудование кондиционного качества (причем по ценам ниже, чем у конкурентов), но и обеспечить адекватное банковское сопровождение соответствующих бизнес-сегментов⁵².

В начале реформ и курса КНР на открытость развивающиеся страны выполняли для Китая роль простых поставщиков сырья. Ныне «третий мир» стал основным «полигоном» апробирования его курса на создание ресурсной базы за рубежом, в частности, за счет приобретения там добывающих и перерабатывающих мощностей. Цель этого — сократить немалые производственные затраты страны в сфере энергообеспечения и предотвратить угрозу «сырьевого голода». Итоги 2009 г. показали, что кризис благоприятствовал реализации китайской стратегии «выхода за рубеж»: пострадавшие от глобального спада акционеры охотно продавали китайцам свои доли в добывающих компаниях «третьего мира». Заключив в 2009 г. несколько крупных сделок (только в нефтяной отрасли в зарубежные активы было вложено не менее 13 млрд долл.)⁵³, КНР создала предпосылки для работы своих предприятий на собственном, но добываемом за рубежом сырье, тем самым облегчив нагрузку на отечественные недра и ресурсы.

Растет число китайских экономических акторов, находящихся в «третьем мире» сферы приложения финансово-инвестиционного, а главное — производственного капитала. И это еще одна новая линия поведения Пекина в отношении развивающихся стран. Новый цикл экономического сотрудничества КНР с «третьим миром» выражается и в расширении китайского инвестирования в инфраструктуру и промышленность развивающихся стран, что стало возможным благодаря быстрому росту страны и появлению у нее как избыточного капитала, так и компаний-производителей, способных «выйти за рубеж». «Обкатку» такой модели внешнеэкономического поведения Пекин начал в Африке, сейчас подобная тактика применяется по всему «третьему миру»⁵⁴.

В инвестиционном плане Пекин широко практикует кредитование по низким процентным ставкам, не ставя стране-реципиенту никаких политических условий. Инвестиции поступают центральному правительству, с которым заключается соответствующее соглашение. Большая часть идет на оплату услуг китайских же компаний, реализующих инвестиционные программы по инфраструктуре, строительству и т.п., и на закупку китайских товаров. Страны-партнеры получают практически бесплатную инфра-

структуру и доступ к высоким технологиям, однако лишаются значительной части прибыли и рабочих мест, ибо заказы поступают китайским фирмам, широко практикующим ввоз собственной рабочей силы⁵⁵. Такое положение вызывает недовольство принимающих стран, и Китай сейчас изыскивает пути для обеспечения параллельной занятости и местного населения.

К концу 2009 г. ввиду нестабильности доллара инвестиции в экономику развивающихся стран стали для КНР, держащей значительную часть своих финансовых резервов в американских ценных бумагах, разумным антикризисным решением⁵⁶. Только в Латинской Америке китайские инвестиции составили к 2009 г. 27 млрд долл.⁵⁷.

Поскольку «третий мир» пережил мировой экономический кризис легче, чем Запад, то, по мнению многих экспертов, это может повлечь трансформацию модели мировой экономики: рост развивающихся стран будет обеспечиваться увеличением внутреннего потребления, а не доходами от испытывавшей спад внешней торговли⁵⁸. Именно это мы уже сегодня наблюдаем на примере КНР. Во время кризиса и на внутреннем, и на внешнем экономическом поле Китай стремился не столько получить «красную цену» за свою продукцию, сколько не растерять рынки и сохранить сбыт. Дабы закрепиться на новой торговой площадке, китайские корпорации шли даже на определенные убытки, т.е. кризис тоже внес несомненную новизну в отношения КНР с мировым «Югом».

В кризисные 2008–2009 гг. наблюдалось заметное падение объема торговли: с почти 107 млрд до 90 млрд долл. для Африки и со 140 млрд до 123 млрд долл. для Латинской Америки⁵⁹. Впрочем, по мнению авторитетных аналитиков, это не изменило поступательную в целом тенденцию развития экономических связей с этими континентами. Ожидается, что в 2010 г. товарооборот КНР с Африкой достигнет рекордных 110 млрд долл., а с Латинской Америкой — 150 млрд долл.⁶⁰

Еще один новый момент: развивающийся мир в определенной мере становится территорией «обкатки» юаня как потенциальной мировой расчетной единицы. Например, сложившийся финансовый климат китайско-аргентинских экономических связей позволяет тамошнему производителю продавать Китаю зерно за юани, а затем на них же покупать сельскохозяйственное оборудование в КНР. Летом 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок облигаций для иностранных центральных и коммерческих банков, имеющих накопления в юанях за счет международных торговых сделок. По мере расширения торговли с развивающимися странами эти накопления смогут инвестироваться в облигации КНР⁶¹.

И, наконец, стремление других развивающихся гигантов — Индии и Бразилии — выстроить с остальным «третьим миром» отношения приоритетного партнерства также вносит специфику в связи между Китаем и мировым «Югом». Создание БРИК — одно из свидетельств усиливающейся конкуренции крупных, переживающих бурный рост стран за лидерство в развивающемся мире.

А.И. Семин

В начале нынешнего десятилетия отношения между Китаем и Японией не отличались стабильностью и сбалансированностью, развиваясь по сценарию: «в экономике — горячо, в политике — холодно». Более того, в 2001 г. прервался политический диалог Токио — Пекин, который в 1990-е гг. носил регулярный характер. Разногласия вокруг ряда политических проблем обострились до такой степени, что стали угрожать развитию торгово-экономических и других связей. Возвращение отношений в нормальное русло произошло только после смены японского руководства, когда в 2006 г. в отставку ушел кабинет министров во главе с Дз. Коидзуми.

Начало «оттепели» в двусторонних отношениях положил официальный визит в Пекин в октябре 2006 г. нового премьер-министра С. Абэ. В совместном китайско-японском заявлении было подчеркнуто стремление сторон вернуться к диалогу без пред-

варительных условий и развивать всестороннее сотрудничество. На самом деле произошло нечто большее, чем возвращение к диалогу. Впервые была достигнута договоренность о выстраивании «стратегических взаимовыгодных отношений».

В апреле 2007 г. Токио с официальным визитом посетил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Он провел переговоры с премьер-министром С. Абэ, был принят императором Акихито, выступил перед депутатами японского парламента. В местной прессе визит был оценен как «растопивший лед» в двусторонних отношениях. В совместном японо-китайском заявлении были уточнены положения, которые содержались в заявлении 2006 г., раскрывалось содержание нового важного понятия «стратегические взаимовыгодные отношения». Они предусматривают:

- 1) взаимную поддержку мирного развития и укрепление политического взаимодействия;
- 2) углубление взаимовыгодного сотрудничества и осуществление совместного развития;
- 3) активизацию диалога и обменов в сфере обороны, направление совместных усилий на обеспечение стабильности в регионе;
- 4) расширение обменов в гуманитарной области, углубление взаимопонимания и дружбы между двумя народами;
- 5) усиление координации и взаимодействия, совместный ответ на региональные и глобальные вызовы.⁶²

Я. Фукуда, сменивший через год С. Абэ на посту премьер-министра, сохранил курс на улучшение отношений с Пекином. В ходе его официального визита в КНР в декабре 2007 г. стороны подтвердили стремление следовать договоренностям, достигнутым на саммитах 2006 и 2007 гг.

В мае 2008 г. в ходе официального визита председателя КНР Ху Цзинтао в Японию было подписано японо-китайское «Совместное заявление о всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах». Обе стороны отнесли его по значимости к категории важнейших дипломатических документов, таких, например, как Совместное заявление правительств Японии и КНР о нормализации двусторонних отношений 1972 г., Договор о мире и дружбе 1978 г., Совместная декларация о построении партнерских отношений 1998 г. Вместе с новым Совместным заявлением 2008 г. эти договоренности квалифицируются как «политический фундамент» развития отношений Японии и Китая. Пекин подчеркивает, что «всеобъемлющая стратегия стимулирования взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах», должна стать приоритетной целью политики двух стран в отношении друг друга.⁶³

Появлению новой тенденции в отношениях Пекина и Токио, получившей развитие в период 2006–2009 гг., очевидно способствовали перемены глобального масштаба. Заколебались устои однополярного миропорядка как результат относительного ослабления позиций единственной сверхдержавы — США. Вызревают предпосылки для перестройки системы международных отношений при активном участии Китая, для изменения отношений в геополитическом треугольнике Япония—КНР—США.

В этих условиях подход Японии к Китаю претерпевает изменения. По-прежнему разделяя в целом восприятие американской стороной усиления Китая как потенциальной угрозы своим национальным интересам, Токио склонен избегать конфликта с усиливающимся соседом. Наметившаяся тенденция постепенного изменения соотношения сил между США и Китаем в пользу последнего ставит перед Японией задачу просчитывать на перспективу, как в дальнейшем строить свои отношения с каждой из двух стран. В недалеком будущем Япония может, по-видимому, решиться на отход от солидарной с США позиции в отношении КНР.

С недавних пор такая перспектива становится в Японии темой наиболее смелых исследований. Пример: вышедшая в Японии в 2007 г. книга известного эксперта Харуки Носиды «Америка или Китай?». Х. Носида считает, что для Японии предпочтительнее иметь сильного союзника. Сегодня сильной, очевидно, является Америка, в ближайшей перспективе она станет в союзе с Японией еще сильнее. Однако в дальнейшем более сильным будет Китай. Существует мнение, что в перспективе США постепенно уйдут из Азии. В таком случае Япония без колебаний свяжет себя с Китаем. В будущем мощь США относительно уменьшится, а КНР — возрастет.⁶⁴ Сегодня эти взгляды разделяют-ся представителями японской политической элиты.

Они нашли, например, отражение в работе Юкио Хатоямы «Моя политическая философия», опубликованной накануне его избрания на пост премьер-министра. В ней центральное место занял прогноз развития международной обстановки, отношений Японии с США и Китаем. Ю. Хатояма указал на глобальную тенденцию: «как результат провала войны в Ираке и финансового кризиса, эра глобализма, направляемого Соединенными Штатами, приближается к своему концу». Он имел смелость констатировать: «Мы движемся от однополярного мира под эгидой США к многополярности». По убеждению Хатоямы, важнейшей тенденцией современного миропорядка стало превращение Китая «в одну из ведущих экономических держав, продолжающих наращивать свою военную мощь». Хатояма выразил откровенную обеспокоенность ситуацией, которая складывается для его страны: «Как должна Япония сохранять свою политическую и экономическую независимость и защищать свои национальные интересы, находясь между Соединенными Штатами, которые борются за сохранение положения доминантной державы, и Китаем, добивающимся стать ею?»⁶⁵

Как признак возможных «перемен» в отношениях между Токио и Вашингтоном, при правительстве Японии, которое возглавлял Ю. Хатояма, возникли разногласия по поводу согласованного двумя странами еще в 2006 г. плана передислокации американских военных баз на японской территории. Наиболее острые споры разгорелись вокруг проблемы перевода авиабазы подразделения вертолетов морской пехоты ВМС США Футемма (г. Гинован) на Окинаве. Футемма, по сути, стала индикатором состояния японо-американских отношений. В ходе избирательной кампании Ю. Хатояма заявлял о намерении убрать базу Футемма с острова. Но Вашингтон настаивал на выполнении договоренностей 2006 г. В конечном счете, под давлением США Хатояма отказался от выполнения своего обещания соотечественникам, что и стало одной из причин его ухода в отставку всего через девять месяцев после избрания премьер-министром.⁶⁶

Новое руководство Японии теперь готово подчеркивать важность укрепления военно-политического союза с США. Выступая с речью на параде Сил самообороны в октябре 2010 г. в пригороде Токио, премьер-министр Н. Кан заявил о возросшей угрозе безопасности Японии. Особую тревогу, по словам премьера, вызывает ядерная программа Северной Кореи и рост военной мощи Китая. Подтверждением актуальности для Токио проблемы национальной безопасности, а значит и японо-американского договора безопасности стали события, связанные с инцидентом в Восточно-Китайском море. В сентябре 2010 г. силами охраны морского побережья Японии в прибрежных водах островов Сенкаку (по-китайски Дяоюйдао) было задержано китайское рыболовное судно. Ход разрешения конфликта, наиболее серьезного с момента «потепления» японо-китайских отношений, показал, что Пекин готов вести себя весьма жестко, отставая свои интересы,⁶⁷ и что в отношениях КНР и Японии сохраняется значительный конфликтный потенциал⁶⁷, включающий, в частности, спор о суверенитете на указанные острова, разногласия вокруг морской границы и несовпадение подходов к совместному освоению нефтегазовых ресурсов в Восточно-Китайском море. Примечательно, что Вашингтон с готовностью поддержал Японию в этом конфликте. Так, госсекретарь Х. Клинтон заявила, что действие американско-японского договора безопасности распространяется на острова Сенкаку.

Между тем, основываясь на достигнутых в 2006–2008 гг. договоренностях, Китай проявляет активное стремление выстраивать курс на вовлечение Японии в политическое сотрудничество по широкому кругу вопросов. Об этом, в частности, свидетельствует аналитический доклад «Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии», подготовленный специалистами Института исследований Японии Китайской академии общественных наук.⁶⁸

Говоря о перспективе развития отношений, китайские исследователи не исключают возможности возникновения проблем между двумя странами, так как сохраняются серьезные противоречия — как стратегические, так и структурные. Авторы доклада выделяют следующие из возможных конфликтов:

1. *Конфликты, в основе которых лежат коренные интересы.* Они проявляются, прежде всего, в подходе к таким проблемам, как демаркация границы в Восточно-Китайском море и спор о принадлежности островов Дяоюйдао. В докладе подчеркивается: то, удастся ли урегулировать противоречия вокруг этих проблем, станет жестким тестом для двух спорящих сторон.

2. *Что касается конфликтов, имеющих исторические корни,* то к ним у китайской стороны сохраняется серьезное отношение. Вместе с тем, авторы доклада считают, что это не проблемы, связанные с текущими интересами, следовательно, стороны должны проявлять осмотрительность, чтобы не нанести ущерба двусторонним отношениям.

3. *Конфликты на эмоциональной почве.* По оценке китайских исследователей, к настоящему времени взаимопонимание китайцев и японцев не изменилось к лучшему. Одна из причин — сильный националистический консерватизм среди японского населения, другая — особая чувствительность китайского населения к своему историческому прошлому. И это — почва для конфликтов.

В докладе особо отмечается, что *общая стратегическая цель будущих китайско-японских отношений* — способствовать развитию психологической совместимости двух народов, продвижению двух стран от мирного сосуществования к совместному развитию, от взаимных стратегических интересов к стратегическому сотрудничеству. Основные положения этого раздела сводятся к следующему:

– Устойчивость в развитии китайско-японских отношений зависит от того, удастся ли *обеспечить сбалансированное развитие отношений в политической и экономической областях.*

– *Возникновение стратегической конфронтации между двумя странами мало вероятно.* Однако, если не удастся взять под контроль и эффективно разрешить главные проблемы в отношениях, *нельзя исключить возможности стратегической конфронтации низкого уровня.* Наиболее важные проблемы: демаркация границы в Восточно-Китайском море и принадлежность островов Дяоюйдао. По мнению китайских исследователей, важно, чтобы обе проблемы решались «в одном пакете».

– Решение тайваньской проблемы и осуществление мирного воссоединения — внутреннее дело Китая. По многим причинам Япония является фактором, который невозможно игнорировать в решении этой проблемы. *Пока США не изменят своей политики на тайваньском направлении, политика Японии не изменится.* Ключевой момент — в том, чтобы отношения между материковым Китаем и Тайванем меньше подвергались внешнему вмешательству.

– *О стремлении Японии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН.* Китайская сторона уже выразила свое мнение в поддержку стремления Японии играть большую роль в ООН, однако Китай не располагает пропуском для Японии в СБ ООН. Китай и Япония могут вести диалог о реформировании ООН. Если условия созрели, Китай, возможно, займет более позитивную позицию в отношении японских планов.

– Китаю и Японии *недостает взаимного доверия в вопросах обеспечения безопасности.* Причина: не преодолены сомнения относительно стратегических целей каж-

дой из сторон. Задача — *продвигать сотрудничество в этой сфере, идя от нормальных отношений «не друзья и не враги» к партнерским отношениям, к созданию структур и механизмов региональной безопасности, к образованию Восточноазиатского сообщества безопасности.* Китайская сторона считает важным следующее: сотрудничество по безопасности между Китаем и Японией не должно основываться на предпосылке, что Китай откажется или замедлит свои усилия по укреплению своей военной мощи или совершенствованию военных технологий.

— Как одна из задач, требующих скорейшего решения, в докладе обозначено *создание механизма предотвращения кризисов и механизма кризисного управления* с тем, чтобы избежать эскалации трений и конфликтов. Предлагается также развивать сотрудничество азиатских стран по *обеспечению безопасности основных морских коммуникаций — от Суэцкого канала до Тайваньского пролива*, а также стимулировать *создание в регионе Сообщества взаимовыгодной поддержки и обеспечения стабильности экономического развития*, в рамках которого решались бы и проблемы обеспечения энергетической безопасности.

Китай и Япония, говорится в докладе, должны прилагать усилия по решению проблем региональной безопасности, по созданию системы многосторонней безопасности. В соответствующее время они должны способствовать стратегическому диалогу Китай—Япония—США. Выдвигается также идея *создания нового и более широкого по составу участников механизма безопасности для всей Восточной Азии.*

— Двум странам предлагается действовать *совместно по преодолению финансового кризиса.* Они должны стимулировать придание регионального характера двустороннему соглашению об обмене валюты, выстроить региональный механизм финансового контроля, активизировать тесные консультации, координацию и сотрудничество по развитию региональных рынков капитала, по *учреждению Фонда азиатских валют.*

— Китаю и Японии следует объединить усилия *по заключению Соглашения о свободной торговле и Соглашения об экономическом партнерстве*, чтобы координировать стратегию и политику, совместно формировать пространство свободной торговли в Восточной Азии, Восточноазиатского сообщества.

— Есть у Китая и Японии серьезная общая проблема — зависимость от зарубежного спроса, прежде всего, спроса в США, на который негативно влияет нынешний кризис. Две страны должны использовать возможность для корректировки своей экономической структуры, расширить и задействовать внутренний спрос для оздоровления своих экономик.

— В докладе указываются перспективные направления сотрудничества — энергетическое и экологическое. Предлагается *создать совместно финансируемый правительствами Китайско-японский фонд по энергосбережению и экологической защите.*

Таким образом, Китай стремится вовлечь Японию в более глубокое и широкое сотрудничество на двустороннем и региональном уровнях. Разработана программа развития китайско-японского «взаимовыгодного сотрудничества, основанного на общих стратегических интересах» до 2020 г. На данном этапе Япония ведет себя менее активно: она вынуждена тщательно взвешивать свои шаги навстречу Китаю, учитывая свои обязательства перед США в рамках японо-американского альянса и сохраняя понимание его важности в интересах национальной безопасности. Скорее всего, китайско-японское сотрудничество, «основанное на общих стратегических интересах», будет развиваться не без проблем. Во-первых, Вашингтоном перспектива возможного политического сближения Японии с Китаем воспринята с настороженностью: предвидится его противодействие этому сближению. Во-вторых, у Китая и Японии сохраняются существенные противоречия, в основе которых — несовпадение интересов двух соперничающих держав. Как представляется, делая шаг навстречу Китаю, Япония вступает на путь весьма неустойчи-

вого балансирования между двумя центрами силы — США и Китаем. Не исключено периодическое возникновение напряженности в отношениях Пекина с Токио.

А.Г. Ларин

Китай является крупнейшим в мире источником миграционных потоков, китайская диаспора — также самая большая в мире. Она распространилась на 150 стран, ее величина оценивается в диапазоне от 30 до 57 млн чел. И миграционный поток, и диаспора увеличиваются с каждым годом. По подсчетам тайваньских ученых, за два последних десятилетия XX в. ее численность росла ежегодно на 2,5%. По данным Канцелярии Госсовета по делам соотечественников, число китайских граждан за рубежом каждые десять лет почти удваивается. Со времени перехода КНР к политике открытости наиболее значительными стали эмиграционные потоки в развитые страны, прежде всего в США, Японию, Канаду, а в последние годы и в Европу.

Китайские эмигранты вносят огромный вклад в модернизацию КНР, предоставляя своей этнической родине инвестиции (до 70% всех зарубежных капиталовложений), технологии, опыт управления предприятиями. Заметен их вклад в экономику стран проживания, особенно в Юго-Восточной Азии.

На Россию, по наиболее серьезным экспертным оценкам, приходится 300–500 тыс. мигрантов из КНР — небольшая доля от общего количества внешних трудовых мигрантов (оценочно 5–8 млн). Это, главным образом, работники торговой сферы, поставляющие на российский рынок китайские товары. В разы меньше китайцев трудится в строительстве, сельском и лесном хозяйстве.

Следует признать, что к настоящему времени китайские коммерсанты, вызывая, как и прежде, нарекания за низкое качество своих товаров, стали необходимой частью российской экономики. Это подтвердилось, в частности, попыткой запрета для иностранцев на розничную торговлю на российских рынках с 1 апреля 2007 г. Спешно распродав по бросовым ценам свои товары, многие китайцы вернулись на родину. Прилавки на дальневосточных и сибирских рынках страны оголились. Местные жители стали выражать серьезное недовольство, местные власти и оставшиеся китайские торговцы стали прибегать к разным уловкам, чтобы обойти запрет. Его неэффективность скоро стала очевидной, уехавшие начали возвращаться, и к концу года о запретах уже никто не вспоминал.

В 2009 г. скандальным образом был закрыт знаменитый Черкизовский рынок. Работавшие на нем коммерсанты, в том числе китайские, оказались в трудном положении: сначала они лишились доступа к своим товарам, а затем были вынуждены перебираться на другие рынки, что породило там конкуренцию за рабочие места, невероятную скученность, антисанитарию и, как следствие, недовольство окрестных жителей. Однако спроса на китайские товары, даже при их не слишком высоком качестве, никто не отменял, и итогом стала договоренность российской и китайской сторон о намерении строительства в пригороде Москвы китайского торгового мегацентра.

Теперь — о некоторых проблемах и вызовах, порождаемых динамикой китайской миграции и деятельностью мигрантов:

1) *О демографическом вызове.* Что ждет нас в обозримом будущем: рост миграционного потока из перенаселенной КНР или его сокращение? В принципе как будто бы сокращение, что вытекает из постоянного уменьшения прироста населения КНР, старения населения, повышения его жизненного уровня. Однако, как скоро эти факторы скажутся на объеме миграции «во вне» и насколько значительным будет их влияние, сказать трудно. Пока что прямая связь между динамикой двух величин — численности населения и численности мигрантов из Китая не прослеживается.

Так, по данным проведенного нами широкого опроса, возраст подавляющего большинства китайских мигрантов в России составляет от 20 до 40 лет. Численность находящегося в этом диапазоне, т.е. миграционно-активного населения Китая, по нашим

подсчетам, основанным на китайской статистике, за 2000–2007 гг. сократилась на 50,7 млн чел., однако после сокращения осталось его немало: 397 млн, причем объем миграции из страны за эти годы вырос.

В благополучных приморских провинциях Китая с высоким уровнем жизни налицо нехватка квалифицированной рабочей силы, а в ряде мест — и неквалифицированной. А среди китайских мигрантов в России, по данным нашего опроса, 20% — это выходцы именно из приморских провинций (в Москве их доля еще больше: 34%).

В настоящее время правительство КНР поощряет миграцию: либерализует правила выезда из страны, расширяет экспорт рабочей силы по контрактам, добивается от российской стороны увеличения приема китайских рабочих, выдвигая их использование в качестве условия инвестиций в совместные проекты. И это — долгосрочная политика. Несмотря на то, что в мире существует хорошо известная озабоченность возможностью крупных выбросов за рубеж избыточного населения КНР, китайские ученые предпочитают говорить не о грядущем сокращении объемов миграции, а о полезности китайской диаспоры для мировой экономики. Они делают заявку на своего рода моральное право Китая на расширение эмиграции, исходя из того, например, что китайская диаспора составляет менее 3% его населения, тогда как число европейцев, живущих за пределами Европы, составляет половину ее «внутреннего» населения. По всей видимости, как минимум в ближайшем десятилетии нас ждет рост миграции из КНР, чему будет способствовать и строительство крупных промышленных и инфраструктурных объектов в Сибири и на Дальнем Востоке России.

Как относятся в мире к идее «китайской демографической экспансии»? Международное экспертное сообщество говорит об этой идее мало, главным образом как о футурологической гипотезе, хотя иногда употребляет и такие красочные образы, как «щупами на горизонте». На этом фронте Пекину не приходится обороняться. Актуальной эта тема является для общественности России и Казахстана — понятно, почему. Здесь стоит отметить несколько моментов.

Первый: российское массовое сознание (в силу целого ряда серьезных причин зараженное мигрантофобией) в своей существенной части положительно относится к работе китайских мигрантов на временной основе (по данным нашего опроса — 32%; при этом относится нейтрально — 28%, отрицательно — 27%). Идея же постоянного проживания китайских мигрантов в России категорически отвергается (отрицательно относятся 56%, терпимо — 3%, нейтрально — 14%, положительно — 3%). В Китае прекрасно осведомлены об этом, и в переговорах с российской стороной обещают: все, кто по договорам приедет в Россию работать, своевременно возвратятся на родину. Китай не станет решать свои демографические проблемы за чужой счет.

Второй момент: рост численности мигрантов оказывает сильнейшее влияние на их отношения с окружением. По мере увеличения численности мигранты начинают вести себя более требовательно и даже вызывающе, а толерантность местного населения тает, и напряженность между теми и другими повышается. Последние конфликты в ряде стран Европы, связанные с мигрантами, это подтверждают. Поэтому предложения некоторых российских демографов компенсировать депопуляцию страны посредством «вброса» миллионных масс из-за рубежа представляются более чем рискованными. Это касается и мигрантов из КНР, которых наш видный демограф Ж.А. Зайончковская считает наиболее подходящими для переселения в Россию.

Вне России мир реально обеспокоен нелегальной миграцией из Китая (т.е., незаконным, тайным въездом). По оценкам, она может достигать полумиллиона ежегодно. Считается также, что по объему она может превышать легальную, и что Китай в этом отношении является мировым лидером. Только в США ежегодно оседает, по экспертным подсчетам, до 40 тыс. китайских мигрантов. Пекин энергично борется с нелегальной эмиграцией, тесно сотрудничая в этой области с другими правительствами, однако пол-

ностью перекрыть этот поток не удастся. По некоторым наблюдениям, местные власти в приморских провинциях Китая подчас попустительствуют нелегальному выезду из страны. Россия является счастливым исключением: здесь незаконно въехавших в страну китайцев фактически нет, а нелегальные мигранты — это те, у кого не в порядке документы. Видимо, пограничники двух соседних стран зорко стерегут границу, а спецслужбы наладили сотрудничество. Возможно, китайские власти особенно внимательно относятся к предупреждению нарушений российско-китайской границы, учитывая болезненность этой проблемы для России. Однако отчетливо дают о себе знать другие страхи из той же области: значительное число россиян считает, что большое число китайцев каждый год нелегально остается в России (в нашем опросе — 35%). Только незначительная часть наших граждан (5%) согласна с тем, что ежегодно из страны выезжает примерно столько же китайцев, сколько и въезжает. А на самом деле, так оно и есть. Действительно, при ежегодном числе въездов в 700–800 тыс. человек количество въездов из КНР в РФ за 2000–2009 гг., согласно данным Росстата, превысило количество выездов на 181,8 тыс. чел., т.е. в среднем на 20,2 тыс. чел. или приблизительно 2,5% в год (в это число входят и неоднократные пересечения границы одним и теми же лицами, особенно частые — поездными бригадами и экипажами самолетов).

2) *О конкурентных вызовах.* Все более активный выход китайских товаров и людских ресурсов «во вне» сопровождается нарастанием конкуренции тех и других с местными производителями, коммерсантами и рабочими. Китайская сторона имеет в этой борьбе хорошо известные преимущества в виде дешевизны товаров и труда, предпринимчивости, сплоченности. Масла в огонь подливает этнический фактор. Результат: обострение трений между сторонами, иногда даже вспышки насилия. Такого рода инциденты имели место в Италии, Испании, Бразилии, Восточном Тиморе, на Соломоновых островах и др. В Королевстве Тонго китайские предприниматели не захотели воспользоваться местной рабочей силой, предпочтя привезти соотечественников: в результате инцидента властям КНР пришлось направить корабль, чтобы их эвакуировать.

Несмотря на этническую форму подобных коллизий, правительство КНР обнаруживает четкое понимание их экономической составляющей и рекомендует разрешать их еще в зародыше посредством «дружеских консультаций», а в случае обострения «защищать свои права в соответствии с законом, посредством разбора конкретных обстоятельств, хладнокровно, ни в коем случае не допуская, чтобы трения углублялись, приобретали расистский характер и выходили на уровень межгосударственных отношений».

Вместе с тем, Пекин ставит своей задачей «активно побуждать правительства стран, где проживают наши соотечественники, к созданию условий, благоприятных для их жизни и развития». В 2007 г. на базе одного из подразделений МИД КНР был создан специальный Центр консульской защиты. Его вмешательство предполагается, в числе прочего, в экономические трения, конфликты, требующие эвакуации китайских граждан, в случаях нарушений законов гражданами КНР. Большинство инцидентов приходится на сопредельные с Китаем страны: государства ЮВА, Бирму, Россию.

В России конкуренция на рынке труда между ее гражданами и китайскими мигрантами имеет скромные масштабы. В сфере труда последние имеют свою нишу — некоторые виды низкоквалифицированного и непрестижного труда. Однако на границах ниши временами возникает конкуренция, в которой китайские работники имеют высокие шансы на победу. Так, в 2007 г. для прокладки нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан «Транснефть» в целях экономии средств пригласила в качестве субподрядчика китайскую компанию СРР. Правительство Якутии, страдающей от безработицы, пыталось уговорить «Транснефть» принять на работу 400 местных безработных строителей, но получило согласие лишь на 200. Позже «Транснефти» пришлось доучивать китайских рабочих, поскольку геологическая обстановка, в которой они работали, оказалась для них непредвиденно сложной.

В Омской области при высоком уровне безработицы в ряде районов некоторые местные работодатели отдают предпочтение китайским крестьянам. Их зарплата составляет более 100 долларов в месяц, и местные крестьяне охотно согласились бы на такую зарплату, однако китайский труд считается более эффективным. Со вступлением России в полосу финансово-экономического кризиса некоторые предприниматели начали делать попытки заменить российский труд более дешевым китайским.

Но есть примеры иного рода: представители отечественных турфирм жалуются, что китайцы захватили в свои руки все обслуживание туристов из КНР в российских городах, вопреки тому, что иностранные предприниматели пытаются заниматься туристическим бизнесом.

Конкуренция китайских промышленных товаров с российскими фактически отсутствует: готовность китайских коммерсантов поставить в Россию любую массу товаров и наличие у России нефтяных денег делает излишним производство аналогичных отечественных товаров.

На российском Дальнем Востоке дешевизна китайской овощной продукции сделала выращивание овощей невыгодным для российских крестьянских хозяйств, которые в результате разоряются. С другой стороны, низкая цена на китайские овощи отвечает интересам российского потребителя. Возникает противоречивая ситуация, вполне типичная для России. К сожалению, власти смотрят на нее сквозь пальцы.

Иногда конкурентная борьба может обостряться, доходя до массовых акций протеста и даже до столкновений, как это было, например, на Камчатке в начале 2002 г., когда там появились китайские торговцы, а местные обвинили их в демпинге. Конфликт принял такой характер, что к его урегулированию пришлось подключиться китайским дипломатам.

Однако в целом в России китайским властям приходится защищать своих соотечественников не от озлобленных конкурентов, а от произвола милиции и от ареста и конфискации завезенных из КНР товаров, при том что претензии по этим товарам могут быть предъявлены и китайской стороне. Официальные представители КНР действуют в подобных случаях сдержанно — так, чтобы не нанести ущерб российско-китайским отношениям, но достаточно твердо. «Непрерывно возрастающая мощь Китая, — подчеркивают китайские ученые, — дает ему новые возможности, новый опыт и международное влияние для обеспечения более полной и тщательной защиты своих зарубежных сограждан». Представляется, что в данном утверждении содержится не только констатация сложившегося положения дел, но и предупреждение: Пекин хочет, чтобы отношение к китайским гражданам, где бы они ни проживали, строилось с учетом изменившегося в его пользу баланса сил.

3) *Китайская диаспора и «китайская угроза»*. Те большие инвестиции, которые китайская диаспора делает в экономику своей этнической родины, порою рассматриваются как утечка капитала из страны, в которой было создано благосостояние этой диаспоры, как проявление нелояльности по отношению к стране нахождения и содействие усилению Китая. Возникает недоверие к диаспоре, подогреваемое еще и тем, что эмигранты современной «волны» отличаются высоким уровнем этнического самосознания, которое нетрудно истолковать как прокитайский настрой. Коренное население начинает опасаться, что новые финансовые связи в сочетании с игрой на этнических узах позволят Китаю втянуть диаспору в сферу своего экономического и политического влияния, использовать ее как инструмент для достижения своих целей.

Пекин всячески стремится развеять такого рода тревоги. Он подчеркнуто игнорирует разговоры о «Большом Китае», а в своем законодательстве четко разграничивает эмигрантов — граждан КНР (хуацяо) и этнических китайцев — граждан государств проживания (хуажэнь). Правительство КНР одобряет принятие эмигрантами-хуацяо гражданства принявшей их страны, а тех, кто остается гражданином КНР, призывает «жить

в дружбе с местным населением, вносить вклад в развитие экономики страны проживания».

Китайцы в России — это почти исключительно временные мигранты, которые, таким образом, не образуют диаспоры. Однако они также являются источником опасений, аналогичных вышеописанным и зачастую имеющих конспирологическую окраску. В российском массовом сознании довольно широко распространены представления, что китайское правительство будто бы имеет тайный план: создать в России собственную торговую сеть и вытеснить с розничного рынка российских коммерсантов. В нашем опросе эту мысль поддержал 21% респондентов. Еще 24% согласились с утверждением, будто у китайского правительства есть другой тайный план: постепенно заселить китайцами российский Дальний Восток. И только 5% решили, что у китайского правительства нет подобных планов. Некоторые российские китаеведы развивают в своих трудах мысль, что китайские коммерсанты в России представляют собой некую армию, спаянную жесткой дисциплиной и беспрекословно подчиняющуюся приказам из Пекина.

В Китае хорошо знакомы с беспокойством россиян, воспринимают его спокойно, хотя и с некоторой обидой, рассматривая его как существенное препятствие для развития двустороннего сотрудничества, которое, однако, вполне можно преодолеть посредством широкой разъяснительной работы, включая такие масштабные мероприятия, как Годы Китая и России, Годы китайского языка в России и русского языка в Китае и т.д.

На мой взгляд, вышеприведенные конспирологические утверждения невозможно ни доказать, ни опровергнуть, а потому гадать о планах Пекина бессмысленно (эту точку зрения поддержали 23% респондентов). Для понимания ситуации необходимо и достаточно смотреть на соотношение интересов и соотношение сил. А в практическом плане, независимо от наличия или отсутствия чьих-либо тайных планов, нужно контролировать объем и состав потока мигрантов, номенклатуру и качество товаров и соответственным образом реагировать, не увязая в коррупции.

А.Ф. Клименко

19–20 ноября 2010 г. президент России Д.А. Медведев принял участие в заседании на высшем уровне Совета Россия — НАТО в Лиссабоне. В повестку дня были включены ключевые для нас и Брюсселя вопросы противоракетной обороны, противодействия терроризму, пиратству и наркотрафику, распространению оружия массового поражения. Достигнуты договоренности по участию России в создании европейской ПРО на партнерских, равноправных условиях, расширению транзита военных грузов НАТО через российскую территорию в Афганистан, по углублению там антинаркотического сотрудничества, особенно в сфере подготовки нарко-полицейских, и по обеспечению поставок российских вертолетов для нужд афганской армии. Кроме того, Россия будет работать с альянсом по вопросам, связанным с ядерными программами ряда стран, в том числе Ирана.

Что подтолкнуло НАТО к установлению более тесных отношений с Россией?

Афганистан остается одной из главных проблем альянса и занимает важное место в его планах, касающихся развития отношений с нашей страной. В рамках стратегии по стабилизации этой страны и создания условий для ухода из нее воинского контингента блока командованием ОВС НАТО разработан план под условным наименованием «Анаконда». Он предусматривает концентрическое воздействие на афганцев (силовое, гуманитарное, образовательное, социальное) с целью подавления мятежников, привлечения на свою сторону колеблющихся, развития элементов гражданского общества, укрепления властных структур на местах. Причем натовцы внимательно изучают опыт вывода из Афганистана советских войск.

Поэтому партнерские отношения НАТО с Россией, получили новый дополнительный импульс в трех сферах: политический диалог, военное сотрудничество и так на-

зывается «третье измерение», включающее гуманитарную, научную, образовательную область и публичную дипломатию.

Но анализ реализации этой триады под эгидой Совета Россия — НАТО свидетельствует о преобладании политических и военных вопросов. Достаточно обратить внимание на то, что заседания этого Совета предшествовали встречи представителей сторон в трех комитетах: Подготовительном, Военном подготовительном, «Наука ради мира и безопасности»; в шести рабочих группах — по операциям и военному сотрудничеству (включая подгруппу по Афганистану), транспарентности в области обороны, стратегии и реформирования, по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению ОМУ, по ПРО, по чрезвычайному гражданскому планированию, «Инициативе по сотрудничеству в воздушном пространстве»; в двух специальных рабочих группах (по тылу и борьбе с террористическими угрозами в евро-атлантическом регионе).

Углубление сотрудничества России с Западом, тем более в военно-политической сфере, не прошло мимо наблюдательных китайских экспертов.

Масла в огонь подлили США. Устами помощника госсекретаря Филиппа Гордона была «вброшена» идея о возможном принятии нашей страны в члены НАТО. Причем, озвучено это было публично — в выступлении последнего на слушаниях в Конгрессе⁶⁹.

Особый интерес китайцев вызвал ответ президента Д.А. Медведева на вопрос о возможности вступления России в НАТО на брифинге для журналистов по итогам саммита: «Конечно, будущее — вещь неопределенная, — сказал он. — В настоящий момент я, например, не вижу ситуации, когда Россия могла бы присоединиться к альянсу, но все меняется, меняется и Североатлантический альянс. Если Североатлантический альянс изменится настолько, что встанет вопрос о нашем более тесном сотрудничестве с ним, то, я считаю, здесь не может быть никаких закрытых тем. Мы можем обсуждать их, при наличии доброй воли и желания наших партнеров по альянсу»⁷⁰.

Конечно, все это не могло не насторожить китайское экспертное сообщество. Однако, как следует из анализа сообщений агентства Синьхуа, большинство их оценок носит осторожный и деликатный характер. Так, заместитель директора центра по изучению России при Педагогическом университете Восточного Китая Ян Чэн считает, что нынешняя международная структура подвергается большим переменам и колебаниям. Россия начала осознанно регулировать свою политику по отношению к Западу, сюда же относится «перезагрузка» российско-американских отношений. Трансформация происходит на фоне желаний и потребностей обеих сторон.

Другие специалисты более конкретны в своих оценках. Они подчеркивают, что историческое сближение НАТО и России имеет под собой определенную подоплеку: и та и другая стороны опасаются, и настороженно относятся к подъему Китая. Запад, улучшая отношения с Россией, возможно, придерживается цели ухудшить связи между РФ и КНР. Россия надеется путем регулирования стратегии по отношению к Западу, как сохранить благоприятные отношения с Китаем, так и вернуться в эпоху 70-х гг. прошлого столетия, когда на мировой арене был «треугольник» в лице США, СССР и КНР.

Старший научный сотрудник Института по международным стратегическим исследованиям пров. Гуандун профессор Тан Сяосун отмечает, что Соединенные Штаты перемещают центр мировой стратегии в Восточную Азию. А Китай — государство, которому США уделяют центральное внимание на следующем этапе своего стратегического плана: путем улучшения отношений с Россией, а также разрешения проблемных стратегических вопросов они надеются, что в будущем РФ будет придерживаться нейтральной позиции в разногласиях между США и Китаем. Его коллега, профессор Ян Чэн настаивает: одной из целей улучшения отношений с Россией является намерение Запада ухудшить российско-китайские связи.

Зададимся вопросом, чего же опасаются в Китае?

Причина понятна, ибо тенденция на укрепление сотрудничества России с НАТО до уровня стратегического партнерства может существенно трансформировать геостратегическую обстановку вокруг Китая.

Во-первых, открывается перспектива приближения НАТО к границам КНР, и то беспокойство, которое ранее испытывала в связи с этим Россия, передается Китаю: более 4000 км его госграницы с Россией из глубокого тыла преобразуются в передовую линию.

Во-вторых, расширение сотрудничества Индии с США и Японией, усиление группировки индийских ВС на границе с Китаем и ВМС в восточной части Индийского океана, приобретение Индией права на использование иранского порта Чохбахар на выходе из Персидского залива могут, при необходимости, блокировать использование Китаем энергетических коммуникаций на этом направлении.

В-третьих, обострение военно-политической обстановки на Корейском полуострове и укрепление в связи с этим американо-южнокорейского и американо-японского союзов не могут не заставить Пекин задуматься о том, что он действительно может оказаться в неблагоприятном стратегическом окружении со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Можно предполагать, что в Китае не забыли, как в 1970-е гг. КНР поступила с Советским Союзом в упомянутом выше «треугольнике» советско-китайско-американских отношений, приплюсовав «свой угол к американскому» в противовес «углу советскому». Отсюда, возможно, следует опасение, не повторит ли Россия такой «финт». Поэтому с китайской стороны следует предостережение. В близком к тексту изложении суть его такова. В 1990-е гг. Россия уже пыталась наладить дружеские связи с Западом, раз за разом сдавая свои позиции. И чего она добилась? Ее ободрали как липку, использовали в своих интересах и оттолкнули. Не наступит ли Россия вновь на те же грабли?

Далее следует констатация того, что Россия и Запад уже поняли и признали, что возвышение КНР и рост ее государственной мощи нельзя сдерживать. В связи с этим и России, и западным государствам необходимо приспособиться к новым изменениям международной структуры.

В целом же китайские специалисты не теряют надежды, что России и НАТО сложно стать одновременно из «врагов» друзьями. На самом деле, если стороны не преодолеют существующие глубокие противоречия и не устранят подозрений относительно друг друга, то установление "настоящего стратегического партнерства" может быть легким только на словах, а не на деле.

В то же время отношения между Россией и КНР имеют внутренние потенциалы для развития, поэтому не подвергнутся коренным переменам из-за изменения международной обстановки. Китай не будет сомневаться в жизнеспособности китайско-российских отношений в связи с регулированием связей между Россией и Западом.

В заключение следует заметить, что нынешняя российская политика налаживания добрососедских отношений по всем азимутам в наибольшей степени соответствует современным условиям международно-политической обстановки. Единственное, о чем нужно помнить — не следует при реализации своих интересов наносить ущерб интересам своих партнеров. Особенно актуально это для такой деликатной сферы взаимоотношений, как международная безопасность.

Логичным шагом со стороны России было бы усиление активности взаимодействия с КНР на двустороннем уровне и, особенно, в рамках Шанхайской организации сотрудничества. В этом плане желательно вовлекать Китай в многосторонние усилия по стабилизации обстановки в Афганистане и Пакистане. Примечательно, что первые шаги в этом направлении уже сделаны в ходе недавно состоявшегося Совета глав правительств стран-участниц ШОС. И эти шаги нужно наращивать.

А.С. Давыдов

Реально ли вступление России в НАТО и нужно ли это ей?

А.Ф. Клименко

Что означает вступление России в НАТО? В военном плане речь непременно пойдет об оперативной совместности вооруженных сил. А это значит, что нам придется переделывать под натовские стандарты системы управления и связи, подгонять под них всю боевую технику, вооружение, калибры боеприпасов и т.п. Все это потребует огромнейших средств. К тому же, натовцы будут настаивать на том, чтобы мы покупали боевые системы на Западе, поскольку так им проще и выгоднее. Тем более, что некоторые виды вооружений, например, беспилотные средства и десантные корабли там лучше, чем у нас. Это лишь один пример, затрагивающий военно-техническую сферу. А их более чем достаточно, особенно в сфере военно-политических отношений. Поэтому мой ответ отрицательный.

В.И. Трифонов

Восстановление суверенитета над Тайванем — один из главных национальных приоритетов КНР. В преамбуле действующей Конституции КНР от 1982 г. записано: «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение священного дела воссоединения Родины — священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване». Задача «решения тайваньской проблемы и полного воссоединения Родины» неизменно присутствует в основополагающих документах КНР, раздел по Тайваню занимает важное место в докладах китайского руководства на партийных съездах, сессиях ВСНП, НПКС, в ключевых внешнеполитических материалах. Пекин твердо заявляет, что ни при каких обстоятельствах не отступится от достижения поставленной цели, не допустит независимости Тайваня, его отделения от Китая, пойдет в своих действиях так далеко, как этого потребуют обстоятельства. Позиция КНР подкрепляется и необходимой правовой базой в лице соответствующих международных документов.

Линии Пекина противостоят действия Соединенных Штатов, вмешавшихся в ход гражданской войны в Китае и установивших в 1950 г. свой контроль над Тайванем. В последующие годы из-за Тайваня не раз возникали серьезные кризисы, грозившие перерасти в прямое столкновение между КНР и США. Вплоть до настоящего времени Вашингтон продолжает придерживаться позиции неприятия решения тайваньской проблемы «иными, чем мирными средствами», не раз подкрепив ее устрашающими военными акциями. В целом тайваньский вопрос остается потенциально опасным очагом напряженности, хотя на данный момент обстановка вокруг острова достаточно спокойная. Новый важный фактор, который необходимо учитывать, — быстрый рост совокупной мощи Китая, нарастание соперничества между КНР и США за региональное и глобальное лидерство.

Пройдя через периоды острой конфронтации из-за Тайваня в 1950-е — 1960-е гг., времена правления на Тайване администраций Ли Дэньхуэя и Чэнь Шуйбяня с их откровенной линией на суверенизацию и независимость острова, Пекин — в рамках проводимого им в последние годы курса на «мир и развитие» в международных делах — взял на вооружение в отношении Тайваня мирную стратегию, делая упор на предоставлении ему, в случае воссоединения с материком, самой широкой автономии на базе формулы «одна страна—две системы». В концентрированном виде этот курс был закреплен в принятом 14 марта 2005 г. на 3-ей сессии ВСНП 10-го созыва «Законе о противодействии расколу государства». Отметив, что цель Закона — пресечь попытки отделения Тайваня от Китая, обеспечить суверенитет и территориальную целостность Китая, в документе сделан упор на «мирное объединение страны» на базе «принципа одного Китая». Следует отметить такой важный шаг навстречу Тайбэю — с учетом его несогласия с ква-

лификацией Тайваня в качестве части КНР — как констатация (статья 2), что «к одному Китаю принадлежат и материк, и Тайвань», а «защита суверенитета и территориальной целостности Китая является общей обязанностью всего китайского народа, включая тайваньских соотечественников». Декларируется готовность развивать самые широкие связи между берегами пролива в экономической, транспортной, гуманитарной и иных областях. В то же время в статье 8 Закона указано: «В случае если раскольнические силы на Тайване, выступающие под флагом «независимости Тайваня», будут действовать — под любым именем или любыми средствами — в направлении отделения Тайваня от Китая, либо произойдут крупные инциденты, повлекшие отделение Тайваня от Китая, либо же возможности для мирного объединения будут полностью исчерпаны, государство применит немирные методы и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая».

Приход к власти на Тайване в 2008 г. Гоминьдана и президента от этой партии Ма Инцзю привел к существенным изменениям в отношениях между Пекином и Тайбэем. Потеплела атмосфера в двусторонних связях, заметно снизилась напряженность в зоне Тайваньского пролива, повысились шансы на достижение между сторонами взаимоприемлемых договоренностей.

В инаугурационной речи 20 мая 2008 г. новый президент четко обозначил параметры политики, которых намерен придерживаться Тайбэй во взаимоотношениях с материком: «Я искренне надеюсь, — заявил Ма Инцзю, — что две стороны Тайваньского пролива смогут использовать эту историческую возможность для достижения мира и процветания. В соответствии с принципом «нет объединению, нет независимости и нет применению силы», разделяемому большинством тайваньского общества, мы будем придерживаться статус-кво в Тайваньском проливе». Привлекла внимание фраза Ма Инцзю о том, что «в разрешении вопросов отношений через пролив значение имеет не суверенитет, а основополагающие ценности и образ жизни. Нас заботит благосостояние 1,3 миллиарда жителей материкового Китая, и мы надеемся, что материковый Китай будет продолжать движение в сторону свободы, демократии и процветания всего народа. Это проложит дорогу к долгосрочному мирному развитию отношений через пролив».

Сразу после вступления Ма Инцзю в должность стороны предприняли активные шаги по возобновлению диалога. В течение 2008 г. состоялся ряд встреч — в межпартийном формате — с участием высших руководителей сторон. В апреле Ху Цзиньтао принял вице-президента Тайваня Сяо Ваньчана в ходе ежегодного Азиатского форума Боао на о. Хайнань, в мае в Пекине состоялась встреча Ху Цзиньтао с председателем Гоминьдана У Босюном, в ноябре Ма Инцзю принял в Тайбэе председателя Ассоциации отношений между берегами Тайваньского пролива (АРАТС) Чэнь Юньлиня, Ху Цзиньтао неоднократно встречался — «на полях» саммитов АТЭС — с возглавлявшим тайваньскую делегацию бывшим вице-президентом Тайваня Лянь Чжанем.

Курс на дальнейшее мирное развитие отношений между берегами пролива был закреплен в принятой 17 октября 2009 г. на 18-м съезде Гоминьдана новой политической программе партии. На съезде Ма Инцзю официально вступил в должность председателя Гоминьдана и получил поздравительную телеграмму по этому поводу от генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, что, по мнению ряда экспертов, создает предпосылки для организации встречи на уровне Ху Цзиньтао — Ма Инцзю. Тем не менее, как представляется, возможность этого маловероятна, поскольку тайваньская сторона добивается того, чтобы указанная встреча проходила на равных, как глав суверенных государств, что, разумеется, неприемлемо для Пекина.

Прошло пять раундов переговоров руководителей структур, отвечающих за налаживание связей между сторонами пролива — Ассоциацией отношений между берегами Тайваньского пролива (АРАТС) и тайваньским Фондом обменов через пролив (СЕФ), в результате которых были выработаны соглашения об установлении прямого авиацион-

ного, морского и почтового сообщения между Тайванем и материком. КНР открыла для этого 63 морских и речных порта, а также 21 аэродром в крупнейших городах. Соответствующие ответные шаги осуществил Тайбэй. Подписан ряд других соглашений: о предоставлении услуг в сфере рыболовства, осуществлении карантинного контроля над сельхозпродукцией, взаимодействии в сфере стандартизации и сертификации промышленной продукции, о мерах по облегчению туристических поездок на Тайвань из КНР (тайваньцы и раньше в широких масштабах посещали материк). Ожидается, что в 2010 г. Тайвань посетит свыше 1 млн туристов с материка, что принесет острову примерно 1 млрд долларовых поступлений.

29 июня 2010 г. председателями АРАТС и СЕФ было подписано Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами пролива (ECFA), которое, как ожидается, даст мощный толчок дальнейшему развитию торгово-экономических связей между ними, еще теснее привяжет остров к матерiku. Соглашение носит весьма льготный для Тайваня характер, значительно облегчая доступ многих тайваньских товаров на материк и обеспечив, по оценкам, дополнительный ежегодный рост тайваньского ВВП на 1,7%. Появится около 285 тыс. новых рабочих мест. Тайбэй также рассчитывает, что соглашение откроет дорогу к широкому развитию экономических связей Тайваня со странами АТР, позволит ему подключиться к созданным в регионе зонам свободной торговли (АСЕАН—КНР, АСЕАН—Южная Корея).

На Тайване отмечают определенный отход КНР от жесткой линии на изоляцию Тайбэя в международных делах. Продолжая твердо противодействовать любым шагам, которые поставили бы Тайвань в один ряд с суверенными нациями, Пекин несколько шире приоткрыл дверь для участия Тайбэя в практической деятельности ряда международных организаций экономического и гуманитарного характера. Ранее Тайбэй был допущен в АТЭС, ВТО, Азиатский банк развития, а также в олимпийское движение под вывесками «Китайский Тайбэй», «отдельная таможенная территория Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу». Сейчас Пекин перестал возражать против участия Тайваня в качестве наблюдателя в работе Всемирной организации здравоохранения, чего Тайбэй упорно добивался все последние годы. Этот шаг Пекина вызвал на Тайване особенно положительную реакцию. По тайваньским наблюдениям, Пекин стал воздерживаться от целенаправленных попыток «перетянуть» на свою сторону страны, имеющие дипотношения с Тайбэем (23 небольших государства Африки, Латинской Америки, Океании, а также Ватикан, что, тем не менее, позволяет Тайбэю поддерживать статус «легитимной международной структуры»).

Изменил свою тактику и Тайбэй. Как подчеркнул Ма Инцзю в своем национальном послании от 10 октября 2009 г., «в том, что касается нашей стратегии вновь войти в систему ООН, то с прошлого года мы отказались от бесполезной конфронтации и приняли на вооружение, в качестве приоритетной цели, участие в специализированных учреждениях ООН и в деятельности этих учреждений». В настоящее время Тайбэй сосредоточил усилия на том, чтобы принять участие в какой-то форме в работе ИКАО и в Рамочной конвенции ООН по изменению климата.

В Пекине сейчас также стараются воздерживаться от высказываний относительно сроков решения тайваньской проблемы, тогда как до недавнего времени неоднократно подчеркивалось, что вопрос о воссоединении с Тайванем «нельзя откладывать до бесконечности». Широко пропагандируется опыт Гонконга и Макао, сохранивших в рамках формулы «одна страна — две системы» свой образ жизни и высокую степень автономии.

Примечательна выражаемая Пекином готовность к тому, чтобы «оба берега Тайваньского пролива в удобное время и подходящим образом провели контакты и обмены по военным вопросам, включая проблему размещения военных сил (заявление представителя Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Ян И на пресс-конференции 13 октября 2010 г.). В тайваньской печати также сообщалось, что Пекин обещал начать

свертывание нацеленных на Тайвань китайских ракет, если Тайбэй согласится с концепцией «одна страна — две системы».

Что касается тайваньской администрации, то, подвергаясь сильнейшей критике со стороны оппозиционных сил в том плане, что взятый Ма Инцзю курс в отношении материка «ведет к потере суверенитета Тайваня», она вынуждена маневрировать, делать заявления, что не намерена заходить слишком далеко в развитии своих связей с КНР и будет держать ситуацию под постоянным контролем. Принято решение притормозить шаги на политическом направлении взаимоотношений с Пекином, не торопиться с реализацией плана о заключении мирного договора с материком, действуя по принципу «сначала экономика, потом политика». Выступая в мае 2009 г., Ма Инцзю заявил, что этим вопросом можно будет заняться после 2012 г., в случае его переизбрания на второй срок. Еще более четко выразилась 19 ноября 2009 г. председатель Совета по делам материкового Китая Лай Синьюань, подчеркнувшая, что «подписание политических соглашений либо содействие выработке мер доверия не являются срочными вопросами для администрации Ма Инцзю». По ее словам, время и условия для политических переговоров еще не созрели. «Примирение сторон пролива, сказала она, не может быть достигнуто перед лицом военной угрозы со стороны Пекина».

На данный момент линия КНР заключается в поэтапной и все более тесной привязке к себе Тайваня, используя прежде всего экономические методы. Начиная с 2005 г., КНР стала основным торговым партнером Тайваня. В 2008 г. объем торговли сторон, включая Гонконг, составил 132,6 млрд долл. (экспорт Тайваня на материк — 99,7 млрд долл., импорт 32,9). В 2009 г. товарооборот — из-за кризиса — снизился примерно до 110 млрд долл. При этом Тайбэй имеет значительное позитивное сальдо в торговле с КНР и Гонконгом (66,8 млрд долл. в 2008 г.), что обеспечило Тайваню общий положительный баланс во внешней торговле. КНР является главной сферой приложения тайваньских инвестиций. Согласно официальным тайваньским данным, их объем составил на конец 2009 г. 84,4 млрд долл. (в оценках же независимых экспертов приводятся намного более высокие цифры — свыше 150 млрд долл.). Операции на материке осуществляют около 70 тыс. тайваньских компаний, работают сотни тысяч тайваньских специалистов. В ближайшие годы в связи с принятием сторонами соответствующих решений следует ожидать значительного притока теперь уже материковых инвестиций на Тайвань. Пекин укрепил свои позиции на Тайване в условиях мирового финансово-экономического кризиса, поскольку именно КНР оказала наиболее существенную помощь переживающей серьезные трудности тайваньской экономике.

Важным направлением усилий Пекина является политика «проявления заботы о соотечественниках на Тайване». При этом, несомненно, учитывается один из главных элементов позиции Вашингтона, что тайваньское урегулирование должно осуществляться «мирным путем, самими китайцами». Происходят постепенные сдвиги в настроениях населения сторон в отношении друг друга, растет доверие между ними. Согласно проведенному на Тайване в июле 2010 г. опросу общественного мнения, 79,3% опрошенных поддержали ведение администрации Ма Инцзю дел с материком.

В то же время нынешний разворот в отношениях между сторонами, явные выгоды, которые несет Тайваню расширение экономических и иных связей с КНР, пока не привели к существенным изменениям в настроениях тайваньского населения в пользу воссоединения с материком. Большинство тайваньских жителей, как свидетельствуют проводимые на острове опросы общественного мнения, выступает за сохранение статуса: против объединения с материком, но и против провозглашения независимости, понимая, какими последствиями это может грозить.

Развитие диалога между Пекином и Тайбэем, перспективы воссоединения сторон неотделимы от общего геополитического контекста, в котором развивается диалог. В качестве важнейшего фактора здесь выступают американско-китайские отношения с уче-

том той роли, которую играют США в тайваньской ситуации. Их позиция остается главным препятствием на пути воссоединения Тайваня с материком.

Базовыми документами, регулирующими тайваньский вопрос в рамках взаимоотношений между Пекином и Вашингтоном, являются три известных китайско-американских коммюнике (Шанхайское коммюнике от 28 февраля 1972 г., коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР от 1 января 1979 г. и коммюнике от 17 августа 1982 г. по вопросу американских военных продаж Тайваню). В соответствии с этими документами США «признали правительство КНР в качестве единственного законного правительства Китая», «признали китайскую позицию о том, что существует один Китай и что Тайвань является частью Китая», взяли на себя обязательство ограничивать и постепенно сокращать продажи Тайваню американского оружия. Шаги администрации были дополнены американским Конгрессом, разработавшим к сильнейшему недовольству Пекина так называемый «Закон об отношениях с Тайванем», вступивший в силу 10 апреля 1979 г. В Законе содержались обязательства США развивать отношения как с «народом Тайваня, так и с народом на материке Китая», «снабжать Тайвань оружием оборонительного характера», указывалось, что «решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой базируется на ожидании, что будущее Тайваня будет определено мирным путем». Особое значение имела формулировка: «считать любые попытки определить будущее Тайваня иными, чем мирными средствами, включая бойкот или эмбарго, как угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана и как источник серьезного беспокойства для США». Важное значение для Пекина имеют так называемые «три нет» Б. Клинтона (заявление американского президента от 30 июня 1998 г.): «Мы не поддерживаем независимость Тайваня, ситуацию «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня». Мы не считаем, что Тайвань может быть членом какой-либо организации, требованием которой является статус суверенного государства». Клинтон также добавил, что «все это нужно делать мирным путем, как об этом говорит наш закон».

Заслуживают внимания касающиеся Тайваня положения совместного американо-китайского заявления от 17 ноября 2009 г. во время визита президента Б. Обамы в КНР. С американской стороны, в частности, было заявлено, что США придерживаются политики одного Китая и принципов трех американо-китайских совместных коммюнике. Была выражена поддержка усилий сторон пролива по расширению диалога и взаимодействия в сфере экономики, политики и пр. «Две страны (США и КНР) подчеркнули, говорится в заявлении, что фундаментальные принципы уважения суверенитета и территориальной целостности друг друга представляют собой ядро трех совместных американо-китайских коммюнике, которые определяют американо-китайские отношения. Ни одна из сторон не поддерживает любые попытки любыми средствами подорвать эти принципы».

Вряд ли следует ожидать, что Вашингтон пойдет в ближайшее время на серьезные уступки Пекину в тайваньском вопросе, тем более в условиях осложнившихся отношений сторон. Переход Тайваня под контроль Пекина нанес бы ощутимый удар по стратегическим интересам Соединенных Штатов в Восточной Азии, существенно усилил потенциал Китая, рассматриваемого Вашингтоном в качестве одного из главных соперников США в борьбе за мировое лидерство в XXI в.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры (36,2 тыс. кв. км территории, 23 млн чел. населения), Тайвань представляет собой внушительную экономическую величину. Совокупный объем его ВВП составил в 2009 г. 379 млрд долл. в номинальном исчислении (391,3 млрд долл. в 2008 г.), а объем внешней торговли — 378,1 млрд долл. (496,08 млрд долл. в 2008 г.). На сентябрь 2010 г. Тайбэй имел золотовалютные резервы на сумму 380,5 млрд долл. (4-е место в мире). Тайбэй успешно преодолевает последствия экономического спада из-за мирового кризиса. Согласно официальному прогнозу, его ВВП возрастет в 2010 г. на 8,24%.

Тайвань располагает значительными и хорошо оснащенными с помощью США вооруженными силами, расходует немалые средства на обеспечение своей безопасности. Причем необходимость поддержания обороны на должном уровне Тайбэй оправдывает «постоянными угрозами» со стороны материка, наращиванием КНР направленных против Тайваня оперативно-тактических ракет, способных накрыть всю территорию острова (по заявлению бывшего президента Чэнь Шуйбяня в его новогоднем послании от 1 января 2008 г. количество тактических баллистических ракет, развернутых Китаем на его стороне Тайваньского пролива, возросло с 200 в 2000 г. до 1328 на конец 2007 г.).

16 марта 2009 г. министерство обороны Тайваня опубликовало выпускаемый раз в четыре года обзор состояния тайваньских вооруженных сил (Quadrennial Defence Review), в соответствии с которым планируется — «в целях создания более эффективных и компактных сил» — сокращение вооруженных сил Тайваня с нынешних 275 тыс. до 215 тыс. в 2014 г. При этом тайваньские военные считают, что для поддержания обороноспособности Тайваня на должном уровне необходимо увеличить долю расходов на оборону с нынешних 2% до 3% ВВП. Во вступлении к обзору министр обороны Тайваня Чэнь Чаоминь подчеркнул, что реформирование вооруженных сил является гарантией против «безрассудных действий» со стороны материка и подводит солидную базу под переговоры между сторонами пролива.

В то же время США хотели бы избежать конфронтации с Китаем из-за Тайваня, особенно сейчас, когда мощь КНР существенно возросла. Ядром американской позиции в тайваньском вопросе остается сохранение статус-кво в течение как можно более длительного времени. Соединенные Штаты не раз предупреждали тайваньские власти против попыток одностороннего провозглашения независимости Тайваня.

С учетом вышесказанного многие наблюдатели ожидали, что администрация Б. Обамы постарается занять достаточно гибкую позицию в таком чувствительном для КНР вопросе, как американские военные продажи Тайваню (3 октября 2008 г. администрация Дж. Буша под занавес своего пребывания у власти объявила о намерении продать Тайваню оружие еще на сумму 6,5 млрд долл.). Этого, однако, не произошло. Но уже в январе 2010 г., буквально по следам только что закончившегося визита президента Б. Обамы в КНР, минобороны США объявило о внесении на утверждение Конгресса крупного пакета предназначенных для Тайваня новейших американских вооружений на указанную выше сумму: противоракетные комплексы «Пэтриот» (PAC-3), вертолеты UH-60M «Блэк Хоук», ракеты «Гарпун», многофункциональные центры управления боевыми операциями (MIDS/LVT-1), противоминные тральщики класса «Оспри». Пекин ответил временным свертыванием связей с США по военной линии, санкциями против тех американских компаний, которые участвуют в продажах оружия Тайваню, и некоторыми другими мерами.

Возникает вопрос, каковы в нынешней обстановке шансы на достижение тайваньского урегулирования, и каких действий следует ожидать от Пекина?

По мнению большинства экспертов, осуществление КНР военной операции по присоединению Тайваня маловероятно. Подобная операция трудно осуществима с военной точки зрения, учитывая мощный оборонительный потенциал Тайваня, американские обязательства по обеспечению защиты острова. Развернутые Китаем на своем побережье оперативно-тактические ракеты скорее являются средством устрашения на случай провозглашения независимости Тайваня, их применение нанесло бы острову непоправимый ущерб, что вряд ли отвечало бы интересам КНР. Исходя из этого, Пекин в обозримый период времени скорее всего постарается воздерживаться от каких-либо акций, которые могли бы осложнить обстановку в районе Тайваньского пролива.

В то же время весьма эффективной представляется избранная китайским руководством тактика «постепенного подтягивания» к себе Тайваня при помощи экономических, гуманитарных и иных рычагов. В Пекине не торопятся, понимая, что время ра-

ботает на КНР, тем более что пути к оформлению де-юре независимости Тайваня надежно перекрыты.

Ключевое значение в нынешней обстановке приобретает работа по привлечению на сторону КНР тайваньского населения, достижение договоренности с тайваньскими властями о мирном воссоединении сторон, что лишило бы Вашингтон повода для вмешательства в тайваньскую ситуацию.

Свою роль может сыграть и такой фактор, как дальнейшее углубление демократических процессов в КНР, расширение контактов между тайваньским населением и жителями материка, что будет снижать опасения населения Тайваня, связанные с перспективой объединения при понимании того, что будет сохранен нынешний уклад жизни на Тайване, как это имело место в договоренностях по Гонконгу и Макао.

А.Г. Ларин

Возвышение КНР, превращение ее в мировую величину с мощной сетью экономических связей в регионе автоматически ведет к маргинализации Тайваня. Развивая торгово-экономические отношения с островом, другие страны вынуждены оглядываться на Пекин: не проявит ли он недовольство. На сегодня, по мнению тайваньских экспертов, в отношениях с материком Тайбэй отстал от других государств региона на 10–15 лет. Соглашение «АСЕАН+1» поставило перед перспективой краха важнейшие сектора тайваньской промышленности, работающие на экспорт в Китай. Неблагоприятное положение Тайваня, 70% ВВП которого дает экспорт, ухудшается еще больше из-за мирового финансового кризиса, а также разрушительных последствий тайфуна «Моракот».

Поэтому Рамочное соглашение с материковым Китаем имеет для Тайваня с его узким внутренним рынком жизненно важное значение. Оно должно, прежде всего, открыть доступ на рынок материка традиционным отраслям промышленности острова, таким как нефтехимическая, тяжелое машиностроение, сталелитейная, текстильная, производство пластмасс и строительных материалов. Речь идет об огромном ассортименте товаров, включающем в себя многие сотни позиций. В настоящее время эта продукция, в отличие от электроники и информационных технологий, подлежит обложению высокими таможенными пошлинами. В дальнейшем на Тайване рассчитывают на существенное укрепление торговых и инвестиционных связей и с материком, и со странами АСЕАН, в том числе в различных формах трехстороннего сотрудничества.

Китай идет навстречу запросам Тайваня, поскольку заинтересован и в подъеме экономики своего партнера, и в продолжении процесса интеграции — здесь налицо зависимость сторон друг от друга. Для Тайваня экономическая интеграция с материком является безусловным императивом, которому подчинялся даже Чэнь Шуйбянь. Для Китая мирная интеграция — фактически тоже единственный рациональный вариант отношений «через пролив», однако у него большее пространство для маневра: он может спокойно работать, привязывая Тайвань к себе все теснее, но может и попытаться форсировать процесс, оказывая посредством экономических рычагов давление на тайваньскую деловую и политическую элиту, с тем чтобы побудить ее согласиться на объединение.

К выбору второго варианта Пекин может подтолкнуть понимание того обстоятельства, что население острова вряд ли когда-либо добровольно пойдет на объединение — по крайней мере, до той отдаленной поры, когда оба берега не сравняются по уровню жизненных стандартов и состоянию демократических свобод.

Представляется, что в руководстве КНР имеются сторонники обоих подходов, и хотя в настоящее время преобладает мягкий подход, линия поведения в отношении Тайваня является результатом компромисса. Если мягкий подход возобладает окончательно, ничто не мешает Пекину предпринять односторонние шаги в военной сфере. Пойти на такой, например, демонстративный шаг, как частичный или даже полный отвод ракет, дислоцированных напротив острова. Вполне очевидно, что КНР сможет вернуть ракеты

обратно, если Тайбэй начнет переориентацию в направлении сепаратизма, и даже применить силу в случае его попытки провозгласить независимость — такая попытка заведомо не может быть мгновенной и неожиданной для Пекина.

В.Я. Портяков

Несколько слов о российско-китайских отношениях. Я полагаю, что в ходе недавних визитов президента Д.А. Медведева в Китай и премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Россию и специалисты, и общественность нашей страны имели возможность ознакомиться с детальной оценкой этих отношений в совместных коммюнике и в многочисленных материалах и комментариях в СМИ. Отмечу лишь, что официальные отношения находятся на высоком уровне, весьма диверсифицированы и постоянно пополняются какими-то новыми элементами. Например, по итогам визита Вэнь Цзябао было объявлено о создании специального рабочего органа по молодежным обменам между двумя странами, что, мне кажется, весьма своевременно.

Следует упомянуть и о таких знаковых событиях, как выход в 2010 г. на докризисный уровень двустороннего товарооборота, успешное развитие сотрудничества в нефтяной сфере, приближение к конкретным договоренностям об условиях поставок российского природного газа в Китай. Судя по публикации в газете «Ведомости» от 23 ноября 2010 г., на недавнем заседании двусторонней комиссии по военно-техническому сотрудничеству удалось решить ряд застарелых проблем, в том числе вопрос о поставках в КНР российских военно-транспортных самолетов. Теперь речь идет о самолете Ил-476, который будет производиться в Ульяновске (ранее речь шла об Ил-76 и Ил-78 ташкентского производства). Крупным событием в гуманитарном сотрудничестве стали языковые года — русского языка в Китае в 2009 г. и китайского языка в России в 2010 г.

В то же время при общей позитивной оценке двусторонних российско-китайских отношений в них явно есть пространство для дальнейшего углубления и совершенствования.

Отмечу прежде всего следующее обстоятельство. Когда в 2005 г. мы проводили «Круглый стол» журнала по китайской коллективной монографии о двусторонних отношениях под редакцией Луань Цзинхэ, я высказал мнение, что, судя по разделам книги, посвященным современным отношениям между КНР и РФ, наше двустороннее сотрудничество на современном этапе выглядит скорее как брак по расчету, чем как брак по любви. Мне трудно отделаться от ощущения, что и после пяти лет серьезных усилий по укреплению взаимного доверия ситуация остается прежней: брак по расчету сохраняется, но в брак по любви он все еще не трансформировался. Причем оба партнера периодически предпринимают шаги, вызывающие непонимание или даже неудовольствие другой стороны.

Из недавних событий я бы выделил сюжет, связанный с декларированной российским руководством задачей модернизации России. Москва явно обидела Китай, не включив его с самого начала в число «партнеров по модернизации» и не заявив о создании с Пекином «модернизационного альянса». А российские эксперты либерального толка, например, Евгений Ясин, заявили о непримлемости для России китайского опыта модернизации («Русский журнал», интернет-издание от 14 декабря 2009 г.). Кое-кто и вовсе охарактеризовал модернизацию в КНР как «второсортную» на том основании, что ее важным компонентом стало массовое производство техники и оборудования западного происхождения. Не рассматривая эту проблему по существу — она требует специального и весьма детального анализа — отмечу лишь следующее. Во-первых, Пекин предметно осуществляет модернизацию уже более 30 лет, тогда как Москва лишь приступает к решению задачи. Во-вторых, китайское научное сообщество сумело разработать стратегию осуществления модернизации на разных этапах с разветвленным «деревом целей». Она послужила практическим ориентиром для руководства страны. В 1980-е гг. эту

роль выполнила серия из 15 фундаментальных монографий, объединенных общей шапкой «Китай в 2000-м году». А в нынешнем веке эту роль играют ежегодные доклады о модернизации Китая («Чжунго сяньдайхуа баогао») и доклады об устойчивом развитии Китая («Чжунго кэ чисюй фачжань баогао»). Российские же ученые левого и правого толка, государственники и западники не сподобились создать чего-либо и близко похожего по своей практической значимости и общественному звучанию. Создается ощущение, что в России до сих пор не сложилось адекватное понимание существа китайского опыта преобразований.

В то же время российский бизнес намного реальнее представляет себе достигнутый Китаем уровень модернизации. Он, можно сказать, деньгами голосует за использование в России плодов китайской модернизации, о чем свидетельствует неуклонный рост доли машин и оборудования в российском импорте из КНР. Здесь, однако, кроется еще одна сложная проблема двусторонних отношений, возможно, даже ключевая.

Речь идет о том, что производственная деятельность российского бизнеса в нарастающей степени переносится в Китай, обескровливая и без того «лежачую» отечественную перерабатывающую промышленность. Запретами тут не помочь, нужно радикальное улучшение инвестиционного климата в России, реальная защита отечественного бизнеса от «крышевания», «откатов» и т.д. Кроме того, только равноценное налаживание перерабатывающих производств в России позволит Программе сотрудничества Дальнего Востока и Восточной Сибири с северо-восточными провинциями КНР на 2009–2018 гг. не остаться в основном на бумаге. Это должны ясно понимать власть предержащие и в России, и в Китае.

Вполне естественно, что Китай беспокоит и нынешнее сближение НАТО и России — или, по меньшей мере, прощупывание возможностей налаживания взаимодействия. Известно, что первая реакция Пекина на новости такого рода была сугубо негативной, тем более что они «вписывались» в идею более широкого поворота России к Западу, впервые нашедшую отражение в публикациях журнала «Русский ньюсуик» в мае 2010 г. Публикации китайских СМИ на эту тему в последние месяцы стали спокойнее, есть понимание того, что Россия объективно нуждается в улучшении отношений с США, Европой, развитыми странами в целом. Важно, однако, помнить, что геостратегически Россия ценна для Китая, прежде всего, как надежный тыл сейчас и в будущем. Поэтому Китай как одного из немногих стратегических партнеров России необходимо на регулярной основе и в упреждающем режиме информировать о подвижках в российской политике на евроатлантическом направлении, разъяснять те или иные шаги.

Что касается действий китайской стороны, то определенным раздражающим фактором остается продолжающаяся и после окончательного решения пограничного вопроса публикация в КНР материалов о якобы утраченных страной территориях. Одним из последних примеров такого рода является заметка «Как Китай «потерял» Японское море» в журнале «Шицзе чжиши» (Знания о мире. 2010. № 17), воспроизводящая китайскую версию нашего территориального размежевания в XVII—XIX вв. В Китае любят апеллировать к тому обстоятельству, что, дескать, историю не изменишь, но нельзя не видеть, что публикации такого рода вольно или невольно вбрасывают в массовое сознание идею исторического реванша. Это бросает тень на нынешний статус Китая как ответственной глобальной державы. История всегда неспроста, но почему-то, к примеру, в Дании никто не сетует по поводу утраты когда-то принадлежавшей ей южной Швеции.

У нас есть обоюдный интерес к углублению партнерства и стратегического взаимодействия. Сложившийся уровень отношений — давний, как подчеркивают в Пекине, нелегко — надо ценить и всемерно оберегать.

А.О. Виноградов

Общее изменение архитектоники международных отношений в мире — результат процессов, происходящих в нем на протяжении первого десятилетия текущего века. Факторы, которые способствовали этому процессу — внешнеполитическая деятельность администрации Дж. Буша-мл., особенно вторжение в Ирак, мировой экономической кризис и ряд других. Все это содействовало активизации и росту влияния стран, которые до того таким влиянием не обладали — Индии, Бразилии, Венесуэлы, Аргентины, Ирана, отчасти России. Одновременно уменьшилось влияние прежних центров силы — США и Западной Европы (ЕС), которые оказались наиболее пострадавшими в результате кризиса (не только и не столько экономически, сколько с точки зрения имиджа, идеологического влияния, контроля за мировыми процессами). Возвышение Китая — наиболее яркое и значимое проявление этого процесса. Однако сам по себе он более широк и затрагивает самые различные стороны (например, кризис европейской идентичности, изменение роли старых международных организаций, создание новых).

Эти изменения во внутреннем содержании международных отношений должны повлечь за собой определенные трансформации — и в их существующей структуре (это касается не только Вестфальской системы, роли ООН, но многого другого), и в поведении различных акторов на международной арене. Пример Китая в этом отношении тоже наиболее яркий, но далеко не единственный. Рост национализма характерен не только для Китая — уже сегодня есть примеры схожего усиления националистических моментов во внутренней и внешней политике отдельных стран (Россия, Венесуэла и др.).

Конкретные параметры формирующейся новой системы международных отношений сегодня с уверенностью предсказать нельзя — она претерпевает слишком фундаментальные качественные изменения, которые могут повлечь за собою смену системы координат и семантических полей, меняющую и всю систему оценок.

Тенденция, которая сегодня обращает на себя основное внимание — общий рост неустойчивости, конфликтности, неуправляемости в международных отношениях. С.Г.Лузянин метко назвал этот процесс их «хаотизацией». Если использовать физические термины, можно говорить о росте энтропии в мировых процессах (энтропии в широком смысле — как меры беспорядка в сложных и сложно управляемых системах).

К этому добавляется практически повсеместное усиление в самых различных странах, а не только в Китае, внутренних проблем, в первую очередь социальных и национальных (наиболее яркие примеры — события последних лет в странах Европы и в России). Желание правящих элит отвлечь население от социальных проблем и попытаться сплотить его под лозунгами национального единения, педалирование национальных чувств только усугубляет ситуацию, одновременно обостряя международную обстановку (Иран, арабские страны, Северная Корея и др.).

Помимо этого, все более настойчивыми и обращающими на себя внимание становятся философские рассуждения об ограниченности технического прогресса, переживаемого очередной тупик. Причем этот тупик представляется более серьезным, чем предыдущие — каждый раз технический, технологический прогресс, выходя на новый уровень, опережает способность человечества управлять им, выходит из-под контроля, однако разрыв раз за разом увеличивается. Другими словами, увеличение технологической оснащенности объективно сопровождается снижением культурного уровня. Тем не менее, общее снижение культурного и духовного уровня, вульгаризация знания (редукция гуманитарного знания, по выражению О.И. Генисаретского), рост его прикладной составляющей в ущерб общему пониманию, то есть общая деградация человеческого фактора — вроде бы никем не оспаривается. Человеческий фактор не только не поспевает за техническим прогрессом, но и ухудшается в процессе развития технологий. Не последнюю роль в этом играет развитие информационных технологий, телевидение: количество информации и способы ее подачи приводят к тому, что человек оказывается не в состоя-

нии анализировать содержание, воспринимать его на вербальном уровне; способность к анализу постепенно атрофируется, в результате формируется фрагментированное сознание, исчезает способность делать выводы и осознавать последствия своих действий. Характерные примеры последних технологических катастроф и происшествий (катастрофа ГЛОНАСС в РФ, серьезная авария новейшей атомной подводной лодки в Великобритании и многие другие примеры — тоже показатели роста энтропии, хаотизации).

Если рассматривать кризис с точки зрения принципов функционирования мировой экономики, он еще не закончился. Прежде всего это касается кризиса мировой финансовой системы, сами принципы функционирования которой нуждаются в кардинальном изменении. Это понимают и в РФ, и в КНР, и в США, однако все попытки удержать ситуацию или предложить пути выхода из нее представляются идеалистическими или наивными.

Именно неосведомленность относительно параметров меняющегося мира (отсутствие возможности обоснованного прогноза того, каким он будет) и объясняет, на мой взгляд, непонимание в Китае того, что делать с усилившейся мощью страны. Кстати, возможно, именно восприятие истории как циклического, а не прямолинейного процесса является одной из причин выбора китайскими лидерами адекватной стратегии. Принимать стратегические решения, осуществлять долгосрочное планирование в условиях кардинально меняющегося мира и международной обстановки не только сложно, но и бесполезно с практической точки зрения. Стратегическая составляющая возможна на уровне постановки самых общих целей, а текущая политика строится путем реагирования на возникающие вызовы и проблемы. В этих условиях наличие нерешенных пограничных вопросов, поддержание статус-кво, сохранение их «про запас» — это своего рода «припрятывание козырей» в мировой игре, которые при случае можно будет вынуть.

В силу этого все более важное значение для России в ее отношениях с Китаем приобретает социально-экономическая обстановка на российском Дальнем Востоке. Ситуация, которая сложилась сегодня в регионе, серьезно осложняет эти отношения, порождая подозрительность, с одной стороны, и желание воспользоваться слабостью партнера, экспансионистские устремления, с другой. Небрежение Центра к проблемам российского Дальнего Востока (хотя последнее совещание в Хабаровске вызывает сдержанный оптимизм) — причина объективного желания населения этого региона перейти под юрисдикцию КНР. Эта же ситуация позволяет определенным кругам в США спекулировать на китайской угрозе РФ в попытке осложнить российско-китайские отношения и вовлечь Россию в «сдерживание» Китая.

Как показала китайская реакция на уступки с российской стороны, решение пограничного вопроса в 2004–2008 гг. отнюдь не гарантирует нас от возникновения у КНР дальнейших претензий по поводу границы. Необходимо добиваться заключения нового договора о границе, однако и эту меру не стоит переоценивать. Договор, безусловно, нужен, но он не будет являться полноценной гарантией. Единственная гарантия — ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и укрепление его связей с остальной частью РФ. Поэтому экономические проекты и взаимодействие должны быть многосторонними (с привлечением Японии, Кореи, европейских и других стран), а не двусторонними, в которых инициатива к тому же принадлежит китайской стороне, преследующей собственные интересы. При этом, как уже неоднократно подчеркивалось, целью всех без исключения проектов должна быть стратегическая привязка Дальнего Востока к центральной России, сохранение там российского влияния.

М.Л. Титаренко

Состоявшееся обсуждение касается очень актуальной и весьма обширной темы. Она охватывает и вопросы понимания происходящих в глобализирующемся мире изменений, и осмысление опыта адаптации Китая к этим изменениям. Нас, разумеется, инте-

ресует не только чисто академическое понимание этих изменений, но и то, как Китай *оказывается зачастую способным воспринимать эти изменения как шанс* для своего развития и укрепления. Вот этот аспект китайского опыта имеет для нас особо актуальное значение.

В выступлениях коллег были обстоятельно рассмотрены главные направления политики Китая и то, как эта политика учитывает потребности внутренней и международной жизни, в какой мере она благоприятствует развитию российско-китайского партнерства и какие аспекты китайского опыта могут для России быть полезными или иметь негативное влияние.

Мне хотелось бы затронуть некоторые методологические аспекты понимания китайской политики реформ и открытости как наиболее эффективного способа адаптации к быстро меняющемуся миру. Как в этой связи данная методология проявляется в подходах Китая к развитию отношений с Россией.

При рассмотрении обсуждаемой проблемы необычайно быстрого роста международного влияния Китая стоит, на мой взгляд, обратить серьезное внимание на следующие три момента.

Главной политической силой, стержнем единства и стабильности Китая является, как известно, 78-миллионная КПК. Разумеется, реально в стране пока еще по существу не созданы материальные, т.е. экономические и социальные, а также культурно-идеологические предпосылки строительства общества социальной справедливости — социализма. Однако КПК неуклонно и неизменно провозглашает своей программной целью именно построение китайской формы социализма. Сами китайские теоретики именуют это будущее общество «социализмом с китайской спецификой».

В отличие от Мао Цзэдуна, который стремился подстегнуть историю плеткой в виде массовых политических кампаний, нынешние лидеры КПК вслед за Дэн Сяопином в этом кардинальном вопросе проявляют исключительный реализм, политическую трезвость и прагматизм. Они вслед за классиками заявляют, что построение общества справедливости — социализма — возможно лишь на базе высочайшего развития производительных сил, на основе самых передовых достижений науки, техники и культуры производства, высокого общего культурного уровня всего населения и широчайшего развития народного самоуправления и демократии.

Поскольку все вышеназванные предпосылки пока находятся в зачаточном виде, китайские руководители, сохраняя программную цель — социализм, в качестве мобилизующей идеи, в практической политике следуют прагматическим подходам в развитии многоукладной экономической основы общества, используя методологию конвергентности. Это означает, что практическое решение задач демократической революции и индустриализации с самым широким использованием рыночных механизмов и моделей управления и распределения доходов, присущих развитому капитализму, сочетается с политическими и идеологическими формами организации, выходящими за рамки капиталистической формы организации общества и распределения. Учитывая незрелость этих форм политической и экономической организации с точки зрения провозглашаемых идеалов социализма, китайские теоретики заменяют лозунг построения социализма на данном этапе формулой «сяокан», т.е. «построение общества малого достатка». Эта идея заимствована из конфуцианского канона «Ли цзи».

По сути, эта практика становится классическим примером сочетания, казалось бы, двух несочетаемых элементов — даосской диалектики сочетания двух в одном («хэ эр эр и»), т.е. конвергентного сочетания элементов капитализма и социализма. Вместе с тем, в качестве стратегической перспективы сохраняется и другая сторона этой диалектики «разделение одного на два» («и фэнь вэй эр»), которое может произойти по мере вызревания социалистической компоненты этого двуединства.

Немало политологов, игнорирующих эту специфику политической стратегии Китая и стратагемный характер мышления китайских идеологов, их замысловатую многослойную диалектику, опираясь на анализ текущих событий и текущей политики и тактики китайских лидеров, утверждают, что в Китае под руководством КПК идет строительство развитой рыночной экономики капиталистического типа. С точки зрения толкования текущих событий сегодняшней практики КПК эти утверждения имеют определенные основания. Но с точки зрения понимания стратегии действий КПК — такой вывод односторонен и неверен. Это первое, что касается социально-политического позиционирования Китая в современном мире.

Далее. Феноменальные достижения Китая, особенно за последние 30 лет, с одной стороны, привлекают к КНР внимание всего мира, вызывают среди широких слоев китайского народа законное чувство гордости за свою страну. Учитывая, что с середины XIX до середины XX вв. Китай подвергался унижению и дискриминации со стороны развитых держав Запада и Японии, среди части китайского населения, особенно молодежных слоев, интеллигенции возникают националистические и даже гегемонистские тенденции, выходящие за пределы патриотизма. Они выражаются в завышенных оценках международного статуса Китая и его возможностей влиять на мировую политику. Справедливое осуждение ими гегемонизма США, отрицание их «политики с позиций силы», претензий на руководство в мире, на бесцеремонное вмешательство во внутренние дела других стран и т.п. сочетаются у них с заявлениями о том, что «Китай более достоин руководить миром» и что он должен не только экономическими методами, но и мечом отстаивать свои интересы в мире, в борьбе за рынки сбыта и ресурсов.

Хотя такая радикальная позиция части молодых интеллектуалов от политики и журналистики открыто не осуждается, но официальные заявления руководства страны и КПК резко отличаются от экстремистских деклараций.

Этим заявлениям присуща необычная скромность, выдержка и достоинство. В них подчеркивается, что огромные абсолютные цифры действительно великих достижений Китая в области экономики, финансов, освоения космоса, индустриализации и модернизации страны в целом следует оценивать в соотношении с огромным, почти полуторамиллиардным населением страны. Да, Китай по совокупному ВВП стал второй после США мировой экономикой. Да, Китай имеет самые большие в мире золотовалютные запасы (2,4 трлн долл.). Действительно, по производству более чем 30 основных видов современной промышленной и сельскохозяйственной продукции Китай занимает лидирующее место в мире (сталь, чугун, редкие металлы, добыча золота, вольфрама, олова, производство зерновых, мяса, молока, яиц, шелка, всех видов тканей, чая, аудиовидеотехники, сборка компьютеров и т.д.). Но по производству всех вышеназванных и не названных видов продукции на душу населения Китай занимает место за пределами первой сотни, а по уровню жизни отстает от развитых стран более, чем в 15 раз. Китайские руководители настаивают, что их страну, в лучшем случае, можно отнести к сравнительно развитым странам среди развивающихся государств, т.е. к «третьему миру».

Китайские лидеры заявляют, что они следуют завету Дэн Сяопина «не стремиться возглавлять что-либо, не быть первым», словом, «не высовываться». Официальные документы ЦК КПК и правительства КНР неизменно призывают концентрировать внимание на вопросах комплексного решения экономических и социальных задач развития страны, преодолении серьезного разрыва между уровнем развития приморских и внутренних районов, на сокращении опасно растущего разрыва между уровнями доходов сравнительно узкой прослойки деловых людей и правящей элиты и качества жизни и социального обеспечения жителей городов и огромной массы крестьянства. Из этого следует, что китайское руководство вполне отдает себе отчет в том, что чрезмерное увлечение державной риторикой и значительное усиление вовлеченности Китая в решение мировых вопросов могут неоправданно отвлечь значительную часть его внимания и мате-

риальных ресурсов от решения крайне острых и безотлагательных многочисленных внутренних проблем. Именно подчеркивание приоритетного внимания к решению собственных проблем внутреннего развития страны, защите национальных интересов Китая на международной арене, включая вопросы обеспечения территориальной целостности, суверенитета КНР, мира и безопасности вокруг границ Китая, является характерной особенностью общей стратегической линии во внешней политике КНР. Такой подход в целом соответствует объявленному Пекином тезису о том, что Китай не будет проводить гегемонистскую политику и не будет стремиться стать гегемоном.

Конкретной иллюстрацией этого является то, как китайское руководство отвергло выдвинутое Вашингтоном предложение «G-2», т.е. о том, чтобы США и КНР совместно управляли миром.

Разумеется, декларации китайских лидеров о том, что «Китай не стремится к гегемонии» вовсе не означают, что по мере растущей мощи и влияния Пекин время от времени не будет использовать для достижения своих целей те или иные приемы из арсенала мирового гегемона, т.е. США.

Наконец, третье соображение касается того, какое именно влияние в широком смысле на Китай, его руководство, правящую элиту, на различные слои населения и на внешний мир оказывают необычайно высокие темпы подъема Китая. размах его индустриального и культурного развития и влияния. Это далеко не простой вопрос и он, на мой взгляд, требует специального обстоятельного рассмотрения. Китайское руководство сумело тщательно взвесить всю сложную мозаику внутренних и внешних факторов и выработать наиболее эффективную политическую линию, которая учитывает реальные возможности и особенности страны и новой международной обстановки после распада двупольного мира, крушения социалистического содружества во главе с Советским Союзом, резко возросшей востребованности Китая как политического и экономического партнера в решении многих проблем развития, обеспечения баланса сил и международной безопасности, необходимости удовлетворения алчности потребительского общества развитых и развивающихся стран.

Китай умело и гибко воспользовался всеми открывавшимися для него шансами глобализирующегося мира. Не случайно в Китае сложилось целое течение политической мысли — *шансология*.

Особенно следует подчеркнуть ту исключительно важную, если не решающую роль, которую сыграло умение китайского руководства извлечь уроки из трагедии т.н. «культурной революции» и с помощью великой *общенациональной идеи возрождения Китая и построения общества благоденствия*, идеи, близкой и памятной каждому китайцу, развернуть созидательную деятельность по обновлению облика страны и образа жизни каждого китайца. Эта общенациональная идея позволила сконцентрировать физические, духовные, нравственные, финансовые, культурные, людские силы на решении задач экономического и культурного подъема страны, улучшения и преобразования качества жизни каждой китайской семьи и каждого китайца. Это огромная мобилизующая сила лозунгов политики реформ и открытости. О положительном опыте этой практики проведения реформ и модернизации можно говорить и писать очень много. В данном случае хотелось бы привлечь внимание к своеобразному негативному аспекту психологического восприятия простыми тружениками Китая и внешним миром исключительно высоких темпов осуществления курса реформ и роста влияния страны.

Жизнь подтверждает философский тезис о том, что человеческие идеи, с одной стороны, творят и преобразуют мир, а с другой, до сознания социума в целом и большинства рядовых граждан с большим опозданием доходит глубинный смысл происходящих изменений.

Но темпы и масштабы этих изменений, воспринимаемые через личный опыт и условия жизни каждого индивида, оказывают на него огромное влияние. Это влияние

носит многоплановый характер. Нас в данном случае интересуют разрывы — социально-психологический феномен, который ныне получает широкое распространение в Китае — между чрезвычайно быстрыми изменениями в экономике, политике и международном статусе страны и сравнительно медленным ростом материального и культурного уровня огромной массы трудового населения города и деревни, растущая социальная и имущественная поляризация среди трудового населения городов и деревень.

В условиях крайне высоких темпов накопления (более 50%) массам рядовых тружеников трудно понять, почему столь быстро меняется образ городов и сел, но образ жизни сотен миллионов простых людей остается столь низким и примитивным. Почему в стране со столь быстрым развитием образования и науки по-прежнему неграмотны более 150 млн чел.? Все это порождает опасную социальную напряженность, особенно в сельской местности, да и в городах. Это подрывает связи КПК с ее социальными корнями.

Решение этой проблемы требует коренного совершенствования социальной политики правительства, изменения пропорций между накоплением, капитальными вложениями и долей средств, идущих на потребление, на оплату труда и социально-культурные нужды населения.

Во внешнем плане столь быстрый подъем Китая и резкий рост его мирового влияния также вызывает неоднозначную реакцию. Некоторые партнеры и соседи с опасением смотрят на быстро растущий Китай. Среди политологов-международников довольно часто можно встретить завышенные нереалистические оценки относительно возникшего изменения политики Китая по мере его возвышения. У стран, имеющих тесные торгово-экономические связи с Китаем или являющихся реципиентами его экономической и культурной помощи, возникают завышенные ожидания и требования к Китаю как к партнеру, которые он не может в настоящее время выполнить без серьезного ущерба для себя. Это, в свою очередь, порождает те или иные трения, на решение которых Китаю также приходится тратить немало усилий.

Китайское руководство, как показывает его реальная практика, учитывает это в своих практических подходах к выработке стратегии и тактики политического курса. Это выражается, прежде всего, в выдержке и тщательной взвешенности подходов к методам проведения политической реформы, во взаимоотношениях партии и государственных органов, взаимодействии центра и регионов, в том внимании, которое уделяется совершенствованию методов макрорегулирования и постоянному сокращению, я бы сказал, сжатию методов прямого административного влияния на экономическую и политическую жизнь страны, приданию административным действиям государства как в центре, так и на местах большей открытости и доступности, в тех больших усилиях по борьбе с бюрократизмом и коррупцией, которые прилагает руководство страны.

Особо следует отметить в этом плане тщательно продуманную тактику адаптации руководящей роли КПК в ее идеологических и организационных принципах к новым социально-политическим условиям страны, что выразилось, прежде всего, в том, что КПК предстает в сознании общества не как сугубо классовая организация рабочих и крестьян, а как общенациональная руководящая сила, координирующая, консолидирующая общество.

Сдержанная замена лозунга «возвышение Китая» лозунгом «мирное развитие Китая» также свидетельствует о понимании китайским руководством всей сложности влияния процесса роста совокупной мощи Китая на национальное самосознание и восприятие китайцев вовне. Очень важным моментом в этом плане является, во-первых, новая концепция развития, которая предусматривает комплексные подходы к сочетанию экономических, политических реформ, чисто экономических и социальных факторов, гармонизацию межрегиональных отношений и уважение к развитию внутренних районов страны, к решению социальных проблем города и деревни и снижению уровня со-

циальной и имущественной дифференциации и поляризации. Во-вторых, само развитие Китая ныне не отчуждается от развития мира в целом, отсюда появление концепции инклюзивного развития, т.е., говоря русским языком, рассмотрение вопросов стратегии развития страны с учетом общеглобальной ситуации, с учетом интересов развития партнеров Китая, т.е. совместного развития, *соразвития*.

Что касается российско-китайских отношений, то, как мне представляется, Россия как партнер должна с пониманием относиться к опыту Китая в решении его внутренних проблем, учитывать внутренние трудности и опасности этих проблем.

Важной предпосылкой того, что российско-китайские отношения и взаимопонимание между лидерами двух стран в политическом плане достигли наивысшего уровня, является, прежде всего, то, что обе стороны не вмешиваются в дела друг друга, не стремятся поучать или упрекать друг друга в том, как они решают свои внутренние проблемы. Россия и Китай уважают выбор друг друга, и если это рассматривать как долговременный фактор, как методологическую основу выработки политики уважения друг друга, то можно смело прогнозировать благоприятные перспективы развития российско-китайских отношений. Отношения, построенные на таком взаимопонимании, приобретают синергетический характер и создают условия для экономического процветания, соразвития и своеобразного соревнования в эффективности решения тех или иных проблем. С моей точки зрения, самой большой опасностью для будущего российско-китайских отношений может стать неправильное понимание роста международного влияния Китая как угрозы интересам России. Многовековой опыт сосуществования России и Китая показывает, что эти две страны нужны друг другу как партнеры, и их взаимодействие и добрососедство являются взаимной гарантией территориальной целостности и суверенитета каждой из стран. Твердое и принципиальное следование духу и букве Российско-Китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. не только отвечает коренным долговременным интересам двух государств и народов, является гарантией мира и безопасности не только в регионе, но и фактором глобального значения.

В.Я. Портяков

Уважаемые коллеги, спасибо всем.

1. Жэньминь жибао хайвай бань. 10 ноября 2010 г.
2. <http://theory.people.com.cn/GB/13088413.html>
3. *Малкин В.* Силиконовый тупик // Ведомости. 2010. 24 нояб.
4. Белая книга КНР по вопросам национальной обороны. 2008.
5. East Asian Strategic Review 2007. P. 57.
6. Там же.
7. ИА «Интерфакс». 21.07.2008.
8. *Кобелев Е.* Вьетнам: политике «мой дом» — 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 53–54.
9. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности М., 2007. С. 171–173.
10. <http://www.rian.ru/world/20100130/206988589.html>.
11. People's Daily Online. 14.03.2005.
12. Белая книга КНР по вопросам национальной обороны. 2006. — <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
13. The Military Balance 2004–2005. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2004.
14. АРМС-ТАСС. 16.2009.
15. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 06.05.2008.
16. <http://www.bigness.ru/news/2010-01-22/oil/102897>.

17. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности М., 2007. С. 76.
18. China's National Defense 2008. —
(http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7060059.htm).
19. Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М., 2009. С. 126.
20. Жэньминь жибао он-лайн, 04.03.2009.
21. <http://www.inosmi.ru/world/20100307/158458941.html>.
22. Ibid.
23. International Strategic Studies, 2nd Issue 2010. P. 16.
24. East Asian Strategic Review. 2008. P. 94.
25. Gunness K. (The CNA Corporation). China's Military Diplomacy in an Era of Change // China's Global Activism: Implications for U.S. Security Interests. National Defense University. June 20. 2006.
26. Ibid.
27. По мнению ученых, список «новых» противоречий, сдерживающих внешнеполитическое поведение КНР, на сегодняшний день значительно больше. В него как минимум можно еще включить: а) стремление представить себя великой державой и объективные реалии страны третьего мира; б) «политика открытости» и принцип «абсолютного суверенитета»; в) «идеологическая чистота» и политический прагматизм; г) поведение в рамках двусторонних отношений. См.: *Wu Xinbo*. Four Contradictions Constraining China's Foreign Policy Behavior Chinese Foreign Policy, Pragmatism and Strategic Behavior. New York, 2004. P. 58–65
28. См.: Шицзе чжэюа гоцзя цзунхэ голи пингу [Оценка комплексной государственной мощи мировых держав] // Цюаньцю чжаньлюэ дэ гэцзюй [Глобальная стратегическая архитектура. Международное окружение Китая в новом веке]. Пекин, 2000. С. 3.: *Yan Xuetong*. The Rise of China and Its Power Status. // Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. P. 5–33.
29. http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/Mamonov_Chines_Intereses_in_Afganistan.pdf
30. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/rankorderguide.html>. По показателю ВВП в долл. США, рассчитанному по текущему обменному курсу, КНР занимает то же 2-е место, Индия — 11-е. —
<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/weorept.aspx?sy=2009&ey=2009&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c&s=NGDPD&grp=0&a=&pr.x=48&pr.y=9>
31. Рассчитано по данным МВФ. —
<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/index.aspx>; Добавим, что в 1978–2007 гг., по данным ученых ИДВ РАН, среднегодовые темпы роста ВВП КНР составили 9,8%, что более чем втрое превышает темпы роста мировой экономики.
32. <http://en.wikipedia.org/wiki/BRIC>
33. A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India. —
<http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjw/zjzg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>
34. <http://www.zeenews.com/news668406.html>
35. http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-01/19/content_179311.htm
36. <http://www.indianembassy.org.cn/DynamicContent.aspx?MenuId=3&SubMenuId=0>
37. <http://opinion.globaltimes.cn/editorial/2009-06/436174.html>
38. «China rejects India's allegation of border crossing incidents», —
<http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6676788.html>; CHINA: Chinese media attacks India over reports on troop deployment on border. The Times of India, Friday, June 12, 2009. —
<http://www.asiamedia.ucla.edu/article.asp?parentid=109457>; India's unwise military moves; People's Daily Online. —
http://posts.people.com.cn/bbs_new/filepool/htdoc/html/fa55b84865e12e8cfed39984b53db6282017122b/b3594639/1_3594639_1.html
39. Indian PM's visit a provocative move. — <http://opinion.globaltimes.cn/editorial/2009-10/476836.html>
40. China's High Risk India Gamble. —
http://www.idsa.in/idsacomments/ChinasHighRiskIndiaGamble_sdutoa_030910
41. <http://rupeenews.com/2010/09/07/chinas-kashmir-gambit-stakes-in-india-pakistan-dispute/>
42. How China is using Pakistan to counter India. —
http://publication.samachar.com/pub_article.php?id=10036121&navname=International&moreurl=http://publication.samachar.com/rediff/websites/international/rediff.php&homeurl=http://publication.samachar.com&nexuids=|10021095&nextIndex=47

43. Б. Обама в ходе визита в Индию уделит внимание одним вопросам, но упустит из виду другие. — <http://russian.people.com.cn/31520/7193872.html>
44. A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjfb/zsjg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>
45. Wen Jiabao to visit India to bury differences. HANOI, Vietnam, 29 October 2010 (IANS). <http://www.tibetsun.com/archive/2010/10/29/wen-jiabao-to-visit-india-to-bury-differences/>
46. ИТАР-ТАСС. 22.04.2009
47. См.: www.chinaembassy-canada.org/rus/wjdt/zyjh/t330306.htm; <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t248530.htm>.
48. Яковлев П. Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина. — http://www.perspektivy.info/оукумена/политика/латинская_америка_v_globalnoj_strategii_pekina_2010-11-02.htm
49. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279>
50. http://russian.china.org.cn/china/archive/dxp/txv/2004-08/13/content_2126185.htm
51. <http://www.inosmi.ru/foreast/20100725/161548909.html>
52. См.: China and Development in Africa. — <http://www.lalkar.org/issues/contents/mar2007/chinaafrica.php>
53. См.: http://badnews.org.ru/news/v_zheltoj_zharkoj_afrike/2010-10-27-4343
54. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279>
55. Мировая экономика: Китайский цикл. — <http://www.economy.az/archives/24187>
56. Тамберг Р. Успехи африканской стратегии Китая. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/454781>
57. <http://www.economy.az/archives/24187>
58. Тамберг Р. Указ. соч.
59. Там же.
60. Никандров Н. Экспансия Китая в Латинской Америке. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/491438/>
61. Беспалова А. О новый бравый третий мир. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1276062840>
62. La República Popular China y América Latina y el Caribe: hacia una relación estratégica. CEPAL. - Santiago de Chile: Impreso en Naciones Unidas. Mayo de 2010. — P.15, а также — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/454781>.
63. Яковлев П. Указ. соч. и оценка автора статьи.
64. <http://www.economy.az/archives/24187>; <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/51067>
65. Asia Times. 2007. 13 april.
66. Официальный сайт МИД Японии. — <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint0805.html>
67. Носида Х. Бэйкоку-ка, Тюгоку-ка? [Америка или Китай?]. Токно, 2007. С. 272–274.
68. Yukio Hatoyama. My Political Philosophy // Monthly Journal Voice September Issue. 10 Aug. 2009. P. 10.
69. Семин А.В. США—Япония: полвека альянса // США—Канада: экономика-политика-культура. 2010. № 8. С. 42–44.
70. Официальный сайт МИД КНР. — <http://www.mfa.go.cn/rus/xwfw/fyrth/exjzhzhdh/175229664.html>
71. Sino-Japanese relations and China policy toward Japan in coming decade. Institute of Japanese Studies/ Chinese Academy of Social Sciences. 2009. P. 11
72. <http://slon.ru/blogs/averbuh/post/101965/>
73. <http://yitro.ru>. 2010. 22 нояб.

Политика

Корейский полуостров: у опасной черты

© 2011

А. Жебин

Анализируя развитие ситуации на Корейском полуострове в 2010 г. автор статьи, излагающий свою версию событий, приходит к выводу, что резкий рост напряженности в этом районе вызван, главным образом, курсом Республики Корея и поддерживающих ее США на решение ядерного и других аспектов корейской проблемы путем ликвидации КНДР как суверенного государства. По его мнению, причины обострения противостояния в Корее также невозможно понять вне контекста состояния и перспектив развития весьма противоречивых отношений КНР и США — главных спонсоров и союзников двух корейских государств, соперничество между которыми пока явно преобладает над попытками установления партнерства.

Ключевые слова: Корейский полуостров, геополитика, безопасность, ядерная проблема, конфликт, смена режима

В 2010 г. произошло очередное резкое обострение обстановки на Корейском полуострове. Самой тревожной особенностью развернувшихся там событий на этот раз стало заметное усиление в политике вовлеченных в конфликт государств, прежде всего КНДР и Республики Корея, фактора «жесткой силы» (hard power). А модные теории о возрастании в современном мире роли т.н. «мягкой силы» (soft power), предложенные американским истеблишментом в качестве руководства к действию членам международного сообщества, были без колебаний проигнорированы самими их авторами.

Основная интрига развернулась вокруг двух событий, разделенных почти восемью месяцами напряженной дипломатической борьбы и открытых силовых угроз, вплоть до готовности начать полномасштабные боевые действия. 26 марта 2010 г. в акватории Желтого моря, являющейся спорной между КНДР и РК, во время патрулирования затонул южнокорейский корвет «Чхонан». Из находившихся на его борту 104 матросов и офицеров 58 морякам удалось спастись, а остальные 46 погибли. 23 ноября 2010 г. в ходе артиллерийской дуэли между береговой артиллерией КНДР и артиллерией морской пехоты Южной Кореи, размещенной в том же спорном районе на острове Енпхендо погибли два и были ранены полтора десятка морских пехотинцев РК. Были убиты также двое

строительных рабочих, разрушен ряд гражданских построек. Северокорейцы о своих потерях ничего не сообщили.

История межкорейских отношений, увы, знает немало кровавых стычек. Однако в обоих инцидентах 2010 г. эскалация военного противостояния была налицо. В первом случае вооруженные силы РК понесли самые крупные разовые потери со времен Корейской войны, а во втором — мишенями артиллерийских ударов стали не корабли или водные пространства, как это случалось прежде, а территории Севера и Юга.

Опубликованные 24 мая 2010 г. выводы «международной комиссии» в составе представителей США, Великобритании, Австралии, Швеции и Республики Кореи, созданной южнокорейцами для расследования первого из инцидентов, оказались столь же предсказуемыми, сколько и малоубедительными: в уничтожении «Чхонана» виновна КНДР. Однако у многих экспертов и значительной части общественности, в том числе в самой Южной Корее, сложилось впечатление, что на самом деле этот вывод был сделан официальным Сеулом сразу же после гибели корабля, как говорится — «по умолчанию»: — вот уже более 60 лет Север и Юг Кореи, как правило, ищут причины своих бед и неудач по другую сторону разделяющей их военно-демаркационной линии. Тем кругам, которым не терпится еще больше демонизировать и изолировать режим в Пхеньяне, оставалось лишь придать этому заключению, что называется, «товарный вид», чтобы попытаться «продать» его мировому сообществу.

В этой связи обратило на себя внимание то обстоятельство, что еще задолго до публикации результатов работы комиссии ряд американских аналитиков и даже политиков начали публично делиться предлагаемыми ими сценариями «наказания» КНДР, вплоть до запрета на выход в море ее военных кораблей и подлодок и бомбардировки этих кораблей и даже военно-морских баз КНДР, откуда они выходят в море, в случае неповиновения последней.¹

Среди наиболее часто упоминавшихся в СМИ сомнений по поводу выводов комиссии можно назвать следующие. Во-первых, в момент гибели корвета в пределах видимости не было зафиксировано ни одного северокорейского военного корабля, а подводные лодки на мелководье у берегов Желтого моря обнаруживаются легко. Об отсутствии поблизости северокорейцев сразу же после инцидента заявляли и сами южнокорейские военные власти. Их американские союзники, на которых в основном полагаются южнокорейцы в области разведки и информации о Северной Корее, на этот раз почему-то хранили молчание.

Во-вторых, все западные и южнокорейские военные аналитики уже на протяжении многих лет утверждают, что северокорейская армия вооружена «антикварной» боевой техникой. Действительно, у северокорейцев есть проблемы со средствами связи и интегрированного управления боевыми действиями. Поэтому возникает вопрос: как такая «антикварная» подлодка смогла незаметно пробраться в указанный район, с первого залпа поразить цель, а после этого уйти незамеченной? И это удалось ей в условиях, когда вся северная часть Корейского полуострова и особенно районы, примыкающие к военно-демаркационной линии между Севером и Югом, постоянно просматриваются американскими разведывательными спутниками, которые отслеживают не только движение военных и торговых судов, но даже автомобильных кортежей Ким Чен Ира.

В-третьих, на тех глубинах, где затонул «Чхонан» — 24 метра — подводным лодкам действовать сложно. В американских интернет-блогах появились мнения отставников-подводников, которые высказали сильные сомнения в том, что капитан любой подводной лодки рискнул бы долго находиться в указанной зоне: можно легко оказаться обнаруженным или попасть под винт надводного корабля.

Более того, как выяснилось, в то время в районе гибели «Чхонана», помимо кораблей РК, находились несколько военных кораблей США, оснащенных новейшими системами обнаружения и слежения. Они участвовали в проходивших там военно-морские

учениях. И некоторые из южнокорейских кораблей, по собственному признанию южнокорейской стороны, «открывали огонь, ошибочно приняв стаю птиц за северокорейский корабль». В этих обстоятельствах нельзя исключить возможность случайного залпа ракеты или торпеды, которые могли предположительно потопить «Чхонан». Корабль мог также напороться на одну из оставшихся в этом районе мин, которые сами южнокорейцы размещали там и убрали лишь в 2008–2009 гг.

Если бы комиссия рассматривала все версии и пришла к такого рода заключению, тем более накануне предстоявших 2 июня 2010 г. выборов в местные органы власти, это было бы чревато для администрации Ли Мен Бака политической катастрофой. Исход голосования был очень важен для обеспечения победы правящей партии на следующих парламентских выборах. Очередное обострение межкорейских отношений давало возможность сплотить избирателей перед лицом внешней угрозы. Многие оппозиционные политики в Южной Корее, далекие от симпатий к Северу, прямо обвинили администрацию Ли Мен Бака в том, что она попыталась использовать этот инцидент для победы на выборах. Несмотря на развернутую антисеверокорейскую истерию, достичь ее так и не удалось, но провал оказался не столь оглушительным, как этого можно было ожидать, судя по результатам предвыборных опросов общественного мнения.

Но особенно бурный поток скептических комментариев обозревателей вызвал вид выставленных «комиссией» обломков северокорейской торпеды, а главное — надпись на ней — «№ 1», которая и стала фигурировать как едва ли ни главное доказательство в пользу «северокорейского следа». По меньшей мере, удивление вызвало то, что взрыв, который сумел переломить пополам довольно большой военный корабль, практически не повредил хвостовую часть торпеды. А номер на торпедке, явно нанесенный на металл ее корпуса фломастером, а не промышленным способом, стал предметом открытых насмешек.

Что же касается взрывчатки, следы которой якобы были обнаружены на обломках «Чхонана», то она, как оказалось, по признанию «Нью-Йорк Таймс», которую никак не заподозришь в симпатиях к северокорейскому режиму, используется не только в «социалистических» странах, а повсюду в мире, в том числе, в самих США.

На эти и ряд других сомнений ответов у комиссии не нашлось. Любые другие версии произошедшего ее, похоже, не интересовали. Впрочем, это не удивительно, если посмотреть на состав этого так называемого «международного» органа. Южной Кореей в комиссию были приглашены представители государств, являющихся военно-политическими союзниками США и РК и воевавшими против КНДР в Корейской войне 1950–1953 гг.

Сомнения возросли еще больше, когда наблюдатели обратили внимание на то, что сообщение комиссии фактически состоит из двух документов, составленных представителями двух разных групп стран, входивших в ее состав. Причем во второй из них, составившей документ с выводом о причастности КНДР к гибели «Чхонана», представители Швеции не значились. Оказалось, что вывод о «виновности КНДР» был сделан даже не комиссией, а неким вспомогательным органом, названным «многосторонней объединенной группой разведки» (Multinational Combined Intelligence Task Force), в состав которой вместо Швеции пригласили Канаду. Не осталось незамеченным и то, что о создании и составе такой группы при образовании самой комиссии ничего не говорилось.

Если же согласиться с версией о причастности Северной Кореи к гибели южнокорейского корвета, то этот печальный эпизод можно рассматривать как отголосок Корейской войны. Нужно вспомнить историю инцидентов между Севером и Югом. В этом районе в 1999, 2002, 2009 гг. уже происходили ожесточенные столкновения, в результате которых пускались ко дну военные корабли и гибли моряки с обеих сторон.

Вызвано это, прежде всего, спором между КНДР и РК по поводу линии разграничения в этой акватории Желтого моря. По идее эта линия должна была стать продолжением на море сухопутной военно-демаркационной линии, согласованной сторонами и зафиксированной на карте, упомянутой в пункте 2 статьи 1 Соглашения о военном перемирии в Корее от 27 июля 1953 г. Или, по крайней мере, совпадать с провинциальной пограничной линией между провинциями Хванхэ, доставшейся КНДР, и Кенги, оставшейся за РК. Во всяком случае, именно эта линия прямо упоминается в Соглашении о перемирии как основа для определения принадлежности островов, расположенных в этом районе: все, что лежало к югу от нее — оставалось под военным контролем командования ООН, а все острова к западу и северу от этой провинциальной границы передавались северокорейско-китайской стороне. Причем каждая из сторон должна была вывести свои войска с островов, отходившей другой стороне².

Исключение было сделано лишь для групп островов Пэкрен, Тэчхон, Сочхон, Енпхен и острова У, находившихся значительно севернее этой линии и образовывавших своего рода пояс вдоль побережья КНДР. Они остались под контролем командования ООН³.

Существуют разные версии того, почему это случилось. Возможно, северокорейцы не просчитали все последствия этого шага и недооценили стратегическую важность островов. Кроме того, из-за подавляющего превосходства США и их союзников в воздухе и на море высадить там десант и, тем более, удержать эти острова представлялось для КНДР даже в конце войны совершенно невозможным.

Это исключение и сыграло роковую роль во всех последующих событиях. 30 августа 1953 г. командование ООН в Корее, которое возглавлял американский генерал М. Кларк, провело так называемую северную разделительную линию (Northern Limitation Line — NLL). Она как бы соединила эти острова, но прошла еще севернее них, на равном расстоянии между ними и северокорейской береговой линией. Вокруг островов была установлена трехмильная зона территориальных вод. Пхеньян настаивал на 12-мильной зоне своих территориальных вод (введена 1 марта 1953 г. и подтверждена в 1958 г.), но в то время общепринятой считалась трехмильная, и США согласились признать право КНДР только на такую ширину⁴.

В момент своего установления NLL предназначалась для предотвращения столкновений между сторонами на море и не рассматривалась как граница. Таковой де-факто ее сделала РК, а вот де-юре ее положение чрезвычайно шаткое. Даже на Западе и в РК не решаются отрицать, что проведена она была в одностороннем порядке. Принятие в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву, узаконившей 12-мильную ширину территориальных вод и предложившей придерживаться принципа равноудаленности линии разграничения на море от материкового побережья соседних государств, сделало претензии КНДР по поводу ее прохождения еще более обоснованными.

Более того, Соглашение о перемирии прямо предусматривает (пункт 5 статьи 1) открытие устья реки Ханган для гражданского судоходства обеих сторон и «беспрепятственный доступ» гражданских судов каждой стороны к суше, находящейся под военным контролем данной стороны⁵. Удивительно, что в Вашингтоне и Сеуле, где так любят напоминать Пхеньяну о необходимости соблюдать данный документ, об этих его разделах, равно как о незаконности проведения NLL предпочитают помалкивать.

После неоднократных отказов южнокорейцев обсуждать этот вопрос и кровопролитного столкновения в июне 1999 г. северокорейская сторона объявила об установлении и координатах предложенной ею морской демаркационной линии (МДЛ) в Желтом море (в КНДР и РК предпочитают именовать его Западным морем, а Японское — Восточным (в пику Японии) морем — это один из немногих вопросов, по которым Север и Юг сохраняют полное единство).

В заявлении Генштаба КНА от 2 сентября 1999 г., сообщавшего об этой мере, предложенная КНДР линия была охарактеризована как самая «рациональная, реалистичная и беспристрастная», а также «полностью соответствующая как духу Соглашения о перемирии, так и международному праву»⁶. Таким образом, упомянутые выше пять групп островов оказались в спорном водном пространстве между NLL и проведенной заметно южнее ее северокорейцами МДЛ.

При этом северокорейцы не претендовали на возврат под их контроль пяти упомянутых выше островов, оказывавшихся к северу от предложенной ими МДЛ. Не дождавшись ответа США и РК на свое предложение обсудить вопросы, связанные с МДЛ, северокорейская сторона в поисках компромисса 23 марта 2000 г. опубликовала заявление Командования ВМС КНА «О порядке курсирования на пять островов». В документе сообщались координаты предлагаемых Пхеньяном трех коридоров для прохода к островам как американских военных кораблей, так и гражданских судов и предлагался порядок такого прохода⁷. Но и это предложение было проигнорировано.

Наверное, можно бесконечно спорить о том, был ли это «перст судьбы» или чистая случайность, но погибший 26 марта 2010 г. корвет «Чхонан» принимал самое непосредственное участие в сражении 1999 г.

Так что, если когда-либо выяснится, что «Чхонан» действительно был потоплен северокорейцами, то это значит, что они сумели взять реванш за прошлые поражения.

Что касается непосредственно инцидента с корветом «Чхонан», то видимо, осознавая недостаточность убедительных для мирового сообщества доказательств причастности к нему КНДР, а тем более для принятия Советом Безопасности ООН нужного Южной Корее решения, руководство этой страны попросило Россию направить для расследования группу своих специалистов. Замысел, похоже, заключался в том, что несколько, пусть даже высококвалифицированных специалистов, будут не в состоянии, с учетом фактора времени, технических средств и других ограничивающих обстоятельств, провести полноценное самостоятельное расследование и удовлетворятся материалами, предоставленными им упомянутой «международной комиссией».

Согласие российской стороны направить своих специалистов поставило Москву в очень деликатное положение. Если наша группа специалистов обнаружила бы, что «Чхонан» потоплен не северокорейской торпедой или даже северокорейской, но определенно не той, обломки которой были обнаружены (некоторые эксперты утверждают, что коррозия на них свидетельствует, что они пролежали на дне не два месяца, а по крайней мере, полгода), то это поставило бы в крайне неловкое положение руководителей ряда ведущих стран мира, которые уже выступили со своими оценками инцидента.

С другой стороны, если бы Москва озвучила версию, в основном совпадающую с южнокорейской, Северная Корея, наверняка, продолжала бы все отрицать, поскольку подлодка не была поймана. В этом случае Россия окончательно испортила бы отношения с КНДР. И, что еще хуже, Москва рисковала бы серьезно подпортить отношения с Пекином, который заинтересован в том, чтобы кризис был урегулирован без нового витка международного осуждения и санкций в отношении КНДР. Не участвовать в них Китаю, оставшемуся в одиночестве, если бы Россия поддержала западную версию инцидента, было бы крайне затруднительно и в то же время, по геополитическим соображениям, присоединение к ним представлялось совершенно неприемлемым. Для китайцев ситуация выглядела бы так, будто Россия встала на сторону Запада в конфликте, в котором затрагиваются жизненно важные интересы национальной безопасности Китая. Дело в том, что КНР все еще рассматривает КНДР как буфер перед американскими силами передового базирования в Азии, не дающий им выйти на почти 1400-километровую сухопутную границу, которую Северная Корея имеет с Китаем.

В интервью американской «Wall Street Journal» президент РФ Д.А. Медведев отметил, что «несмотря на то, что распространение получила только одна версия, мы не

должны сразу же все на веру принимать». «Нужно провести максимально тщательное расследование», — добавил российский лидер⁸.

Что касается выводов сделанных российским экспертами, то они официально нигде не публиковались, поскольку, как заявил Д.А.Медведев, предназначались для нашего внутреннего анализа для принятия решения по инциденту с «Чхонаном» в СБ ООН⁹.

Такое решение было принято 9 июля 2010 г. в форме заявления председателя Совета Безопасности ООН. В документе осуждалось нападение на «Чхонан» как «инцидент, создающий угрозу миру и безопасности в регионе и за ее пределами», выражались соболезнования пострадавшим и их семьям, говорилось о выводах комиссии, возложившей вину за инцидент на КНДР, и вместе с тем принималась к сведению позиция Пхеньяна, который утверждает, что не имеет к этому инциденту никакого отношения¹⁰.

Российский МИД выразил удовлетворение плодами своих усилий, отметив, что в итоге был принят «сбалансированный консенсусный» документ, в котором, благодаря российской позиции, «нашли отражение позиции всех заинтересованных сторон»¹¹. После принятия заявления Москва вместе с Пекином твердо взяла курс на «закрытие» дела «Чхонана»¹².

В Сеуле не скрывали разочарования позицией России, фактически отказавшейся поддержать южнокорейскую версию инцидента. Немало критики было адресовано и Китаю. Те круги в Вашингтоне и Сеуле, которые возлагали большие надежды на то, что инцидент с «Чхонаном» удастся использовать для дальнейшей демонизации и изоляции КНДР, решили перейти к тактике неприкрытого силового давления на неудобный режим и провоцирования его на ответные меры, которые помогли бы достичь тех целей, которых не удалось добиться за счет беззастенчивой эксплуатации трагедии с «Чхонаном».

Однако северокорейцы, которые прекрасно понимали, что не достигнув хотя бы минимального компромисса с США, им не удастся обеспечить достаточную безопасность и, тем более, получить доступ к иностранным инвестициям, без которых модернизация экономики КНДР была бы крайне затруднительной задачей, стали еще активнее искать подходы к возобновлению диалога с Америкой.

В Пхеньяне стали намекать на возможность возврата в шестисторонний переговорный процесс, правда на определенных условиях, главным из которых называлась отмена санкций, наложенных на КНДР после ядерного испытания СБ ООН в июне 2009 г.

Но, как оказалось, к переговорам не готовы ни сами американцы, ни их союзники — Южная Корея и Япония. Они настаивают, чтобы северокорейцы конкретными делами продемонстрировали искренность своих обещаний отказаться от ядерных программ. Иными словами — также требуют односторонних предварительных уступок и явно не спешат вернуться к обсуждению проблемы, утверждая, что «переговоры ради переговоров» им не нужны.

К осени 2010 г. Пхеньяну изрядно поднадоела линия «стратегического терпения», а на самом деле — пренебрежительного невнимания к вопросам нормализации отношений с КНДР и урегулирования ядерной проблемы, которую фактически с момента прихода к власти избрала администрация Б. Обамы. Ее «стратегическое терпение» представляло собой по сути ничто иное как ряд шагов, призванных подтолкнуть северокорейский режим к долгожданному, но пока не свершившемуся краху. Они были нацелены на то, что, во-первых, ухудшение состояния здоровья северокорейского лидера на рубеже 2008–2009 гг. и его возможный уход с политической сцены вызовут борьбу за власть и даже раскол в руководстве КНДР, что приведет к дестабилизации политической ситуации в стране. С другой стороны, расширительно толкуемые Западом санкции ООН в сочетании с дополнительными ограничениями, введенными США и их союзниками в одностороннем порядке, должны были максимально затруднить даже легальную внешнеэкономическую и внешнеэкономическую деятельность этой страны, осложнить ее экономическое

положение. Все это, в конечном счете, должно было вызвать недовольство партийно-хозяйственной номенклатуры и широких слоев населения. Фактически речь шла о попытке создать в КНДР классическую революционную ситуацию, при которой верхи не смогут, а низы не захотят жить по-старому.

Однако события минувшего года показали, что приверженцы «стратегического терпения» вновь приняли желаемое за действительное. Пхеньяну удалось стабилизировать ситуацию в верхних эшелонах власти. Северокорейцы провели партконференцию, обновили состав центральных партийных органов, введя в них деятелей, призванных стать опорой, а не соперниками будущего руководителя страны, на роль которого, похоже, готовится Ким Чен Ын — третий сын нынешнего лидера.

О том, что политика стратегического терпения поставила США в пассивное положение и, более того, привела к росту нестабильности в регионе, что наглядно продемонстрировали события вокруг Енпхендо, заговорили даже такие столпы американского внешнеполитического истеблишмента, как посол Д. Гудби и бывший советник Обамы по азиатским делам Д. Гросс¹³.

Эти перемены довольно чутко уловили в Пхеньяне: бывшему директору ведущего американского атомного центра Лос-Аламосской лаборатории З. Хекеру был показан завод по обогащению урана. Другой новостью стало начало строительства в КНДР собственного легководного реактора, для которого этот уран должен использоваться в качестве топлива. Сигнал, поданный из Пхеньяна, вряд ли допускал много толкований: не хотите разговаривать — для вас же будет хуже.

Явно нарочитая демонстрация З. Хекеру современного предприятия по обогащению урана, технический уровень которого, по признанию американского ученого, его «поразил», подтвердила то, о чем многократно предупреждал целый ряд специалистов — санкции будут мало-или вообще неэффективными и, скорее всего, в очередной раз дадут противоположный эффект. Надежды на голодные бунты или восстания населения на фоне собираемых несколько лет кряду сравнительно неплохих урожаев и стабильной подпитки из Китая, похоже, пошатнулись даже у тех, кто истово веровал в скорый и неминуемый конец северокорейского режима.

Таким образом, экскурсия, устроенная З. Хекеру в святая святых северокорейской ядерной программы была явным приглашением США к разговору. Северокорейцы последовательно, хотя и весьма своеобразно, как показали последние месяцы 2010 г., пытались убедить Вашингтон всерьез отнестись к озабоченностям Пхеньяна и начать выполнять данные США еще в 1994 г. обещания о нормализации межгосударственных отношений между двумя странами.

Однако в Вашингтоне и Сеуле и не помышляли об ослаблении нажима на Пхеньян. С лета и до конца 2010 г. у берегов Корейского полуострова практически непрерывной чередой шли различные военные маневры, в том числе с привлечением значительных сил 7-го флота США и других американских войск. В отличие от повторявшихся годами лицемерных заявлений о якобы «оборонительном характере» таких учений, на этот раз их участники открытым текстом заявляли о желании продемонстрировать силу и откровенно искали повод для наказания суверенного государства, явно забыв, что таким правом обладает исключительно Совет Безопасности ООН.

В такой ситуации рано или поздно что-то должно было произойти. 23 ноября морская пехота РК, расквартированная на одном из пяти упомянутых выше островов, затеяла, как утверждается, плановые стрельбы, которые проходили в нескольких километрах от побережья КНДР. Снаряды, предположительно, должны были падать в водах, которые северокорейцы считали своими. Представители КНА в Пханмунджоме попросили отменить учения, но получили отказ. Сейчас трудно определить, какова была точная причина артобстрела КНДР на злополучный остров: упал ли какой-то южнокорейский снаряд близко к северокорейскому берегу, или кто-то из северокорейских командиров, измо-

танных почти полугодовым ожиданием нападения и получивших на высшем уровне указание быть готовым дать отпор врагу (накануне местных артиллеристов, как утверждали южнокорейские СМИ, посетили Ким Чен Ир с наследником в сопровождении высшего генералитета) поспешил выполнить высочайший приказ, а может быть приказ в этом и заключался?

Как бы то ни было, результаты первой после окончания Корейской войны артиллерийской дуэли Севера и Юга хорошо известны всему миру, а ее последствия вынудили Россию после консультаций с Китаем потребовать 18 декабря экстренного созыва Совета Безопасности ООН.

Накануне, 17 декабря в российский МИД были приглашены аккредитованные в Москве послы США и РК, которым была выражена крайняя обеспокоенность планами РК в присутствии американских военных провести в акватории Желтого моря вблизи острова Енпхендо новые артиллерийские стрельбы с использованием боевых снарядов. Россия призвала США и РК воздержаться от этого шага с тем, чтобы не допустить дальнейшей эскалации напряженности на полуострове¹⁴.

В свою очередь, к северокорейской стороне был обращен призыв проявлять максимальную сдержанность, не предпринимать действий, способных спровоцировать дальнейшее обострение ситуации, повторение инцидента, произошедшего в этом районе 23 ноября. Особо было подчеркнуто, что все спорные вопросы между двумя корейскими государствами должны решаться путем возобновления диалога и исключительно политико-дипломатическими средствами¹⁵.

Хотя предложенное Россией заявление СБ ООН по этому вопросу не было принято из-за позиции США и ряда других членов Совета, требовавших включить в него осуждение обстрела Северной Кореей острова Енпхендо, главная цель, которую ставила перед собой Москва, была достигнута: непосредственным участникам конфликта был послан достаточно энергичный сигнал о необходимости проявлять максимальную сдержанность. Пойти на новую серьезную провокацию в обстановке повышенного внимания международного сообщества никто не решился.

Вместе с тем, и в Москве, и в Пекине вряд ли осталось без внимания то обстоятельство, что Сеул, который последние пару лет так настойчиво набивается им обоим в «стратегические партнеры», в очередной раз проигнорировал призывы России и Китая к сдержанности и провел намеченные стрельбы, хотя несколько сместил их вектор еще дальше на юг от северокорейского побережья.

О том, что кое-кто в Сеуле начинает утрачивать чувство реальности, свидетельствуют озвучиваемые на самом высоком уровне заявления, суть которых можно свести к печально знаменитому выражению о том, что «есть вещи поважнее, чем мир»¹⁶.

Северокорейцы же вновь проявили гибкость и прагматизм, которые уже не раз помогали им выпутываться из самых сложных ситуаций, и о которых не без восхищения пишут многие западные наблюдатели. Пообещав накануне ответить на стрельбы «непредсказуемым вторым и третьим ударом», КНДР в день их проведения объявила их «детской игрой», не заслуживающей внимания, и заодно предложила международной общественности вновь убедиться в том, кто в Корее выступает в роли поджигателя войны, а кто является поборником мира¹⁷.

Практически сразу после этого Пхеньян возобновил мирное наступление, начатое приглашением З. Хекера и визитом губернатора американского штата Нью-Мехико Б. Ричардсона, который совпал с самым острым периодом кризиса вокруг новых стрельб на Енпхендо. Последний привез из Пхеньяна согласие КНДР вновь пустить в страну инспекторов МАГАТЭ и продать отработанные стержни со своего реактора Южной Кореи¹⁸.

В первые дни 2011 г. КНДР продолжила забрасывать противника все новыми инициативами: было озвучено предложение о возобновлении без всяких предваритель-

ных условий переговоров с властями РК, которых еще накануне Нового года называли не иначе как «военными маньяками», «предателями» и «марионетками». Как говорится, мяч вновь оказался на американо-южнокорейской стороне.

Представляется, что позицию России в отношении того, что происходило в Корее в 2010 г., определяли два главных фактора. Во-первых, в Москве были категорически против развязывания еще одного вооруженного конфликта на наших дальневосточных рубежах. У нас достаточно зон нестабильности по периметру собственных границ, чтобы позволить появиться там «еще одному Ираку или Афганистану».

Во-вторых, при таком развороте событий серьезно пострадали бы наши экономические интересы в регионе. Не случайно об этом было сказано в телефонном разговоре президента РФ Д.А. Медведева с президентом РК Ли Мен Баком, состоявшемся сразу после обнародования в Сеуле результатов работы «международной комиссии». Было прямо отмечено, что межкорейские экономические проекты с участием России не были реализованы, а общая ситуация на полуострове «деградировала до уровня конфронтации».¹⁹

Речь идет о проектах, с которыми мы связываем и социально-экономическое развитие нашего Дальнего Востока, и интеграцию нашей экономики в мирохозяйственные связи в АТР. Все они оказались подвешенными или отброшенными назад из-за ухудшения межкорейских отношений. Буксует проект соединения Транссиба с Транско-рейскими железными дорогами, неоднократно переносился вопрос о выборе маршрута для прокладки газопровода из России на Юг полуострова, завис проект строительства ЛЭП через территорию КНДР в РК. Таким образом, как по соображениям национальной безопасности, так и исходя из экономических интересов, России выгодно мирное сосуществование и широкое экономическое сотрудничество между Севером и Югом Кореи.

Случай с «Чхонаном», как и гибель морских пехотинцев и гражданских лиц на Енпхендо, безусловно, трагедия. И можно лишь глубоко сочувствовать горю семей погибших. Однако главный урок этой трагедии, независимо от ее причин, заключается в том, к чему уже многие годы призывает Россия — необходимо сделать процесс примирения и сотрудничества между Севером и Югом Кореи устойчивым и необратимым.

Во многом этому мешает упорно навязываемый миру миф о якобы имманентной агрессивности КНДР и ее готовности в любой момент напасть на своего южного соседа. Между тем, серьезные специалисты, знающие истинное соотношение сил на полуострове и вокруг него, сходятся во мнении, что КНДР вряд ли решится на крупномасштабные наступательные действия.

Во-первых, в отличие от Корейской войны, в настоящее время нет крупных держав, которые поддержали бы такую акцию. Россия и Китай однозначно выступают за то, чтобы все проблемы на полуострове решались мирным дипломатическим путем. В то же время США официально заявляют, что в случае агрессии придут на помощь своему союзнику. Международное положение КНДР осложнено наложенными на нее санкциями СБ ООН. Их расширительное толкование США и их союзниками и введение ими дополнительных односторонних санкций привели к тому, что даже легальная внешнеторговая и внешнеэкономическая деятельность Северной Кореи сталкивается с серьезными затруднениями.

Во-вторых, западные эксперты, да и сами южнокорейские военные знают, что РК превосходит КНДР в обычных вооружениях и вооруженных силах. Надо также учитывать, что у Северной Кореи нет достаточных запасов топлива, запчастей, других стратегических резервов, которые необходимы для ширококомасштабных наступательных операций.

Последнее, но немаловажное обстоятельство: в стране на протяжении последних 15 лет сохраняется сложная социально-экономическая ситуация, продолжает оставаться

острой продовольственной проблемой. Думается, что северокорейское руководство все перечисленные факторы учитывает и первым на такую акцию никогда не пойдет.

Что касается Южной Кореи, она также вряд ли рискнет начать полномасштабную войну, но совсем по другим причинам. Во-первых, большинство южнокорейцев не хотят поставить под угрозу свои, достигнутые немалой ценой, экономические достижения и один из самых высоких в Азии уровней жизни. Во-вторых, южнокорейцы не могут начать какой-либо крупный конфликт, а тем более, вторжение на Север без ведома Вашингтона. Еще со времен Корейской войны между США и РК существует соглашение, согласно которому вооруженные силы Южной Кореи в случае крупномасштабного конфликта на полуострове переходят в подчинение американскому генералу — командующему воинским контингентом США, расквартированным в РК. Более того, он автоматически получает это право уже при объявлении третьей степени боеготовности.

Кстати, одновременно тот же американский военачальник является командующим войсками ООН в Корее. Это еще один анахронизм времен «холодной войны». Оба корейских государства уже почти 20 лет являются членами этой международной организации, а получается, что она находится всего лишь в состоянии военного перемирия с одним из них. Разумеется, ни Военно-штабному комитету ООН, ни какому-либо другому ее органу эти войска не подконтрольны и не подотчетны. Командование ООН в Корее было создано на основе резолюций СБ ООН, о легитимности которых существуют различные мнения. Дело в том, что принятие таких резолюций требовало единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Но в тот период место в нем только что образованной КНР было узурпировано Тайванем, а Москва в знак солидарности с Пекином бойкотировала заседания СБ, когда там председательствовал тайванец. Случилось это как раз в дни начала корейской войны. В результате этой «принципиальной линии» сталинской дипломатии СБ ООН успел принимать резолюции, о содержании которых в Москве и Пекине предпочитают не вспоминать, а последствия до сих пор дают о себе знать.

Если вспомнить римское правило — «нищи того, кому это выгодно», то факты говорят, что больше всего от трагедии с «Чхонаном» и событий на Енпхендо выиграли США. В последние годы линия на сохранение американского военного присутствия в Северо-восточной Азии воспринималась в этом регионе по большей части весьма негативно. Достаточно вспомнить, что происходило в 2009–2010 гг. на Окинаве, где тысячи людей выстраивались в живую цепь вокруг американских баз, протестуя против их дальнейшего пребывания на острове.

Поэтому США оказалось выгодно очередное обострение напряженности в регионе. Пентагон тут же объявил о планах усиления своего военного присутствия в США, переброске новейших истребителей «Раптор-22» на остров Гуам и на Окинаву. На очереди — новые крупные заказы для американского военно-промышленного комплекса, для вооруженных сил Южной Кореи и Японии. Восстановлен заметно ослабленный в годы правления в Сеуле администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена контроль США над внешней политикой Республики Корея.

Последние инциденты на Корейском полуострове оказались как нельзя более кстати для тех кругов в Вашингтоне и Сеуле, кто не желает примирения между Северной и Южной Кореей, кто надеется воспользоваться сложным экономическим положением КНДР, пошатнувшимся здоровьем ее лидера, ускорить крах северокорейского режима и установить контроль над всем Корейским полуостровом с тем, чтобы выйти со своей военной машиной прямо на сухопутные границы России и Китая. Во всяком случае, американские авианосцы уже появились и в Желтом море.

Для сохранения своих баз в Японии американцы фактически вынудили уйти в отставку правительство Хатоямы. Японский премьер, который в ходе избирательной кампании обещал закрыть одну из военных баз США на Окинаве, в обстановке развя-

занной антисеверокорейской истерии был вынужден согласиться на ее сохранение в результате якобы «возросшей северокорейской угрозы» и покинул свой пост.

Эта отставка показала, что для сохранения своего военно-политического господства в регионе США не останутся ни перед чем, вплоть до смены режима даже в тех государствах, которые в Вашингтоне именуют «союзниками» и «друзьями».

Из изложенного выше напрашиваются следующие выводы.

Инцидент с «Чхонаном» и артиллерийская дуэль на Енпхендо должны стать не предлогом для очередного раунда конфронтации между Севером и Югом, а серьезным поводом для возобновления процесса примирения и сотрудничества — единственного пути к осуществлению заветного чаяния всех корейцев — воссоединению страны. Сеулу и Пхеньяну давно пора проявить больше ответственности за судьбы корейской нации. Корейцы уже накопили немалый опыт общения и солидный задел двусторонних документов, подписанных высшими руководителями, главами правительств, министрами двух стран, не говоря о соглашениях на более низком уровне. Надо, наконец, научиться соблюдать хотя бы часть из них. Речь идет, прежде всего, о целом ряде уже согласованных мер доверия, которые остаются на бумаге или применяются от случая к случаю.

Возможно, пригодился бы международный опыт решения таких проблем. Советский Союз и США заключили в свое время соглашение о предотвращении опасных инцидентов на море между военными кораблями двух стран и ряд других подобных документов.

В 2007 г. обе Кореи сумели сделать шаг к разрешению ситуации вокруг спорной линии в Желтом море. В «Декларации во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания», принятой по итогам второго межкорейского саммита между руководителем КНДР Ким Чен Иром и тогдашним президентом РК Но Му Хеном, стороны договорились о создании «особой зоны мира и сотрудничества» в Желтом море²⁰. Предполагалось активно стремиться к превращению ее в зону мира и совместного рыболовства, образовать там особую экономическую зону, начать совместное использование контролируемого РК устья реки Ханган и северокорейского порта Хэчжу, обеспечить прямой проход гражданских судов в Хэчжу (сейчас из-за NLL маршрут туда и обратно удлинится почти на 100 миль)²¹. Если хотя бы часть из намеченного была реализована, трагических инцидентов 2010 г. могло и не случиться.

Пришедшая в начале 2008 г. к власти администрация Ли Мен Бака отказалась, однако, от выполнения этих договоренностей, сочтя, что они слишком выгодны Пхеньяну. По внутривластным соображениям она вряд ли пойдет на обсуждение этой проблемы.

Дело можно было бы поручить посредникам в лице Международного Суда или Морского трибунала, созданного в соответствии с конвенцией ООН по морскому праву. Но и тут есть препятствия: обе стороны не рассматривают существующие между ними линии разграничения как государственную границу и считают свои споры внутривластным делом, не требующим вмешательства других. К тому же, решение посредников почти наверняка будет не пользу Южной Кореи, ибо NLL проложена настолько дискриминационно по отношению к КНДР, что новая линия разграничения неизбежно пройдет значительно южнее. Не случайно еще в 2006 г. РК заявила об отказе принять какую-либо из трех возможных процедур, предусмотренных Конвенцией по морскому праву для урегулирования таких споров.

Но если корейцы действительно хотят жить в мире и согласии, вопрос о проведении согласованной разграничительной линии в Желтом море рано или поздно придется решать.

1. *Cossa R.A. Cheonan Incident: Choosing An Appropriate Response // PacNet. 2010. № 21.*

2. Text of the Korean War Armistice Agreement. July 27, 1953. — <http://news.findlaw.com>.
3. Там же.
4. North Korea: The Risks of War in the Yellow Sea // International Crisis Group. Asia Report. 2010. N 198–23. Dec. P. 2.
5. Text of the Korean War Armistice Agreement. July 27, 1953. — <http://news.findlaw.com>.
6. ЦТАК. 1999. 9 февр.
7. Серьезное информационное сообщение командования ВМС КНА // ЦТАК. 2000. 23 марта.
8. Цит. по: Интервью Дмитрия Медведева американской газете «Уолл Стрит Джорнэл» («Президент России». Москва) // Голос России. 2010. 18 июня.
9. Президент России. Официальный сайт. Интервью корейским средствам массовой информации 09.11.2010. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/9467>.
10. Заявление Председателя Совета Безопасности. 9 июля 2010 г.
11. Комментарий официального представителя МИД России. 10 июля 2010 года. — <http://www.mid.ru>.
12. За закрытие дела о гибели корвета "Чхонан" выступает Россия // Финанс FM. 2010 14 сент.
13. *Goodby J.E., Gross D.* Strategic Patience Has become Strategic Passivity. December 22, 2010. — <http://www.nautilus.org/publications/essays/napsnet/forum/strategic-patience-has-become-strategic-passivity>.
14. Сообщение для СМИ. О беседах заместителя Министра иностранных дел России А.Н. Бородавкина с Послом США в Москве Дж.Байерли и Послом Республики Корея в Москве Ли Юн Хо. 17.10.2010. — <http://www.mid.ru>.
15. Сообщение для СМИ. О телефонном разговоре директора Первого департамента Азии МИД России И.В. Моргулова с Послом КНДР в Москве Ким Ён Джэ. 17.10.2010. — <http://www.mid.ru>.
16. О высказываниях на эту тему официальных лиц в Сеуле см: *Kim T.* Korean Peninsula at a New Juncture of War and Peace: Between Aggressive Deterrent and Escalating Risk of War. December 21, 2010. — <http://www.nautilus.org/publications/essays/napsnet/forum/korean-peninsula-at-a-new-juncture-of-war-and-peace-between-aggressive-deterrent-and-escalating-risk-of-war>.
17. KCNA. 2010. 20 дек.
18. The New York Times. 2010. 22 dec.
19. Президент России. Официальный сайт. Телефонный разговор с Президентом Республики Корея Ли Мен Баком 25 мая 2010 г. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/7852>.
20. Декларация во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания // Сеульский вестник. 2007. 4 окт.
21. Там же.

Внешиполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен

© 2011

В. Портяков

Анализируется процесс обновления внешнеполитического инструментария КНР в последнее двадцатилетие. Детально рассмотрены такие его направления, как провозглашенная и реализуемая Пекином политика партнерства — она адресована большинству государств мира — и политика добрососедства, объектом которой являются государства, граничащие с Китаем по суше или морю. Исследованы сдвиги в позиционировании КНР в ООН и эволюция подходов Китая к реформе этой организации.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, внешняя политика, инструментарий, партнерство, добрососедство, позиционирование, Организация Объединенных Наций.

Сохранив неизменной приверженность фундаментальному принципу независимости и самостоятельности своей внешней политики, Китайская Народная Республика с начала 1990-х гг., тем не менее, приступила к существенному обновлению ее инструментария. Это было вызвано, в первую очередь, объективной необходимостью идти в ногу со временем и адаптироваться к крупным подвижкам в мировой архитектонике, олицетворяемым дезинтеграцией СССР и исчезновением просуществовавшего около полувека биполярного мира.

На определенную активизацию международной деятельности страну нацелил и архитектор политики модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости Дэн Сяопин в выступлениях в ходе своей поездки в южные районы Китая в январе-феврале 1992 г.

В том же направлении действовал и ускорившийся процесс мировой экономической глобализации, который имел для КНР особое измерение в виде длительных переговоров о присоединении к Всемирной торговой организации, увенчавшихся успехом лишь в 2000 г. (членом ВТО Китай стал год спустя, 11 декабря 2001 г.).

Обновление инструментария внешней политики страны косвенно стимулировалось также появлением с середины 1990-х гг. — вслед за первыми признаками выдвижения КНР в лидирующую когорту мировых держав — многочисленных теорий «китайской угрозы» и «грядущего коллапса Китая». На них надо было отвечать не только контрпропагандой, но и более весомыми аргументами. А реальное усиление экономической мощи КНР предопределило существенное усиление в последнее десятилетие ее экономической дипломатии.

Немаловажную роль играет и самоидентификация Китая как ответственной глобальной державы. С нею непосредственно связано стремление Пекина улучшить восприятие КНР за рубежом и придать достаточно респектабельный облик внешнеполитическим концепциям и инструментарию ее международной деятельности в целом.

Ниже предпринята попытка более детально рассмотреть такие ключевые для сегодняшней КНР инструменты ее внешней политики, как партнерство, добрососедство и позиционирование в ООН.

Партнерство

С начала 1990-х гг. одним из важнейших направлений обновления внешнеполитического инструментария Китая стало создание системы партнерских отношений с различными государствами и объединениями стран. В первую очередь партнерские отношения устанавливались с соседями, в том числе с Россией, Индией, Пакистаном, Непалом, АСЕАН, Республикой Корея, Монголией, Индонезией, Филиппинами, Казахстаном, Японией. Однако затем процесс вышел далеко за рамки близлежащего географического ареала, и в настоящее время Китай имеет партнерские отношения с несколькими десятками стран буквально по всему миру.

По оценке китайских политологов, формула «партнерства» является крупной новацией Китая и его заметным вкладом в международные отношения в период после завершения «холодной войны». Принципиальными особенностями политики партнерства, предложенной Пекином членам международного сообщества, стали: отказ от прямого вызова существующему международному порядку, невступление в какие-либо союзы в целях противодействия третьему государству, активное продвижение механизмов консультаций и сотрудничества, поиск точек совпадения или близости взаимных интересов. Формат партнерства удачно вписался в общую внешнеполитическую стратегию КНР, ориентированную на создание международной обстановки, благоприятствующей долгосрочному мирному развитию страны. Поскольку отношения партнерства означали разрыв с традициями вступления в союзы и противостояния, то, как утверждает в КНР, формирование сети партнерских отношений «существенно расширило внешнеполитическое пространство Китая»¹.

На практике формула партнерства работала на создание благоприятной для Китая международной обстановки сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, она позволяла снизить уровень конфронтационности в двусторонних отношениях с такими сложными для Китая партнерами, как, например, США и Япония. В этом смысле инструмент партнерства если не прямо, то косвенно служил цели повышения уровня безопасности Китая.

Во-вторых, ставка не на давление и силовые методы воздействия, а на сотрудничество, консультации, поиск взаимной выгоды или, как минимум, точек соприкосновения улучшала общую атмосферу двусторонних отношений КНР со страной-партнером и облегчала решение тех или иных сложных проблем.

В-третьих, формула партнерства в определенной мере снижала действенность теорий «китайской угрозы», разнообразные модификации которой существуют до сих пор.

Вслед за общим усилением Китая и его активизацией на мировой арене формула партнерства обрела дополнительные функции — не столько абсолютно новые, сколько логично развившиеся изначально закладывавшиеся в нее ориентиры. Так, с выдвиганием на рубеже столетий и активным продвижением Китаем концепции «новой безопасности» партнерские отношения КНР с другими странами стали рассматриваться как костяк общей системы безопасности страны².

В целом же, по оценке ряда западных аналитиков, формула партнерства возникла как тщательно просчитанная стратегия, позволяющая стране обойти различные международные опасности и угрозы в переходный период конца XX — начала XXI вв. Сердцевинной этой стратегии явилось «правило избегания», призванное дать Китаю возмож-

ность избежать исторической судьбы таких возвышавшихся государств, как Франция, Германия и Япония, которые преждевременно бросали вызов существовавшему гегемону. Поскольку период возвышения Китая выходит за краткосрочные рамки и займет, по-видимому, следующие 30—50 лет, то де-факто партнерство обретает еще одну функцию, становясь на деле китайским методом «формирования политики великой державы»³.

Конкретные формы партнерства во внешней политике КНР в последнее десятилетие эволюционировали во времени и отличаются заметным разнообразием от страны к стране.

Классическим примером здесь могут служить отношения КНР с постсоветской Россией. В 1994 г. в Совместной российско-китайской декларации было отмечено, что между РФ и КНР «сложились новые отношения конструктивного партнерства — длительно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования»⁴. В аналогичном документе от 25 апреля 1996 г. констатировалась решимость двух стран «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵.

Наконец, начиная с 2001 г., т.е. с момента подписания двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, «стратегическое взаимодействие» между Китаем и Россией характеризуется как уже реально существующее⁶.

Модификация конкретного определения партнерских отношений Китая касается не только России. Так, в 1996 г. отношения с Индией были охарактеризованы как «отношения конструктивного сотрудничества и партнерства, ориентированные на XXI век». В 2005 г. было заявлено об установлении Китаем и Индией «отношений стратегического сотрудничества и партнерства, ориентированных на мир и процветание». С Пакистаном Китай в 1996 г. договорился об установлении отношений «всестороннего сотрудничества и партнерства». Чаше других встречается определение «отношения стратегического партнерства». Подчас используются и явно «индивидуализированные» дефиниции. Например, с Японией в 1998 г. были установлены «отношения дружественного сотрудничества и партнерства на благо мира и развития», а в 2006 г. было задействовано новое определение: стремиться совместными усилиями создать «отношения взаимного благоприятствования, основанные на общих стратегических интересах»⁷.

В общем и целом, изменение конкретного определения партнерства отражает либо улучшение двусторонних отношений, либо углубление и расширение сфер практического взаимодействия КНР с той или иной страной. Подчас, однако, конкретные двусторонние отношения трудно втиснуть в «прокрустово ложе» той или иной формулировки. Прежде всего это касается отношений КНР с США, которые на разных этапах пытались подвести под такие определения «партнерства», как «конструктивное стратегическое партнерство», «стратегическое партнерство перед лицом общих вызовов», «взаимодействие ответственных пайщиков». Однако, как полагают некоторые китайские эксперты, особая сложность и многоплановость современного китайско-американского взаимодействия делает предпочтительным в данном случае использование самого простого и широкого понятия, а именно — «партнерство». Оно нейтрально и охватывает как сотрудничество, так и конкуренцию, оно подразумевает наличие высоких шансов не только на широкую кооперацию, но и на разнообразные трения. Это партнерство должно базироваться на стратегических долговременных интересах каждой из двух стран. При этом следует иметь в виду, что различия между Китаем и США в идеологии, общественном устройстве и системе ценностей делают задачу выстраивания «стратегического доверия» между ними весьма непростым делом. Вместе с тем, наличие целого спектра региональных и глобальных проблем, вызывающих общую озабоченность Пекина и Вашингтона, интенсивные двусторонние связи в самых разных областях создают множество возможностей не только для взаимных конфликтов и трений, но и для сотрудничества с целью получения обоюдного выигрыша⁸.

Уже само по себе значительное разнообразие конкретных вариантов партнерства КНР с зарубежными государствами делает вполне естественной их определенную иерархизацию.

Попытку такой иерархизации предпринял специалист по международным отношениям Китая из Фуданьского университета Янь Шэнъи⁹. Шанхайский ученый в качестве высшей формы партнерства выделил китайско-российские отношения стратегического партнерства, которые, по его мнению, не подвержены воздействию времени и тех или иных событий, влиянию идеологии или системы ценностей. Поскольку они зиждутся на обширной общности интересов двух стран, на единстве или близости взглядов по многим важным вопросам, то при решении крупных международных, региональных и двусторонних проблем Китай и Россия могут вести равноправные консультации и действовать в духе взаимных уступок. Это и есть отношения стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества в полном смысле этого слова.

Отношения Китая с Республикой Корея, Украиной, Казахстаном, Канадой, Мексикой, ЮАР, Организацией африканского единства, Бразилией, с которыми у Пекина нет конфликта коренных интересов, Янь Шэнъи квалифицирует как «партнерские отношения дружеского сотрудничества».

С АСЕАН и ЕС у Китая немало общих интересов, позволяющих развивать сотрудничество на базе равноправия и взаимной выгоды. Вместе с тем, у сторон есть расхождения по ряду вопросов, уровень взаимного доверия нуждается в дальнейшем повышении. Партнерство с ними может быть охарактеризовано как «согласованное» или «координируемое» («сетяосин дэ»).

Что касается США и Японии, то они, полагает Янь Шэнъи, рассматривают Китай как потенциального противника. По ряду важных проблем у сторон существуют очевидные разногласия, к тому же у них разные стратегические цели. Вместе с тем, у Китая есть общие интересы с США и Японией в защите мира, региональной и глобальной стабильности, в развитии экономических, торговых, научно-технических обменов. Поэтому существует возможность за счет обоюдных усилий выйти на отношения подлинного партнерства, которое можно было бы охарактеризовать как «конструктивное партнерство прагматичного типа».

На наш взгляд, при всей полезности той или иной типологии современных партнерских отношений КНР с различными государствами следует принимать во внимание, что на практике они, во-первых, находятся в динамике, т.е. развиваются, модифицируются, наполняются новым содержанием, и, во-вторых, остаются в высокой степени индивидуализированными.

Показательно в этом плане сопоставление китайско-германского совместного коммюнике по итогам визита в Китай канцлера Германии Ангелы Меркель (15—18 июля 2010 г.) и Совместного заявления РФ и КНР по итогам визита в Китай президента России Д.А. Медведева (26—28 сентября 2010 г.). Оба документа носят сходные, однако несовпадающие названия — «О всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства» в случае с Германией и «О всестороннем углублении отношений партнерства и стратегического взаимодействия» в случае с Россией¹⁰. Еще больше различий в конкретном наполнении документов. Значительная часть китайско-российского заявления отведена оценке международной ситуации и взаимодействию сторон в мировой политике и экономике. Двустороннее сотрудничество отражено в заявлении достаточно полно, но без подробной детализации. В китайско-германском коммюнике международная проблематика представлена слабо и крайне выборочно. Напротив, экономическое сотрудничество, которому посвящены две трети документа, охарактеризовано весьма детально. Здесь, несомненно, играет роль то обстоятельство, что товарооборот Китая с Германией даже в кризисном 2009 г. превысил 105 млрд долл., тогда как с Россией он составил лишь 38,8 млрд долл.¹¹ Китайско-германское гуманитарное и культурное сотрудничество по ряду позиций не уступает уровню российско-китайского. Так, страны с успехом провели «Китайско-германский год науки и образования», учредили двустороннюю молодежную

ассоциацию, играющую активную роль в налаживании молодежных обменов и долгосрочном развитии двусторонних отношений.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что установление разнообразных по форме и конкретному содержанию отношений партнерства со многими государствами и региональными межгосударственными объединениями в последние полтора — два десятилетия стало важным инструментом внешней политики Китая.

Институт партнерства продемонстрировал свою эффективность, обеспечивая до настоящего времени определенное снижение уровня международного противодействия динамичному возвышению Китая. Вместе с тем, партнерство остается своего рода «открытой книгой»: его функции, формы, конкретное содержание будут, скорее всего, претерпевать дальнейшую эволюцию, продолжая, однако, оставаться в арсенале внешней политики КНР еще долгое время.

Добрососедство

Добрососедство как инструмент внешней политики КНР имеет общие корни и сохраняет немало точек соприкосновения с политикой партнерства¹². Однако по мере активизации международной деятельности Пекина в «постбиполярный период» постепенно произошло разграничение партнерства и добрососедства, и с начала нынешнего десятилетия добрососедство обрело собственную нишу в арсенале форм и методов реализации внешнеполитического курса КНР.

В отличие от партнерства, объектом которого потенциально являются практически все члены мирового сообщества, политика добрососедства адресована более конкретному ареалу: географическим соседям КНР. В китайской политологии существуют две интерпретации «соседского пояса», окружающего Китай. При узкой трактовке в этот пояс включаются только страны, непосредственно граничащие с Китаем. Сухопутную границу с КНР имеют 14 государств: КНДР, Россия, Монголия, Казахстан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан (через контролируемую им часть Кашмира, которая на российских картах обозначается как принадлежащая Индии), Индия, Непал, Бутан, Мьянма, Лаос, Вьетнам. С перечнем государств, имеющих с КНР морскую границу, дело обстоит сложнее: наряду с констатацией наличия у страны семи соседей по морю (КНДР, Республика Корея, Япония, Филиппины, Бруней, Индонезия, Малайзия) можно подчас встретить упоминание и о десяти таких соседях¹³. Встречается, однако, и расширенная трактовка соседского пояса Китая, в состав которого, помимо непосредственных соседей, включаются также и некоторые другие страны и регионы. Так, Янь Шэнъи, оперирующий понятием «большого соседского окружения Китая», распространяет его на Средний Восток, Австралию, Новую Зеландию и США¹⁴. Сотрудник Института мировой политики Китайской академии современных международных отношений Чэнь Сяньян выделяет шесть зон «большого соседского окружения Китая». Это Центральная Азия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Северо-Восточная Азия, Западная Азия, Южная зона Тихого океана¹⁵.

На наш взгляд, расширительное трактование состава и структуры соседского окружения Китая прямо связано с выходом страны на глобальные роли в мировой политике и экономике и в этом плане вполне объяснимо. Однако очевидно и другое: такой подход чреват размыванием политики добрососедства, еще далеко не во всем устоявшейся и пока не проработанной до мелочей. Это отчасти признает и Чэнь Сяньян, отмечая взаимное «наложение» политики добрососедства при расширительном толковании ее объекта с политикой Китая в отношении великих держав и развивающегося мира. Что же, в контексте высокой динамики развития всего комплекса внешних связей КНР нельзя исключать вероятность последующей трансформации политики добрососедства в разновидность более широкого «мультилатерализма», то есть многосторонней дипломатии. Вместе с тем, в любом случае мы имеем полные основания говорить и о том, что в два-

дцатилетие 1991—2010 гг. китайская политика добрососедства формировалась и действовала как самостоятельный феномен.

Переход КНР к политике добрососедства был продиктован необходимостью существенно улучшить ее отношения с соседними государствами, которые во многих случаях к началу 1990-х гг. оставляли желать лучшего.

Первыми шагами по выправлению ситуации стали: нормализация отношений с Советским Союзом (1989 г.) и достижение с ним соглашения по вопросу о линии прохождения китайско-советской границы на ее восточном участке (май 1991 г.), восстановление дипломатических отношений с Индонезией (1990 г.) и их установление с Сингапуром (1990 г.), Брунеем (1991 г.), Республикой Корея (1992 г.), нормализация отношений с Вьетнамом (1991 г.), признание постсоветских государств Центральной Азии и установление с ними дипотношений.

В 1990-е гг. продвижение в решении Китаем пограничных проблем с Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном было дополнено соглашениями о мерах доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, на базе которых сформировались организации регионального взаимодействия — сначала «Шанхайская пятерка», а затем и Шанхайская организация сотрудничества. Разноплановая поддержка Китаем стран АСЕАН в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. создала предпосылки для существенной активизации политики Пекина в Юго-Восточной Азии. В результате визита Цзян Цзэминя в 1998 г. была подготовлена почва и для определенного улучшения отношений с Японией. Наконец, в отчетном докладе Цзян Цзэминя XVI съезду Компартии Китая (ноябрь 2002 г.) курс добрососедства и дружбы, ориентированный на укрепление регионального сотрудничества и на повышение уровня обменов и взаимодействия КНР с соседними государствами, был провозглашен официально¹⁶. Дальнейшее концептуальное развитие он получил в выступлении премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на торгово-инвестиционном форуме государств АСЕАН 7 октября 2003 г. Это выступление, озаглавленное «Развитие Китая и возрождение Азии» и совпавшее по времени с началом пропаганды идеи «мирного возвышения Китая», было призвано убедить соседей КНР, и не только в Юго-Восточной Азии, в безосновательности каких-либо опасений в связи с обозначившимся ускорением темпов экономического роста и наращивания экономической мощи страны.

Вэнь Цзябао заявил о приверженности Пекина курсу на «дружественное соседство», «безопасное соседство» и «процветающее соседство», подразумевая, соответственно, обеспечение гармоничных межгосударственных отношений, совместную защиту регионального мира и стабильности, преодоление любых разногласий путем переговоров, укрепление взаимовыгодного экономического сотрудничества и углубление интеграционных процессов на региональном и субрегиональном уровнях. Одобрив линию на «дружественное», «безопасное» и «процветающее» соседство, Председатель КНР Ху Цзиньтао в выступлении на встрече с китайскими дипломатическими работниками в августе 2004 г. призвал соединять укрепление дружеского характера двусторонних отношений КНР с соседними государствами с усилением регионального сотрудничества¹⁷.

Изначально основные цели политики добрососедства состояли, во-первых, в выстраивании стабильных гармоничных отношений с соседними государствами, базирующихся на неуклонном углублении взаимного политического доверия; во-вторых, в укреплении сотрудничества Китая с соседями в сфере безопасности и формировании вокруг него «мирного, спокойного окружения»; в-третьих, в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, в том числе в интересах стимулирования интеграционных процессов. В дальнейшем еще одной целью политики добрососедства стало улучшение восприятия Китая в окружающих его странах, предопределившее усиление в ней ранее почти отсутствовавшего культурно-гуманитарного направления.

Практические шаги, «работавшие» на углубление добрососедства, нередко обслуживали сразу несколько целей. Вполне очевидно, что урегулирование Китаем пограничных проблем с той или иной страной способствовало одновременно и улучшению

двусторонних отношений с нею, и повышению уровня безопасности самого Китая, и углублению взаимного политического доверия, что, в свою очередь, благоприятствовало развитию двусторонних торгово-экономических связей. Поэтому, при всей важности в определенный период для той или иной страны каких-то конкретных аспектов проводимой Китаем политики добрососедства, секрет ее эффективности кроется прежде всего в комплексном характере.

Комплексность пекинского варианта добрососедства хорошо прослеживается в традиционных для современной китайской дипломатии предложениях по улучшению отношений КНР с тем или иным государством — а в последние годы без таких предложений не обходится практически ни один значимый визит на уровне глав государств и правительств.

Весьма показательны в этом плане предложения по улучшению двусторонних отношений, адресуемые Китаем Индии. Вслед за подписанием принципиально важного «Соглашения о руководящих политических принципах решения вопроса о китайско-индийской границе» премьер Вэнь Цзябао в ходе своего визита в Индию в апреле 2005 г. предложил: поднять уровень двусторонних отношений, подходя к ним «с высоты стратегии и общей ситуации»; усилить сотрудничество на международной арене для защиты прав развивающихся стран и продвижения демократизации международных отношений; углубить торгово-экономическое сотрудничество на принципах обоюдной выгоды; расширить культурные и гуманитарные обмены, провести в 2006 г. «Год китайско-индийской дружбы», наладить молодежные обмены; выстраивать доверие в сфере безопасности, усиливая соответствующий диалог и обмены по военной линии и углубляя сотрудничество в борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью; продвигать переговоры по вопросу о линии прохождения границы, обеспечивая спокойствие в районе границы и нацеливаясь на превращение приграничных районов двух стран в пояс мира, дружбы и сотрудничества.

В ноябре 2006 г. в ходе визита в Дели Ху Цзиньтао вновь огласил примерно такой же по сути набор предложений, а в сентябре 2008 г. министр иностранных дел КНР Ян Цзечи озвучил обобщенную формулу развития китайско-индийских отношений: «мир, дружба, взаимовыгодное сотрудничество, совместное развитие»¹⁸.

В целом, по мнению одного из ведущих китайских специалистов по международным отношениям Ван Ичжоу, политика добрососедства оказалась достаточно эффективной. Улучшились отношения Китая практически со всеми соседними государствами. Динамичное развитие получили двусторонние торгово-экономические связи (так, объем торговли КНР с АСЕАН вырос с 8,4 млрд долл. в 1991 г. до 160 млрд долл. в 2006 г.). Можно говорить и об определенном смягчении и стабилизации ситуации с безопасностью, по крайней мере, в том плане, что в настоящее время КНР не находится во враждебных отношениях ни с одним соседним государством. Выстраивание политики добрососедства на основе государственных интересов и на базе принципов равенства и взаимного благоприятствования оправдало себя, что делает возможным ее продолжение и совершенствование в перспективе¹⁹.

На наш взгляд, следует назвать как минимум еще одно достоинство политики добрососедства: она способствовала улучшению образа Китая и оздоровлению общей атмосферы его отношений с соседними государствами. В ряде случаев это помогло нахождению взаимоприемлемых решений застарелых проблем (например, в российско-китайских отношениях — вопроса о линии прохождения границы на некоторых участках пограничных рек).

Вместе с тем, у китайской политики добрососедства выявились и определенные ограничения и даже недостатки. Так, она, по крайней мере пока, не привела к окончательному достижению договоренности о прохождении границы между Китаем и Индией — и дело здесь, возможно, не только в «завалах прошлого», но и в уже проявляющихся признаках соперничества двух держав. Беспрецедентно быстрый экономический подъем Китая сопровождался повышенным спросом на природные ресурсы соседних го-

сударств и на их рынки для сбыта там изделий китайского производства. Китайская «ресурсная жажда» и возросшая конкуренция со стороны китайских товаров для местных производителей беспокоят его соседей²⁰. Причем если рост объемов двусторонней торговли той или иной страны с КНР радует ее правящие круги и крупный бизнес, то реакция общественности и рядовых граждан порой бывает негативной. Увеличение прямых китайских инвестиций в соседних государствах подчас обуславливается направлением на совместные предприятия китайских рабочих, что порождало трения во Вьетнаме и Индии, заинтересованных в первоочередном трудоустройстве местного населения. Поэтому «убеждающий, успокаивающий» язык, которым прописывается и артикулируется китайская политика добрососедства, не всегда достигает желаемого эффекта.

Настоящей проверкой политики добрососедства на прочность становится решение проблемы принадлежности островов Южно-Китайского моря, на которые, кроме Китая, претендует целый ряд стран Юго-Восточной Азии. В 2002 г. заинтересованные стороны достигли договоренности о воздержании от односторонних действий, способных обострить ситуацию, и об ориентации на решение существующих споров путем переговоров²¹. Однако в 2009 г., с окончанием срока моратория на страновые заявки о правах на участки шельфа вокруг островов, споры о принадлежности островов Южно-Китайского моря резко обострились, появилась угроза более широкой интернационализации конфликта. Помимо множества иных обстоятельств, достижение компромисса затрудняет и официальная позиция Пекина, еще в 1950-е гг. заявившего о суверенитете Китая над подавляющей частью акватории Южно-Китайского моря и расположенных там островов, тогда как фактический контроль над рядом из них осуществляется другими странами (попутно заметим, что у России какая-либо «свобода маневра» в данном вопросе полностью отсутствует: на всех советских и российских картах воспроизведена официальная китайская версия прохождения морской границы в Южно-Китайском море).

Представляется, однако, что при всех сложностях Китай заинтересован в сохранении нынешнего формата политики добрососедства еще на долгие годы: ведь именно «соседское окружение» является, по мнению китайских экспертов, главной зоной реализации его государственных интересов за пределами страны и главной сферой проецирования его комплексной мощи²². Безусловно, перспективы продолжения и совершенствования китайской политики добрососедства будут в немалой степени зависеть и от того, насколько адекватным и устраивающим Пекин будет отклик на нее со стороны тех стран, которым она адресована.

КНР и ООН

Став в последнее двадцатилетие членом подавляющего большинства наиболее влиятельных международных организаций и переговорных механизмов, КНР продолжает рассматривать в качестве важнейшей на этом направлении свою работу в Организации Объединенных Наций. Отчасти это связано с тем, что, по оценке китайских экспертов, «ни в какой другой международной организации Китай не занимает более высокого места, чем в ООН, и никакая другая международная организация не оказала на Китай большего влияния, чем ООН»²³. Сказалось и то обстоятельство, что основополагающие принципы ООН и идея ее центральной роли в урегулировании международных конфликтов, определении и достижении долгосрочных целей глобального развития оказались весьма созвучны основным постулатам внешнеполитического курса современного Китая, в том числе концепции создания гармоничного мира, отстаиванию права всех стран на самостоятельный выбор пути развития, отрицанию гегемонии в международных отношениях в каких бы то ни было формах и «национальных цветах».

Хорошо известно, что отношения Пекина с ООН складывались непросто. В период 1949—1971 гг. место КНР в ООН и в Совете Безопасности в качестве его постоянного члена было занято представителями администрации Тайваня, действовавшими под флагом «Китайской Республики». Вполне естественно, что в такой ситуации превали-

рующее отношение КНР к ООН выражалось в «недовольстве, критике и осуждении»²⁴. После восстановления законных прав КНР в ООН по результатам голосования на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи в октябре 1971 г. отношения Пекина с ООН вступили в фазу нормализации, «участия и сотрудничества», но вплоть до начала 1990-х гг. высокой активностью в Организации Китай не отличался.

Ситуация весьма резко стала меняться после знаменитой поездки Дэн Сяопина на юг страны в январе-феврале 1992 г., которая обозначила возвращение Китая к активному проведению политики реформ и открытости и завершение «посттяньаньмэньского» (т.е. после силового подавления студенческих демонстраций 4 июня 1989 г.) периода усиления консервативно-изоляционистских веяний в руководстве КНР. Необходимость существенно более активной деятельности на международной арене диктовалась и задачей отстранения ориентиров развития и интересов Китая после распада СССР.

Показательно, что именно с 1992 г. ускорился процесс подключения Китая к основным договорно-правовым режимам и конвенциям ООН, в т.ч. по вопросам защиты интеллектуальной собственности, биоразнообразия, прав человека, по морскому праву и ядерной безопасности. Китай стал одним из первых государств, подписавших Договор о запрещении развития, производства, складирования и использования химического оружия и о его уничтожении. В 2003 г. КНР подписала, а в 2005 г. ратифицировала Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией²⁵. В 1997 г. КНР подписала Международную конвенцию об экономических, социальных и культурных правах (человека), а в 1998 г. — Конвенцию о гражданских и политических правах (конвенции были приняты ООН 16 декабря 1966 г. в целях распространения основных идей и принципов Декларации ООН о правах человека от 10 декабря 1948 г.)²⁶.

КНР интенсивно сотрудничает со специализированными организациями ООН, нередко оказывая безвозмездную помощь их представителям в Пекине и участвуя в оказании помощи беднейшим странам по их линии. В свою очередь, Китай и сам получает определенное финансовое содействие от ряда организаций ООН, прежде всего от Программы развития ООН²⁷. В целом Китаю постепенно удалось сформировать механизм и практику «нормативного» сотрудничества с ООН, т.е. соответствующего стандартам и даже способного служить своего рода примером, образцом²⁸.

Из «безмолвного труженика», которым Китай был в ООН на протяжении 1970-х — 1980-х гг., страна трансформировалась в одного из самых последовательных защитников провозглашенных ООН целей глобального социального и экономического развития, в активного участника большинства переговорных механизмов по вопросам разоружения и нераспространения ядерного оружия. КНР стала чаще использовать трибуну ООН для оглашения тех или иных собственных принципов. Так, председатель КНР Ху Цзиньтао, выступая 15 сентября 2005 г. на встрече глав государств-членов ООН по случаю 60-летия организации, огласил ряд предложений, направленных на создание «гармоничного мира». В их числе: поддержка мультилатерализма в целях обеспечения общей безопасности, развитие взаимовыгодного сотрудничества в интересах достижения совместного процветания, совместное строительство гармоничного мира на основе культурно-цивилизационного многообразия²⁹.

Все это дает китайским экспертам основания прямо связывать деятельность КНР в ООН на современном этапе с реализацией страной функции «ответственной державы»: «Китай должен не только надлежащим образом вести свои дела, но и заботиться о счастье всего мира и человечества в целом». При этом подчеркивается, что «Китай все в большей мере проявляет внимание к делам внешнего мира, участвует в деятельности Совета Безопасности ООН по урегулированию конфликтов»³⁰.

Целый ряд конкретных действий Китая в ООН квалифицируется именно в контексте выявления им статуса ответственной державы.

Во-первых, это касается объявленных председателем КНР Ху Цзиньтао в ходе работы 60-й юбилейной сессии ГА ООН в 2005 г. обязательств Китая по оказанию помощи беднейшим странам. Они включали: обнуление таможенных тарифов для экспорт-

ной продукции 39 наименее развитых государств; списание просроченной задолженности перед КНР беднейших и наиболее отягощенных долгами стран по беспроцентным и низкопроцентным займам; подготовку кадров; создание и совершенствование инфраструктуры здравоохранения; предоставление льготных кредитов продавца³¹.

Во-вторых, особо подчеркивается проявление Китаем статуса ответственной державы в случаях «тщательно взвешенного, осмотрительного применения им права вето». В частности, речь идет о вето Китая при голосовании в СБ ООН проекта резолюции о направлении группы военных наблюдателей в Гватемалу (1 октября 1997 г.) и при голосовании по вопросу о продлении пребывания в Македонии военной миссии ООН с превентивными целями (25 февраля 1999 г.). В обоих этих случаях Китай, как декларируется, руководствовался «основополагающим принципом защиты суверенитета», т.к. Гватемала, игнорируя предостережения КНР, пригласила на церемонию подписания мирных соглашений представителя администрации Тайваня, а Македония 8 февраля 1999 г. установила с Тайванем «дипломатические отношения». В январе 2007 г. КНР вместе с Россией и ЮАР голосовала против проекта резолюции Великобритании и США «О ситуации в Мьянме», что мотивировалось отсутствием угрозы со стороны Мьянмы миру и безопасности в регионе³². 11 июля 2008 г. КНР вместе с Россией по тем же мотивам голосовала против предложенного США и Англией проекта резолюции с осуждением внутренней политики президента Зимбабве Р.Мугабе.

В-третьих, об ответственности КНР как глобальной державы свидетельствует, по оценке китайских политологов, уже сама по себе последовательная поддержка Пекином основополагающих целей и принципов деятельности ООН и ее центральной ключевой роли в обеспечении международного мира. Как отметил в своей речи на 60-й сессии ГА ООН Ху Цзиньтао, «ООН, будучи ядром механизма коллективной безопасности, играет незаменимую роль в международном сотрудничестве по обеспечению глобальной безопасности. Ее роль можно лишь укреплять, но не ослаблять. Нормы и принципы, определенные Уставом ООН... уже стали общепризнанными базовыми критериями международных отношений, их необходимо неукоснительно соблюдать»³³.

В-четвертых, в определенной мере растущая ответственность КНР как члена международного сообщества проявилась в увеличении его доли во взносах в бюджет ООН. Эта доля в 1980 г. была снижена до 1,62% по сравнению с 5,5% в период 1974—1979 гг.; в 1983 г. вновь снижена до 0,88%. В период 1987—1997 гг. она колебалась в диапазоне 0,7—0,8%. Постепенный рост доли Китая во взносах в бюджет ООН начался с 1998 г. (0,901%). С 2003 г. она превышала 2% и в 2007 г. достигла 2,667%. Для сравнения: доля России составила в 2007 г. 1,2%, тогда как доля СССР в 1990—1991 гг. была 9,99%³⁴. Последовавшее дальнейшее увеличение доли Китая во взносах в бюджет ООН довело ее до 3,1% в настоящее время³⁵.

И все же, пожалуй, в наибольшей мере статус Китая как ответственной глобальной державы реализуется в такой сфере деятельности ООН, как *миротворческие операции* под ее эгидой. КНР присоединилась к деятельности Специального комитета ООН по миротворческим операциям в 1988 г., в апреле 1989 г. она впервые предоставила в распоряжение Группы ООН по помощи в осуществлении переходного периода (ЮНТАГ) 20 гражданских лиц для наблюдения за выборами в Намибии. В 1992 г. китайские гражданские инженеры в количестве 400 чел. были направлены в распоряжение переходной администрации ООН в Камбодже. В общей сложности с 1990 по 2009 гг. Китай принял участие в 18 миротворческих миссиях ООН, направив за рубеж свыше 11 тыс. миротворцев, из них 1100 — военных наблюдателей. По состоянию на 30 июня 2009 г., в миротворческих миссиях ООН находились 2148 миротворцев из КНР. Это 13-е место среди всех стран, предоставивших миротворческие контингенты. Крупные контингенты китайских миротворцев, представленные инженерами, врачами, транспортными подразделениями, действовали в Букаву (Республика Конго), в Либерии, Судане, Ливане. По некоторым оценкам, Китай предоставил больше миротворцев, чем другие постоянные члены Совета Безопасности ООН. В связи с этим в июне 2009 г. в Пекине был создан миро-

творческий центр Министерства обороны КНР, предназначенный для подготовки персонала и обмена опытом деятельности в данной сфере.

В целом, по оценке китайских экспертов, активное участие КНР в миротворческих операциях отражает усилия страны по выполнению своих обязательств в деле обеспечения международного мира и безопасности³⁶. Одновременно оно помогает Пекину лучше интегрироваться в международный режим обеспечения безопасности и тем самым содействовать собственной безопасности. Наконец, поскольку участие в миротворческой деятельности позволяет Китаю проецировать вовне имеющуюся и потенциальную мощь, оно может служить важным стратегическим ресурсом страны³⁷.

Основные особенности позиционирования КНР в ООН нашли отражение в *эволюции ее подхода к реформе этой организации*.

Вопрос о реформе ООН впервые был поставлен в повестку дня по инициативе развивающихся стран в 1979 г. Они апеллировали в первую очередь к тому обстоятельству, что структура и методы работы организации, унаследованные от начального периода ее деятельности, когда в ООН входило несколько десятков стран, должны быть приведены в большее соответствие с такими новыми реалиями, как появление большой группы независимых развивающихся государств, утроение числа стран-членов Организации Объединенных Наций и т.п. Распад СССР и таких тесно связанных с ним блоковых организаций, как СЭВ и ОВД, ознаменовавший завершение эпохи биполярного мироустройства, сделал задачу реформирования ООН еще более настоятельной. В 1993 г. была создана специальная рабочая группа, ставшая наиболее важным форумом для обсуждения предложений по реформе ООН и ее Совета Безопасности. 20 марта 1997 г. рабочая группа представила предложения о реформе, подготовленные в виде проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Данные предложения, получившие известность как «Доклад Разали о реформе ООН», предусматривали увеличение Совета Безопасности с 15 до 24 членов с добавлением пяти постоянных членов СБ и четырех непостоянных. Усиливался географический принцип представительства в СБ. Предлагалось ввести ограничения на использование права вето с ориентацией на его последующую отмену. Новые постоянные члены СБ не должны были бы иметь права вето³⁸.

После нескольких лет обсуждений в марте 2005 г. с докладом о реформе ООН и СБ выступил генеральный секретарь организации Кофи Аннан. Его предложения по духу были весьма близки предложениям «Доклада Разали». В частности, Кофи Аннан также предложил увеличить Совет Безопасности с 15 до 24 членов, правда, с доведением числа постоянных членов до 11 и с сохранением права вето только у пяти прежних постоянных членов СБ. Аннан рассчитывал, что реформа будет проведена в самые краткие сроки и что ее детали могут быть окончательно согласованы уже в сентябре 2005 г. на юбилейной 60-й сессии ГА ООН. Доклад Аннана стимулировал высокую активность Германии, Японии, Бразилии и Индии, которые выступили за свое одномоментное включение в число постоянных членов СБ единой группой. Однако на сессии Генассамблеи консенсуса по вопросу реформы добиться не удалось, и проблема продолжает обсуждаться до настоящего времени.

В подходе КНР к реформе ООН можно выделить три этапа.

В 1990-е гг. Пекин весьма активно поддерживал реформу организации, поскольку она была созвучна китайскому тезису о необходимости установления нового международного политического и экономического порядка. Китай выступал за усиление в деятельности ООН акцента на экономические и социальные проблемы, за повышение представительства и лучший учет интересов развивающихся стран. Китайское видение роли ООН и задач ее реформирования оказалось близко российскому и нашло развернутое отражение в совместных декларациях по итогам взаимных визитов глав КНР и РФ.

В декларации от 3 сентября 1994 г. констатировалась готовность России и Китая как постоянных членов СБ ООН «продолжать оказывать поддержку ООН, совместно с другими странами способствовать усилению ее роли в сфере поддержания международ-

ного мира и безопасности, содействия развитию, предупреждения и урегулирования конфликтов»³⁹.

В декларации от 25 апреля 1996 г. ООН была охарактеризована как «уникальный механизм для сотрудничества во имя мира, развития и безопасности». Вместе с тем, отмечалась и необходимость «в целях адаптации к изменившейся международной обстановке... провести соответствующую реформу ООН и ее органов; деятельность ООН и процесс принятия ее решений должны еще лучше отражать общие чаяния и коллективную волю всех стран-членов ООН»⁴⁰.

В документе от 23 ноября 1998 г. «Российско-китайские отношения на пороге XXI века» отмечалось, что возможное расширение Совета Безопасности «должно основываться на строгом соблюдении принципа справедливого географического представительства и опираться на широкое согласие, а в идеале — консенсус стран-членов ООН»⁴¹.

Между тем в конце 1998 — начале 1999 гг. все сильнее стало проявляться стремление США и их союзников по НАТО оказать давление на Югославию по косовской проблеме, причем действуя в обход ООН. 24 марта 1998 г. ВВС НАТО без непосредственной санкции Совета Безопасности ООН начали бомбардировки стратегических объектов в Сербии, включая Белград⁴². В этой ситуации на первый план для Китая, как и для России, вышла задача не той или иной реформы ООН, а защиты ее легитимности и центральной роли в обеспечении мира и безопасности. Уже в Совместном заявлении глав государств от 23 ноября 1998 г. РФ и КНР констатировали, что главная уставная ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности «ни при каких обстоятельствах не должна ставиться под сомнение» и что «любые попытки обхода Совета чреваты подрывом существующего механизма поддержания мира». Год спустя в Совместном заявлении по актуальным проблемам современной международной обстановки от 9 декабря 1999 г. Китай и Россия высказались «за сохранение в неизменном виде уставных полномочий нынешних постоянных членов Совета Безопасности», охарактеризовав данное положение как «необходимое условие обеспечения эффективности и стабильности ООН»⁴³. То есть, попросту говоря, речь шла о сохранении за Китаем и Россией права вето при любых вариантах реформы ООН.

Тем самым было положено начало второму этапу эволюции подхода КНР к реформе ООН, который продлился примерно до 2003–2004 гг.

Для этого периода была характерна высокая динамика международно-политической жизни, не вполне благоприятная для реформы организации, да и прости отодвигавшая в тень задачу проведения каких-либо преобразований. Назовем террористические акты в США 11 сентября 2001 г., поддержанную ООН операцию против режима талибов в Афганистане, давление США и Англии на режим Саддама Хусейна в Ираке и начало военных действий против него.

КНР, вступившая в конце 2001 г. во Всемирную торговую организацию, стала в большей мере, чем раньше, ощущать себя составным элементом существующего миропорядка. Такую же роль играл и статус постоянного члена Совета Безопасности. Глубже, чем раньше, осознав свою принадлежность вместе с другими постоянными членами СБ ООН к державам, ориентированным на сохранение статус-кво, КНР стала выступать не за реформу ООН вообще, а за «рациональную и ограниченную реформу», которая «выдержала бы проверку временем и была бы приемлема для подавляющего большинства членов организации». Соответственно, Пекин выступил против введения каких-либо конкретных сроков завершения преобразований⁴⁴.

Показательно, что на несколько лет само упоминание о реформе ООН исчезает из совместных российско-китайских коммюнике, уступив место призывам к «укреплению ведущей роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах» (16 июля 2001 г.), к «дальнейшему повышению эффективности ООН и, в частности, ее Совета Безопасности» (2 декабря 2002 г.)⁴⁵.

Вместе с тем, эта своеобразная пауза позволила Китаю глубже осмыслить плюсы и минусы для него различных вариантов реформы ООН и прежде всего Совета Безо-

пасности и на этой основе более четко определить свой стратегический подход. Видимо, дело не обошлось без некоторых колебаний, «что же будет лучше для Китая: реформированный Совет Безопасности или же неизменный?» «Как развивающаяся страна КНР выступает за демократический, транспарентный Совет с более равным представительством, но как постоянный член СБ она не согласна с отменой права вето»⁴⁶. В конечном счете возобладала точка зрения, что попытки заблокировать реформу СБ были бы наихудшим вариантом, поскольку грозили бы маргинализацией ООН. И хотя расширение СБ невозможно решить все имеющиеся проблемы, реформа, нацеленная на привлечение в Совета Безопасности новых членов, необходима. Был сделан вывод, что хотя исход реформы может не быть всецело благоприятным для Китая, но для взятых вместе членов СБ, включая Китай, расширение СБ явится лучшим выходом. По оценке китайских экспертов, у КНР как у ответственной мировой державы возобладало стремление «найти надлежащий баланс между собственными национальными интересами и международной ответственностью», настроен на сотрудничество с другими великими державами⁴⁷.

Вновь возросшее внимание к ООН нашло отражение в Совместной декларации глав России и Китая от 27 мая 2003 г. по итогам первого визита председателя КНР Ху Цзиньтао в РФ. Вопросы деятельности организации оказались затронуты в четырех из десяти разделов документа. Особо была подчеркнута координирующая роль ООН «с ее авторитетом, универсальным характером и уникальным опытом» в деле обеспечения международного мира и безопасности, включая «противодействие новым угрозам и вызовам на прочной основе международного права»⁴⁸.

А в октябре 2004 г. в очередной совместной декларации КНР и РФ по итогам встречи на высшем уровне стороны заявили о признании необходимости реформы Совета Безопасности ООН «с тем, чтобы укрепить его способность реагировать на вызовы и угрозы, придать ему больше представительности и повысить эффективность его работы»⁴⁹.

Пауза закончилась, и эволюция отношения КНР к реформе ООН вступила в третий этап, продолжающийся по настоящее время. Он характеризуется тем, что Пекин, поддерживая саму идею реформы, воздерживается от активных действий и не форсирует события, апеллируя к необходимости достижения максимально широкого консенсуса по вопросу о новых постоянных членах СБ. В отдельные моменты Китай высказывал возражения против предоставления места постоянного члена СБ Японии, но, думается, блокировать предоставление ей такого статуса он не будет. В то же время, в речи на юбилейной сессии ГА ООН в сентябре 2005 г. Ху Цзиньтао высказался за расширение в Совета Безопасности представительства африканских стран.

В целом же Китай в настоящее время чувствует себя в ООН намного увереннее, чем десять и, тем более, двадцать лет назад. Это позволяет ему, действуя на этом направлении в унисон с Россией, неизменно высказываться в последние годы в поддержку реформы ООН и ее СБ, одновременно воздерживаясь от каких-либо активных самостоятельных действий по ее продвижению. Так, в совместной декларации РФ и КНР по основным международным вопросам от 23 мая 2008 г. зафиксирована поддержка «необходимой и рациональной реформы ООН... в целях усиления ее потенциала реагирования на новые вызовы и угрозы», но одновременно отмечается, что «проведение реформы должно основываться на принципах консенсуса, последовательности и постепенности»⁵⁰.

В российско-китайской декларации от 27 сентября 2010 г. по итогам визита Д.А. Медведева в Китай выражена аналогичная поддержка реформированного Совета Безопасности ООН, при этом стороны «выступают за то, чтобы государства-члены ООН путем самых широких консультаций на демократической основе стремились к консенсусу по вопросу реформы».

* * *

Выше освещена лишь часть направлений обновления внешнеполитического инструментария КНР. Детального анализа заслуживают также деятельность Пекина в других, помимо ООН, международных организациях, его экономическая дипломатия, под-

ход к проблемам международной безопасности, включая противодействие нетрадиционным угрозам и вызовам, усилия по улучшению образа страны за рубежом, культурная дипломатия, ставшая важным элементом укрепления как «мягкой» (soft), так и «умелой» (smart) силы Китайской Народной Республики. На наших глазах зарождается и ранее отсутствовавшая в арсенале Пекина инновационная дипломатия. Одним словом, проблема обновления внешнеполитического инструментария КНР требует дальнейшего осмысления и исследования.

1. *Ван Ичжоу* (Чжу бьянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008) [30 лет трансформации внешних связей Китая]. Пекин, 2008. С. 32.
2. Там же. С. 223.
3. *Scott, David*. «The Chinese Century?»: The Challenge to global order. London. 2008. P. 25—26. Дэвид Скотт читает лекции по международным отношениям в Университете Брунел, Великобритания. При анализе китайской формулы партнерства он опирается на работы Дж. Гарвера. М. Свайна, Юн Дэна.
4. Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999 гг. М., 1999. С. 271.
5. Там же. С. 333.
6. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. М., 2007. С. 144.
7. *Ван Ичжоу* (Чжу бьянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008). С. 35.
8. *Xiao Feng*. China's strength does not mean diplomatic power in short-term. — http://english.peopledaily.com.cn/90001/90780/91342/714_1067.html.
9. *Янь Шэньи*. Дандай Чжунго вайцзяо. [Дипломатия современного Китая] Шанхай, 2009. С. 45—46.
10. По-китайски, соответственно, «цюаньмянь туйцинъ чжаньлюэ хобань гуаньси» в случае с Германией и «цюаньмянь шэньхуа чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси» в случае с Россией. См.: Жэньминь жибао. 17 июля; 28 сент. 2010. Официальный текст Совместного заявления от 27.09.2010 на русском языке размещен на сайтах Президента РФ и Посольства РФ в КНР.
11. Хайгуань тунци [Таможенная статистика]. Пекин, 2009. № 12. С. 4—5.
12. Наличие точек соприкосновения между партнерством и добрососедством оказалось удачно отражено в названии монографии под редакцией Чжан Юньлина «Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors» [«Создавая новое партнерство: возвышающийся Китай и его соседи»]. (Beijing, 2008). Монография подготовлена на основе докладов китайских и зарубежных ученых на конференции с аналогичным названием в Пекине в июле 2007 г., организованной Институтом АТР Академии общественных наук Китая.
13. См., например: *Янь Шэньи*. Дандай Чжунго вайцзяо [Дипломатия современного Китая]. Шанхай, 2009. С. 16. (Различие, надо полагать, связано с той или иной интерпретацией линии прохождения морской границы КНР в Южно-Китайском море. При максимальном ее варианте в число морских соседей КНР могут попасть также Сингапур, Таиланд и Камбоджа. Не исключено, однако, что данные о «десяти морских соседях Китая» отражают устаревшую политическую географию — скажем, в начале 1970-х годов сюда входили Сабах и Саравак. Тайвань во всех случаях не учитывается).
14. *Янь Шэньи*. Указ. соч. С. 16.
15. *Чэнь Сяньян*. Индуй «да чжоубянь» любань куай. [Политика в отношении шести зон «большого соседского окружения»] // Ляован. Пекин, 2010. № 34. С. 59.
16. *Ху Шусян* (Чжу бьянь). Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 280.
17. Там же. С. 281.
18. *Ху Шусян*. Указ. соч. С. 283—285.
19. *Ван Ичжоу*. Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008). Пекин, 2008. С. 35.
20. Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors. 2008. P. 16—17.
21. Вопрос о претензиях ряда стран на острова Южно-Китайского моря детально изложен в работах российских ученых. См.: *Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: 2007; *Степанов Е.Д.* Спорные вопросы в омывающих Китай морях // Политика начинается с границы: Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М., 2007. С. 184—220; *Агафонов Г.Д.* Пра-

- новые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. М., 2004.
22. Чэнь Сяньян. Указ. соч. С. 59.
 23. Чжао Лэй. Гоуцзянь хэпин: Чжунго дуй Ляньхэго вайцзяо синвэй дэ яньцинь [Строительство мира: эволюция дипломатической деятельности Китая в отношении ООН]. Пекин, 2007. С. 135.
 24. Там же. С. 20.
 25. Чжао Лэй. Указ. соч. С. 134—135.
 26. *Mo Jihong*. A New Perspective on Relations between Human Rights Covenants and China. // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 196.
 27. Среди направлений содействия Программы развития ООН Китаю следует упомянуть начатую в 1997 г. совместную подготовку докладов о человеческом развитии, которые сыграли важную роль в повышении «статусности» социальных программ в КНР, отработке мероприятий по борьбе с бедностью, осознании глубины разрыва в уровнях развития регионов страны. См., например: China Human Development Report 1999. Transition and the State. UNDP, Beijing, 2000.
 28. Чжао Лэй. Указ. соч. С. 159.
 29. Ху Цзиньтао. Нули цзяньшэ чнцзю хэпин, гунтун фаньжун дэ хэсэ шицзе [Приложить усилия в деле строительства гармоничного мира, характеризующегося долговременной мирной обстановкой и всеобщим процветанием]. // Жэньминь жибао. 16 сент. 2005.
 30. Чжао Лэй. Указ. соч. С. 145, 133.
 31. Цит. по: Ван Ичжоу. Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008). Пекин, 2008. С. 128.
 32. Чжао Лэй. Указ. соч. С. 171—181.
 33. Жэньминь жибао. 16 сент. 2005.
 34. Чжао Лэй. Указ. соч. С. 236.
 35. China and the UN: a long standing partnership // Beijing Review. 2010. 30 Sept. P. 12. По правилам ООН, страны с доходами менее 7000 долл. на человека в год пользуются 80-процентной скидкой в исчислении их взносов в бюджет организации. В перспективе, когда КНР потеряет право на скидку (сейчас среднедушевой доход здесь составляет 3700 долл.), она займет третье место по величине взноса вслед за США и Японией.
 36. *Hu Yimin*. China's Expanding Participation in the UN Peacekeeping Operations // Contemporary International Relations, Beijing, 2009. Nov.-Dec. P. 46—56; Beijing Review. 2010. 30 Sept. P. 11.
 37. *Tang Yongsheng*. China's Participation in UN Peacekeeping Regime // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction. — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 84—87.
 38. *Li Dongyan*. A Chinese Perspective of UN Security Council Reform // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction. — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 107—113.
 39. Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999 гг. М., 1999. С. 273.
 40. Там же. С. 336.
 41. Там же. С. 454.
 42. *Богатуров А.Д., Аверков В.В.* История международных отношений (1945—2008 гг.). М., 2009. С. 459—460.
 43. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. М.: 2007. С. 28.
 44. *Li Dongyan*. Op. cit. P. 117.
 45. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. С. 156, 226.
 46. *Li Dongyan*. Op. cit. P. 123.
 47. *Li Dongyan*. Там же. P. 124—127.
 48. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. С. 243—253.
 49. Там же. С. 291.
 50. Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 11.

Экономика

Китай во время и после мирового кризиса

© 2011

М. Потапов

Автор анализирует состояние и перспективы внешнеэкономического сектора экономики КНР последних лет. Отмечено наличие ряда благоприятных факторов дальнейшего динамичного развития китайской экономики.

Ключевые слова: экономика Китая, мировой кризис, прямые иностранные инвестиции, укрепление юаня, внешняя задолженность, валютные резервы.

Последние 10–15 лет экономика Китая показала низкую чувствительность к спадам и кризисам в мировой экономике и торговле. В 1997–1998 и 2001 гг. сокращение темпов роста торговли КНР с зарубежными странами, вызванное внешними факторами, не оказало сильного воздействия на экономический рост. И хотя за первое десятилетие XXI в. зависимость КНР от международных рынков несколько повысилась, решающими в хозяйственной динамике остаются внутренние факторы.

Разразившийся в 2008–2009 гг. мировой кризис также оказал незначительное влияние на экономическое развитие КНР. Несмотря на некоторое замедление (прирост ВВП 8–9% по сравнению с 13% до кризиса, см. табл.1), Китай сохранил стабильные темпы экономического роста и во многом сыграл роль локомотива мировой экономики, способствовал выправлению общей экономической конъюнктуры. Именно в 2008 г. в период кризиса Китай вышел на третье место по объему ВВП, (при подсчете по официальному обменному курсу), уступив лишь США и Японии. Обрабатывающая промышленность является надежной основой внешнеторговой системы КНР. Готовая промышленная продукция составляет 95% совокупного объема экспорта, а в структуре импорта Китая на нее приходится 69%¹. Китай стал ведущим мировым экспортером (10% мировых товарных поставок), опередив в 2009 г. Германию. В списке импортеров он стал вторым после США.

Абсолютные показатели внешней торговли КНР достигли громадных размеров (см. табл.2), однако в относительном выражении ее значимость в национальной экономике снижается (удельный вес упал с 62,2% в 2007 г., до 44,3% в 2009 г.) Китай сознательно ослабляет свою экспортную ориентацию, проводя постепенный переход к модели экономического развития с опорой на внутренние факторы роста. Кризис ускорил такой переход: сокращение на 20% внешнеторгового оборота в результате снижения внешнего спроса потребовало переориентировать производство экспортной продукции на внутренний рынок.

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, начальник Отдела сопровождения зарубежных проектов Департамента по управлению проектами ОАО «Газпром».
E-mail: mpotapov@gazprom.

Внутрирегиональная торговля здесь в значительной мере опирается на детали и узлы для обрабатывающего сектора, которые, в свою очередь, связаны со спросом на готовые потребительские товары в развитых странах. Страны, территории и компании, которые тесно связаны посредством производственных сетей с рынками США и Евросоюза, оказываются наиболее уязвимыми перед спадом на этих рынках. Китай, преимущественно через Гонконг, импортирует из стран региона около трети общей промышленной продукции, представляющей собой детали, узлы и компоненты в рамках производственного кооперирования. Около трети импорта такой промежуточной продукции из развивающихся стран Азии Китай использует для последующего промышленного экспорта. Так, доля СП во внешнеторговом обороте Китая превышает 50%, при этом доля поручительской переработки и сборки в их внешней торговле составляет 60%, в том числе в экспорте — 72%². Таким образом, экономическая рецессия на американском и европейском рынках существенно влияет на показатели экспорта КНР в сторону снижения.

Таблица 1

**Показатели прироста ВВП и платежного баланса по текущим операциям КНР
(2007–2010 гг.)**

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г. (оценка)
Прирост ВВП (%)	13,0	9,0	8,5*	9,6**
Сальдо платежного баланса по текущим операциям (млрд долл.)	371,8	426,1	284,1	324,9
Платежный баланс по текущим операциям (% от ВВП)	10,6	9,4	5,8	5,7

*в середине 2010 г. статистические органы КНР скорректировали показатели роста ВВП за 2009 г. до 9,1% (China Daily. 2010. 2 июля.).

**показатели за первую половину 2010 г. позволяют прогнозировать прирост ВВП КНР в 2010 г. свыше 10%.

Источник: Asian Development Outlook-2010. Asian Development Bank. Hong Kong, 2010.

Таблица 2

Динамика внешней торговли КНР (2007–2010 гг.)

Годы	Оборот		Экспорт		Импорт		Сальдо. Млрд долл.
	млрд долл.	%*	млрд долл.	%*	млрд долл.	%*	
2007	2173,80	23,5	1217,80	25,8	956,00	20,3	261,80
2008	2563,30	17,9	1430,70	17,6	1132,60	18,7	298,10
2009	2207,27	-13,9	1201,66	-16,0	1005,60	-11,2	196,06
2010 (оценка)	2495,00	13,0	1354,00	12,7	1141,00	13,5	273,3

*темпы прироста к предшествующему году.

Источники: сайт Министерства торговли КНР (<http://www.mofcom.gov.cn/>); Asian Development Outlook-2010. Asian Development Bank. Hong Kong, 2010.

Китаю удалось решить эту проблему, расширив внутренний рынок за счет строительства инфраструктурных объектов (дорог, аэропортов, вокзалов и т.п.), недвижимости, производства автомобилей, сельского потребительского рынка³. Результатом мер по поддержанию сбалансированного роста внешней торговли станет, как ожидается, восстановление в 2010 г. докризисного уровня объемов торговли, что составляет около 2,5 трлн долл.

С другой стороны, в целях увеличения объема импорта и поддержания сбалансированного развития внешней торговли китайское правительство намерено предпри-

нять следующие меры: снизить импортные тарифы, чтобы их общий уровень в 2010 г. опустился до 9,8%, постепенно сократить таможенные сборы на импорт части сырья и конечных потребительских товаров; упростить импортную процедуру, включая таможенную очистку, карантинный контроль и торговое финансирование; поэтапно отменить пошлины на товары, ввозимые из наименее развитых стран.

Китайское руководство не зря придает большое значение необходимости проведения мероприятий, стимулирующих импорт. Дело в том, что в кризисный период в результате протекционистских по сути мер по ограничению импорта, применяемых многими государствами, обостряются их торговые противоречия. Так, в 2009–2010 гг. США ввели повышенные таможенные тарифы на ввоз из Китая автомобильных покрышек, а также на стальные трубы. Китай ответил дополнительными налогами на импорт из США мяса птицы, а также подал иск в ВТО в связи с налоговыми барьерами на экспорт обуви в ЕС. В свою очередь, Евросоюз и Япония пожаловались в ВТО на решение КНР приостановить экспорт редкоземельных металлов.

Последняя статистика притока в Китай прямых иностранных инвестиций (ПИИ) свидетельствует: тенденция их роста продолжается. Так, в 2009–2010 гг., в период кризиса, объемы фактически использованных ПИИ (в нефинансовом секторе) прирастали в среднем на 90 млрд долл. (см. табл. 3). На 2010 г. прогнозировался их рост более, чем на 100 млрд долл. Основные инвестиционные партнеры Китая: страны Евросоюза, США, Япония, государства АСЕАН.

Таблица 3

Динамика движения трансграничных капиталов в КНР в нефинансовом секторе (2007–2009 гг.)

Годы	2007		2008		2009		Накопленные итоги на конец 2009 г., млрд долл.
	млрд долл.	%*	млрд долл.	%*	млрд долл.	%*	
Использование ПИИ в КНР	74,8	13,6	92,4	23,6	90,0	-2,6	950,0** 473,1***
Экспорт ПИИ	18,7	6,2	40,7	63,6	43,3	6,5	190,6

*темп прироста к предшествующему году

**без учета амортизации основных фондов

***с учетом амортизации основных фондов

Источники: сайт Государственного статистического управления КНР (<http://www.stats.gov.cn/>); World Investment Report-2010. N.Y.: Geneva, 2010.

Показательно, что в период кризиса более, чем удвоились объемы инвестирования Китая за рубежом: с 18,7 млрд долл. в 2007 г. до 40,7 млрд долл. в 2008 г. В результате на фоне сокращения общемировых ПИИ вырос удельный вес Китая, приблизившегося вплотную к первой мировой десятке экспортеров капитала.

В 2010 г. прямые нефинансовые капиталовложения, осуществленные китайскими инвесторами за рубежом, превышают, по прогнозам Министерства торговли КНР, 50 млрд долл. К середине 2010 г. общая сумма прямых нефинансовых инвестиций Китая за рубежом достигла 226,5 млрд долл.⁴ Китай активно инвестирует, помимо Гонконга, в Швецию, Канаду, Австралию, США, Бразилию.

Все активнее китайские инвесторы используют такой механизм капиталовложений за рубежом, как покупку и слияние. К примеру, в первом полугодии 2010 г. объем

инвестиций такого рода составил 22% общего объема китайских капиталовложений за рубежом. Крупнейшей сделкой стало приобретение в июле 2010 г. китайской автомобилестроительной компанией «Цзили» (за 1,788 млрд долл.) 100% акций шведского производителя автомобилей «Вольво», входящего в американскую корпорацию «Форд Мотор».

Такие большие инвестиции стали возможны благодаря накопленной Китаем солидной финансовой базе. Объем его валютных резервов превысил 2,4 трлн долл., Китай уже несколько лет опережает по этому показателю все другие страны. Сыграло роль и падение цен на инвестиционные проекты, связанное с разработкой природных ресурсов, снижение стоимости акций на мировом фондовом рынке и т.д. Китай активно внедряется на африканский и ближневосточные рынки. Решая на льготных условиях долговые проблемы Анголы, ЮАР, Судана, Нигерии, получает разрешения на разработку месторождений и добычу углеводородов и многих ценных видов горнорудного сырья.

Таблица 4

Показатели долгового положения КНР в 2007–2009 гг. (по состоянию на конец года)

Годы	Валютные резервы, млрд долл.	Общая сумма внешней задолженности, млрд долл.	Козф. обслуживания внешнего долга*, %	Козф. долговой ответственности**, %
2007	1540,0	373,8	2,4	12,2
2008	1980,0	378,2	2,2	11,0
2009	2430,0	470,0	2,5	8,7

*коэффициент обслуживания внешнего долга — отношение ежегодных выплат по обслуживанию внешнего долга, включая проценты по нему, к торговым и неторговым валютным доходам за соответствующий год.

**коэффициент долговой ответственности — доля внешнего долга в объеме ВВП соответствующего года.

Источник: *Asian Development Outlook-2010. Asian Development Bank. Hong Kong, 2010.*

По размещению инвестиций за рубежом Китай вышел на 2-е место в мире после США. Объем китайских инвестиций за границей постепенно приближается к количеству привлеченного в страну иностранного капитала.

В отношении валютно-кредитной политики КНР следует отметить сохранение ее автономности от мировой экономики. Курс юаня за последние годы последовательно укреплялся: с 8,2 ю. за долл США в 2005 г. до 6,8 ю. за долл в 2008 г. Несмотря на временное возвращение к жесткой привязке юаня к доллару в 2008–2010 гг. (при сохранении плавающего курса к другим ведущим мировым валютам), следует ожидать укрепления юаня в качестве общеазиатской валюты и повышения его роли в мировых расчетах. Процесс будет носить инерционный характер при постепенной ревальвации юаня и сохранении в течении ряда лет неконвертируемости по счетам движения капиталов. Удорожание юаня вряд ли приведет к исчезновению у Китая торгового профицита с США. Отметим, что в условиях привязки к доллару положительное сальдо торгового баланса КНР за 2008–2009 гг. сократилось на треть.

С 1 октября 2010 г. в Пекине, в провинциях Гуандун, Шаньдун, Цзянсу Главное управление валютного контроля Китая развернуло экспериментальную программу, разрешающую национальным предприятиям хранить полученные от экспорта доходы на счетах в зарубежных банках. Этот важный шаг в реформировании системы валютного контроля призван способствовать повышению финансовой эффективности китайских предприятий и упрощению механизмов торговли, а также сокращению чрезмерного притока капитала в страну и ослаблению постоянно нарастающего давления на экономику со стороны его огромных золотовалютных резервов.

В Китае развертывание этой экспериментальной программы оценивают как начало перехода от системы валютного контроля к модели со сбалансированным притоком-оттоком иностранной валюты. Это, как ожидается, положительно повлияет на сальдо торгового баланса, а также позволит избежать дестабилизирующего влияния избыточной ликвидности на рост экономики, снизить инфляционное давление и напряженность вокруг ревальвации юаня. Кроме того, данные меры будут способствовать повышению роли китайской валюты на международном рынке и, как следствие, ее дальнейшей интернационализации.

Наглядным примером этому служит вступившее с начала 2010 г. в силу соглашение о создании зоны свободной торговли между КНР и АСЕАН, в которой валютой является китайский юань. Соглашение освобождает от тарифов около 90% торгуемой продукции (на наиболее чувствительные для стран товары соглашение пока не распространяется).

Китай активно продвигает юань в качестве азиатской региональной валюты. К 2009 г. им подписаны двусторонние своп-соглашения о взаимной конвертации национальных валют (с Японией, Таиландом, Филиппинами, Республикой Корея, Малайзией, Индонезией в рамках Чиангмайской инициативы стран-участниц группы «АСЕАН+3»)⁵.

Значительное событие произошло в 2010 г. в отношениях материкового Китая с Тайванем. Подписанное 29 июня 2010 г. в Чунцине⁶ рамочное соглашение об их экономическом сотрудничестве ознаменовало максимальное сближение сторон в экономической области за последние 60 лет — с момента образования КНР. Документ подписали со стороны КНР — Чэнь Юньлинь (председатель Ассоциации связей через Тайваньский пролив), со стороны Тайваня — Цзян Бинкунь (председатель Фонда обменов через Тайваньский пролив, заместитель председателя правящей партии Гоминьдан).

Соглашение, вступающее в силу в начале 2011 г., предусматривает устранение в течение двух лет тарифов на 539 товарных позиций тайваньского экспорта в КНР стоимостью 13,84 млрд долл. (или около 16% общего объема) и на 267 товарных позиций экспорта с материка (стоимостью 2,86 млрд долл., или 11% общего объема). Ныне налицо существенный торговый дисбаланс в пользу Тайваня: из объема двусторонней торговли стоимостью 110 млрд долл. 80 млрд приходится на тайваньские товары, экспортируемые в КНР⁷. В результате предстоящей либерализации взаимной торговли можно ожидать ускорения ее роста, при сохранении активного сальдо в пользу Тайваня.

Соглашение также предоставляет Тайваню доступ на китайский рынок в 11 секторов сферы услуг, включая банковский, страховой, финансовый, бухгалтерский, медицинский. Так, сразу же после заключения соглашения — уже в июле 2010 г. Банк Китая в Гонконге получил право на осуществление межбанковских расчетов с Тайванем в наличных юанях. Одновременно было подписано соглашение о защите прав интеллектуальной собственности и сотрудничестве в этой области.

По словам президента Тайваня Ма Инцзю, данное соглашение не является «чудесным лекарством» от всех болезней тайваньской экономики (промышленность острова необходимо поднимать на новый инновационный уровень), но оно, как рассчитывает гоминьданское правительство Тайваня, будет содействовать поддержанию конкурентоспособности тайваньского бизнеса в регионе стран ЮВА в условиях вступления в силу соглашения о свободной торговле между КНР и АСЕАН. Так, Китай по соглашению обещал отменить за ближайшие два года импортные тарифы на рыбу, некоторые виды фруктов, чай из Тайваня. Поддержка тайваньского экспорта в КНР может способствовать созданию на острове дополнительных рабочих мест и ускорению роста ВВП на 1–2%.

Одновременно на Тайване прошли демонстрации протеста со стороны оппозиции во главе с Демократической прогрессивной партией. По их мнению, такое соглашение может больно ударить по мелкому и среднему бизнесу, который не выдержит конкуренции с китайскими компаниями. Ратификация соглашения в тайваньском парламенте обещает быть не гладкой.

Китайско-тайваньское соглашение снимает политическую напряженность в двусторонних отношениях, служит расширению экономических связей. Но это — лишь начало пути к тесной экономической кооперации. После вступления в силу рамочного соглашения переговоры по торговле товарами, услугами и инвестициям будут продолжены.

Соглашение подтягивает Тайвань к процессам экономической интеграции и торговой либерализации в тихоокеанской Азии. В ближайшие два года тайваньская администрация планирует провести переговоры по заключению соглашений о свободе торговли с основными торговыми партнерами в регионе — Сингапуром, Малайзией и Таиландом. Не исключены и контакты с Японией в этом направлении. Теперь, после заключения соглашения с КНР, такие переговоры могут пойти без оглядки на Пекин.

Китай, по нашему мнению, рассматривает данное соглашение не иначе, как маленький шаг к экономической и политической интеграции острова с КНР и, таким образом, поддержал его, скорее всего, из политических соображений. С экономической точки зрения соглашение больше отвечает интересам Тайваня. Для Китая Тайвань не входит в число главных торговых партнеров (около 5% китайского оборота). Но КНР является основным торговым и инвестиционным партнером Тайваня с торговым оборотом 87 млрд долл. в 2009 г. при 150 млрд долл. тайваньских инвестиций в КНР.⁸ Не исключено, что в результате подписания данного соглашения Пекин сможет заручиться поддержкой со стороны большого бизнеса на Тайване, что послужит реализации как экономических, так и политических интересов на тайваньском направлении.

* * *

Прогнозируя на ближайшие годы ход развития внешнеторгового и инвестиционного секторов китайской экономики, отметим общее укрепление устойчивости национальной экономики к кризисным явлениям в мире, снижение роли внешней торговли в формировании экономического роста, стабильные показатели экспорта и импорта. КНР успешно противостоит мировым кризисам и падениям внешнего спроса на свою продукцию со стороны развитых стран. В географическом плане следует ожидать относительное увеличение промышленного экспорта в Европу, Африку, Латинскую Америку (при относительном уменьшении доли США), рост инвестиционного и сырьевого импорта из стран Восточной Азии на фоне постепенного удорожания рабочей силы в КНР. В отношении экспорта капитала и услуг можно прогнозировать рост капиталовложений в сырьевые активы стран Африки, Латинской Америки, умеренно стабильный ввоз капиталов из развитых стран.

Этот благоприятный для КНР прогноз основывается на:

- достигнутой международной конкурентоспособности китайской экономики на уровне национального хозяйства, отраслей реального сектора, отдельных видов продукции обрабатывающей промышленности, экспорта;
- инвестиционном потенциале страны при стабильно высокой, свыше 40%, норме накопления;
- крепкой финансовой системе, низкой инфляции, доступном кредитовании;
- устойчивом платежном балансе при огромных золотовалютных резервах и безопасном для развития экономики уровне внешней задолженности (см. табл.4).

В целом можно прогнозировать стабильный рост ВВП, в среднем, по 8–9% в год, с некоторым замедлением по сравнению с предыдущими двумя десятилетиями. Такой показатель роста благоприятен для Китая, позволяет решать антикризисные задачи и поддерживать международную конкурентоспособность с учетом инновационной стратегии развития⁹. Таким образом, будет достигнута цель учетверения ВВП на душу населения за 2000–2020 гг., и к 2030 г. КНР выйдет на первое место в мире по абсолютному размеру ВВП.

В плане соотношения источников экономического роста ожидается акцент на интенсивное, сбалансированное, ресурсосберегающее развитие, проведение более активной политики по расширению внутреннего спроса — повышению доли потребления,

внутренних капиталовложений в ВВП и относительному снижению доли экспорта. В отраслевой структуре ВВП можно прогнозировать опережающий рост сферы услуг и, соответственно, снижение доли промышленности. Эти цели будут достигаться путем активной финансовой политики (неокейнсианского типа), сдерживающей монетарной политики, дальнейшей постепенной либерализации внешнеэкономических связей. На солидной основе уже приобретенных лицензий и патентов усилится разработка Китаем своих технологий, продвижение китайских торговых марок на мировой рынок, стимулирование высокотехнологического экспорта в развитые страны.

Данный нами благоприятный прогноз экономического развития КНР будет реализован при успешной политике по противодействию негативным факторам и сглаживанию коренных противоречий, среди которых выделим:

- противоречия города с деревней, западных/центральных районов страны с восточными ввиду разрыва уровней экономического развития, благосостояния людей, занятости, наличия инфраструктуры и т.п.;
- ограниченность природных ресурсов;
- неизбежное повышение стоимости рабочей силы;
- слабость собственной технологической базы, сильная зависимость от импорта комплектующих и технологий и подавляющий вес транснационального капитала в национальной промышленности и экспорте КНР;
- проблема банковской системы из-за «плохих» кредитов, выданных проблемным госпредприятиям.

Решение этих проблем и выполнение поставленных целей обозначенными средствами позволяют прогнозировать в 20-летней перспективе формирование Китая как глобальной самостоятельной экономической державы, экономического центра силы, наряду со США и ЕС.

1. Чжунго гуньбао. 2010; 25–31 авг. Гоцзи шанбао, 2010. 31 авг.
2. Там же.
3. Пакет стимулирующих фискальных мер, принятый Китаем в ноябре 2008 г., оценивался в 4 трлн ю. (584 млрд долл.) и был направлен на строительство в 2008–2010 гг. объектов транспортной, жилищной инфраструктуры, на восстановление районов, пострадавших от землетрясения в мае 2008 г., на программы здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, внедрения новых технологий. Подробнее об этих мероприятиях в Китае см.: *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 454–473.
4. Гоцзи шанбао. 2010. 31 авг.
5. Такое соглашение о сотрудничестве для отражения спекулятивных наступлений на валюты друг друга было заключено на встрече министров финансов стран группы «АСЕАН+3» в мае 2000 г. в г. Чиангмай (Таиланд) и получило название *Чиангмайской инициативы*. Участники данного соглашения договорились о создании расширенной региональной системы конвертации национальных валют (валютных свопов) и формировании сети двусторонних соглашений о валютных своп-операциях, используемых странами, испытывающими временную нехватку ликвидных средств, что уменьшит их зависимость от неустойчивых условий торговли.
6. Соглашение не случайно было подписано именно в Чунцине — китайской столице в период Второй мировой войны, где тогдашний руководитель Гоминьдана Чан Кайши заключил временное соглашение с руководителем КПК Мао Цзедуном против японских захватчиков в 1945 г.
7. South China Morning Post. Hong Kong, 2010. 30 June.
8. The Nation. Bangkok 2010. 28 June.
9. Наш прогноз совпадает с оценкой чл.-корр. РАН В.В.Михеева относительно прироста ВВП КНР на основе анализа множественных факторов внутреннего и внешнего характера. См.: *Михеев В.В.* Китай—Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., 2009. С. 261–276.

Перспективы развития проекта соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей: инвестиционный аспект

© 2011

В. Нехорошков

Проект соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей открывает широкие возможности привлечения иностранных инвестиций в регионы Сибири и Дальнего Востока, богатые полезными ископаемыми, а также может содействовать динамичному развитию внешней торговли между странами Юго-Восточной Азии и России. В соответствии с Транспортной стратегией и Стратегией развития железнодорожного транспорта до 2030 года, в данный проект могут быть включены отдельные инвестиционные проекты, такие как Байкало-Амурская магистраль, Урал Промышленный, Урал Полярный, Трансконтинентальная магистраль, Материк — о.Сахалин, что усилит взаимовыгодную экономическую эффективность сотрудничества государств-участников проекта.

Ключевые слова: Транскорейская магистраль, Транссибирская магистраль, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции.

В современных условиях развития мировой экономики неотъемлемым элементом устойчивого социально-экономического развития отдельных стран мира является уровень развития их транспортной инфраструктуры, способной эффективно обеспечивать хозяйственные связи между субъектами внутри страны и полноценно интегрироваться в мировую экономику. Состояние транспортной инфраструктуры и ее возможности в сфере обеспечения национальных участников внешней торговли во многом отражаются на конкурентоспособности производимой ими продукции и, как следствие, на роли в мировой экономике.

В настоящее время в отличие от России, где железнодорожный транспорт играет одну из ключевых ролей вместе с трубопроводным транспортом, для Республики Корея основным видом транспорта, обеспечивающим выход на внешний рынок, является морской транспорт. Несмотря на географическую близость и наличие сухопутного соединения между Республикой Кореей, Россией и Китаем, в силу политических и идеологических противоречий на Корейском полуострове обеспечение всего товарного потока между ними, в том числе транзитного, полностью зависит от морских перевозок. Однако, роль железнодорожного транспорта в данном регионе может существенно возрасти с преодолением политических и идеологических препятствий. И в свете взаимоотношений России и Республики Корея первоочередным является проект соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей.

Рис. 1. Альтернативные варианты соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей

Проект восстановления Транскорейской магистрали и ее выход на Транссибирскую магистраль неоднократно изучался и российскими и корейскими учеными. Результатом исследований является ряд альтернативных или в перспективе взаимодополняющих друг друга проектов выхода с Транскорейской магистрали на Транссибирскую. Сравнительная оценка данных альтернативных вариантов проводилась как по срокам транспортировки грузов, так и по числу пересекаемых государственных границ и связанных с этим временных и финансовых потерь. Со стороны корейских ученых был проведен более детальный анализ тарифной составляющей по отдельным альтернативным маршрутам, предполагающий транспортировку грузов из Республики Корея в Европу при помощи мультимодальных перевозок.

Дальнейшее развитие темы актуальности и эффективности проекта говорит о необходимости обратить внимание и на другие аспекты его реализации, в частности, на инвестиционный аспект.

Анализ внешней торговли России и Республики Корея показывает, что несмотря на сложившиеся и, несомненно, динамично развивающиеся торгово-экономические взаимоотношения, они не являются друг для друга ключевыми партнерами. Так по данным на 2006 г., которые незначительно изменились на сегодняшний день, в географической структуре экспорта Республики Корея преобладают развивающиеся страны и в первую очередь Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, доля которых составляет 44%. На втором месте находятся страны Европейского Союза, доля которых в экспорте Республики Корея составляет 15,3%. Далее следуют США — 13,3%. В это время на долю стран с переходной экономикой, к которым относится Россия, приходится 2,3%¹.

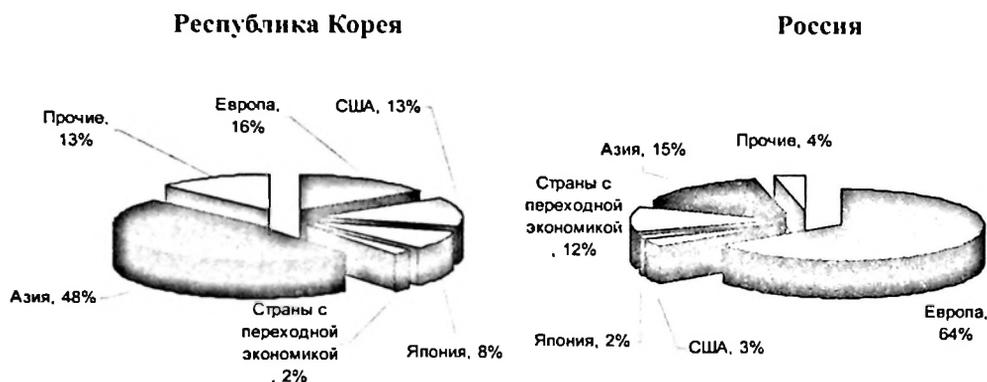

Рис. 2. География внешней торговли России и Республики Корея²

Подобная ситуация наблюдается и при анализе внешней торговли России, где в 2006 г. на ЕС приходилось 60,7% всего экспорта, а на страны Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии — 9,3%³.

Таблица 1

Внешняя торговля России и Республики Корея, млн долл. США

2008				2009			
Оборот	Экспорт	Импорт	Доля, %	Оборот	Экспорт	Импорт	Доля, %
18 383,4	7789,5	10 593,9	2,5	10 554,3	5689	4865,3	2,3

В то же время роль в общемировой внешней торговле России и Республики Корея достаточно велика. Так, Россия, по данным на 2008 г., находилась на 9 месте по объему экспорта (2,9%), и на 17 месте по объему импорта (1,8%). Республика Корея находится на 12 месте по объему экспорта — (2,6%) и на 10 месте по объему импорта (2,7%)⁴.

Таблица 2

Республика Корея в мировой торговле

	Млрд долл. США	Доля	Место
Экспорта	422,0	2,6%	12
Импорт	435,3	2,7%	10

Таблица 3

Россия в мировой торговле

	Млрд долл. США	Доля	Место
Экспорта	471,6	2,9%	9
Импорт	291,9	1,8%	17

В целом, анализ внешней торговли стран Азии показывает, что стоимость товаров, вывозимых в Европу, превышает 800 млрд долл. США, а импорт из Европы в регион составляет 486,5 млрд долл.

Таким образом, можно сделать вывод о значимости для обеих стран внешней торговли и, как следствие, необходимости ее эффективного транспортного обеспечения. При этом, исходя из характера двусторонней внешней торговли, можно заключить, что проект соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей, в первую очередь,

рассматривается Республикой Кореей как способ обеспечения транзита товаров по направлению Республика Корея — Европа — Республика Корея.

Анализируя имеющиеся на сегодняшний день многочисленные публикации по данной проблеме, можно выделить следующий перечень целей, преследуемых Россией и Республикой Корея. В обобщенном виде их можно представить в виде следующей таблицы, которая отражает основные приоритеты каждой из стран и их отличительные особенности⁵.

Таблица 4

Система целей проекта соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей

Россия	Республика Корея
<i>Геоэкономические цели</i>	
– стать ключевым элементом геомоста между странами АТР и Европой	– стать не только судостроительной, но и железнодорожной державой
<i>Политические цели</i>	
– преодолеть политические и идеологические противоречия на корейском полуострове; – повысить региональный политический вес	– перевести политические и идеологические противоречия на Корейском полуострове в сторону сотрудничества и воссоединения Кореи
<i>Экономические цели</i>	
– найти новые точки экономического роста регионов Сибири и Дальнего Востока; – получить дополнительный доход от экспорта транспортных услуг по обеспечению транзита евроазиатских грузов; – увеличить объемы внешней торговли с Республикой Кореей, усилив конкурентоспособность продукции предприятий Сибири и Дальнего Востока за счет сокращения транспортных издержек; – увеличить объемы внешней торговли со странами Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии	– удовлетворить возрастающие потребности в транспортном обеспечении своей растущей внешней торговли; – минимизировать транспортные издержки и сроки перевозки трансевразийских грузов; – диверсифицировать транспортные коридоры, обеспечивая надежность транспортных связей

Итак, для России приоритетным является включение в систему транспортного обеспечения евроазиатского грузопотока и на этой основе решение ряда экономических задач, а для Республики Корея — транспортное обеспечение внешней торговли. Несмотря на то, что данные цели, несомненно, являются важными для каждой из стран, они далеко не в полном объеме отражают потенциал реализации проекта соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей.

Проработка инвестиционного аспекта, позволяет добавить к экономическим целям обонх государств следующие цели:

– для России: привлечение прямых иностранных инвестиций в различные отрасли российской экономики на территории Сибири и Дальнего Востока;

– для Республики Корея: размещение прямых иностранных инвестиций в сырьевом секторе и связанных с ним отраслях промышленности России, в первую очередь, с целью обеспечения стабильных поставок природных ресурсов для собственных нужд.

Проработка данного аспекта не случайна и достаточно актуальна. На сегодняшний день из всего объема корейских инвестиций в российскую экономику треть прихо-

дится на Дальневосточный регион, что объясняется географическим положением, при этом величина их на общем фоне незначительна. Так, из 5,2 млрд долл. общих инвестиций лишь 43 млн пришлось на Республику Корея. В то же время Республика Корея закупает 45% всей экспортируемой сахалинской нефти и 16% газа. Более того, контракты заключены вплоть до 2028 г., согласно им Сеул будет закупать 1,5 млн т сжиженного природного газа ежегодно. В таком контексте было бы логично присоединиться к собственно разработке месторождений путем расширения своей инвестиционной деятельности на территории России, начиная с участия в инвестиционных проектах, связанных с развитием необходимой транспортной инфраструктуры (см. табл. 5, 6)⁶.

Таблица 5

Динамика прямых инвестиций Республики Корея в Россию, в тыс. долл. США

2005	2006	2007
34 157	102 533	227 804

Таблица 6

Прямые иностранные инвестиции в российский Дальний Восток, млрд долл. США

Всего	Из Республики Корея	Доля, %
5.2	0,043	0,83%

В России за последние годы был принят ряд нормативно-правовых документов направленных на формирование транспортной инфраструктуры, способной обеспечить динамичное социально-экономическое развитие страны. В частности, речь идет о Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г. и Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г., которые отражают общую идею развития инфраструктуры, способной дать импульс экономическому развитию страны и ее эффективному включению в систему мирохозяйственных связей⁷.

Проработка инвестиционного аспекта реализации проекта соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей и оценка инвестиционной привлекательности регионов Сибири и Дальнего Востока требует выделения конкретных проектов, которые, с одной стороны, могут быть привлекательными для иностранных инвесторов, а с другой стороны, способствовать экономическому росту регионов России и увеличению внешнеторгового оборота. В качестве такого рода проекта можно выделить Юго-Восточный вектор Стратегии развития железнодорожного транспорта РФ на период до 2030 г., отражающий актуальную тенденцию усиления торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России с азиатскими странами⁸.

В него вошел ряд отдельных инвестиционных проектов развития железнодорожных линий:

– проект соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей через станцию Хасан, в данном контексте как единственный вариант, способный обеспечить Республике Корея эффективное участие в инвестиционных проектах на территории Сибири и Дальнего Востока;

– проект восстановления Байкало-Амурской магистрали и освоения приграничных территорий, потенциал недр которых оценивается экспертами в 0,5 трлн долл. ;

Рис. 3. Юго-Восточный вектор Стратегии развития железнодорожного транспорта РФ на период до 2030 года

– проект «Урал Промышленный — Урал Полярный», территория зоны тяготения которого, разведанная менее чем на 15%, по промежуточным результатам геологоразведки 2006—2009 гг. располагает запасом разведанных и прогнозных полезных ископаемых суммарной стоимостью более чем на 0,4 трлн долл.¹⁰;

– проект «Приполярная магистраль» является необходимым элементом на пути освоения шельфа и глубоководной части Северного Ледовитого океана, где по данным Геологической службы США прогнозируется до 30% неоткрытых мировых запасов газа (90 млрд баррелей) и 13% неоткрытых мировых запасов нефти (47 трлн кубометров), кроме того, богатые залежи алмазов, золота, платины, олова, марганца, никеля и свинца¹¹;

– проект «Трансконтинентальная магистраль», способный помимо разработки месторождений открыть доступ через сухопутный транспортный коридор к североамериканскому рынку;

– проект «Амуро-Якутская магистраль» и освоение ее приграничных территорий, исключительно богатых природными ресурсами;

– проект «Материк — о. Сахалин», открывающий перспективы доступа к эффективному освоению месторождений газа и нефти и дальнейшего сухопутного выхода на Японию.

Как было отмечено выше, территории Сибири и Дальнего Востока, по которым проходят рассматриваемые железнодорожные линии, обладают огромным ресурсным потенциалом. Это, прежде всего:

– месторождения полезных ископаемых: извлекаемые разведанные запасы нефти в Сибири составляют 77% российских запасов, природного газа — 85%, угля — 80%, меди — 70%, никеля — 68%, свинца — 85%, цинка — 77%, молибдена — 82%, золота — 41%, металлов платиновой группы — 99%;

– гидротехнические ресурсы — 45% гидроэнергетического потенциала России;

Рис. 4. Распределение валовой потенциальной ценности разведанных и оцененных запасов основных видов полезных ископаемых по состоянию на 01.01.1993 г. по субъектам Российской Федерации (в мировых ценах, млрд долл. США)¹².

– биологические ресурсы — около 9% мировых запасов древесины (более 41% российских запасов)¹³.

На рис. 4 представлено распределение валовой потенциальной ценности полезных ископаемых в РФ.

Потенциальная ценность запасов основных видов полезных ископаемых, с учетом различных форм их освоения, в том числе и с участием иностранного капитала, позволяют говорить о значительной инвестиционной привлекательности транспортных проектов в этих регионах.

Реализация данного комплекса проектов зависит от множества факторов, которые отражаются в различных сценариях развития внешней среды. Можно выделить пессимистический сценарий, отражающий негативный прогноз развития мировой экономики в целом и инерционный сценарий развития российской экономики; оптимистический сценарий, в котором отражено динамичное восстановление мировой экономики после финансового кризиса, и дальнейший рост, на фоне которого российская экономика развивается по инновационному сценарию; и, наконец, наиболее вероятный сценарий, отражающий модель умеренного развития мировой экономики и модернизационного развития российской экономики.

В рамках этих сценариев можно выделить следующие основные эффекты, получаемые Россией и Республикой Корея:

– для России — это увеличение экспортной выручки от транспортных услуг и привлечение прямых иностранных инвестиций, объем которых во многом зависит от реализующегося сценария;

– для Республики Корея — это сокращение транспортных издержек и обеспечение стабильных поставок природных ресурсов, величина которых во многом зависит от того или иного сценария развития внешней среды проекта;

– для обеих стран можно отметить несомненное усиление взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества и, как следствие, увеличение объемов двусторонней внешней торговли.

В общем виде ситуацию с проработкой инвестиционного аспекта в проекте выхода Транскорейской магистрали на Транссибирскую через станцию Хасан можно представить в виде следующего SWOT-анализа.

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> – минимальный срок доставки транзитных грузов; – сокращение издержек на транспортировку грузов; – наименьшее число пересекаемых государственных границ. 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимы особые пункты перегрузки, так как различна ширина железнодорожной линии (в Корее она составляет 1435 мм, а в России 1520 мм) – необходимость продления Транссибирской магистрали до границы с КНДР.
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> – получение оптимального доступа к участии в сырьевых инвестиционных проектах на территории Сибири и Дальнего Востока России; – выход на североамериканский рынок посредством сухопутного коридора через Берингов пролив; – расширение экспорта продукции тяжелого машиностроения (вагоностроения). 	<ul style="list-style-type: none"> – нерешаемая проблема политического и идеологического противостояния Республики Корея и КНДР; – усиление конкурентных преимуществ других вариантов выхода Транскорейской магистрали на Транссибирскую, в первую очередь через Казахстан; – ухудшение конъюнктуры на мировых сырьевых рынках, падение спроса из-за глубокой рецессии мировой экономики.

Рис. 5. SWOT-анализ проекта выхода Транскорейской магистрали на Транссибирскую через станцию Хасан для Республики Корея

Как видно из рисунка 5, данный вариант раскрывает новые инвестиционные возможности для Республики Корея на территории России.

Таким образом, инвестиционный аспект реализации проекта соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей позволяет по-новому взглянуть на данную проблему и предпочтительность отдельных вариантов его реализации.

1. International Trade Statistics: 2008. WTO, 2008. 239 с. — http://www.wto.org/english/res_e/statistics/its2008_e/its08_toc_e.htm.
2. Там же.
3. Иванов И.Д. Внешнеэкономический комплекс России: взгляд изнутри. М., 2009.
4. International Trade Statistics: 2008. WTO, 2008. 239 с. — http://www.wto.org/english/res_e/statistics/its2008_e/its08_toc_e.htm.
5. Концепция развития транспортного комплекса РФ: северо-восточный вектор. Новосибирск, 2003. С. 6—22; Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М., 2006. С. 532—543; Кибалов Е.Б., Нехорошков В.П. Российские железные дороги и мировая транспортная система альтернативной стратегии взаимодействия. Новосибирск, 2008; Арашидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. М., 2007. С. 245—255; Могзоев А.М. Развитие экономики стран Восточной Азии и инвестиционная модель региона России. М.,

2004. С. 223–234; Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации. М.: Новосибирск, 2009. С. 275–283; *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 371–408.
6. *Шишуканова Е.* «Инвесторов потянуло на шельф». — <http://www.izvestia.ru/economic/article3140909/>
 7. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877р.
 8. *Кибалов Е.Б., Нехорошков В.П.* Юго-Восточный вектор стратегии развития опорной железнодорожной сети России. Регион // Экономика и социология. 2009. № 3. С. 175–182.
 9. Сибирь в первые десятилетия XXI века. Новосибирск, 2008. С. 343–402.
 10. Там же. С. 15–27.
 11. Там же. С. 217–219.
 12. Нефтегазовый комплекс России: Альманах. М., 1997.
 13. Экономика России и Сибири: прошлое, настоящее и будущее. Новосибирск, 2008. С. 172–179.

История

Китай и распад СССР

© 2011

Р. Медведев

Публикуемая статья является главой из новой, готовящейся к печати книги известного российского историка Роя Медведева «Подъем Китая». Автор представляет свою точку зрения на события в Китае во время визита туда М. Горбачева в 1989 г.

Ключевые слова: советско-китайские отношения до 1989 г., визит М. Горбачева в Китай в 1989 г., события на площади Тяньаньмэнь

Из истории советско-китайских отношений

Крушение КПСС и распад Советского Союза вызвали не только озабоченность, но и тревогу в руководящих кругах КНР. В период моего первого посещения Китая в 1992 г. и во время второй поездки в Китай в 2002 г. тема «исторического краха КПСС и СССР» и «уроков распада Советского Союза» была главной темой многих встреч и выступлений, в том числе на очень высоком уровне. Было очевидно, что мало кто из лидеров КПК оплакивал Советский Союз, однако его столь быстрое разрушение явно обеспокоило китайскую элиту. В истории самого Китая несколько раз происходил распад единого государства, а времена смут или внутренних войн продолжались годами, нанося огромный ущерб стране. Опасность разрушения государства возникла в КНР и в 1976–1977 гг. после смерти Мао Цзэдуна. Укрепление единства страны стало одним из приоритетов политики Дэн Сяопина и второго поколения лидеров Китая в 1978–1988 гг. Выполнению этой задачи должна была служить нормализация отношений между КНР и СССР, которые начали ухудшаться после XX съезда КПСС (1956 г.) и достигли крайней остроты в 1969–1970 гг., когда и Советский Союз, и Китай развернули вдоль советско-китайской границы крупные военные группировки.

Еще во второй половине XIX в. Российская империя заключила с Китаем ряд договоров, которые в Китае рассматривались как «неравноправные», и Россия причислялась вместе с Англией, Францией и США к колониальным державам. Однако, с другой стороны, подъем национально-освободительного движения и революционной активности в Китае в 1911–1920 гг. очевидным образом был связан с революциями 1905 и 1917 гг. в России. Китайская коммунистическая партия была создана в 1921 г. при поддержке РКП(б) и Коминтерна, идеологической основой этой партии был марксизм-ленинизм, а ее Устав был близок к Уставу РКП(б). После победы в гражданской войне

новое китайское государство — КНР создавалось во многих отношениях по образцу и модели Советского Союза.

События, которые происходили в СССР после смерти Сталина, стали очень трудным испытанием для КПК, где также существовал режим культа личности — и не только Мао Цзэдуна, но и Сталина. Китайские лидеры не одобрили решений как XX, так и XXII съездов КПСС, и идеологический конфликт между КПСС и КПК развивался крайне болезненно. Портреты отцов-основателей марксизма-ленинизма, которые можно было видеть в Китае, оставались без изменений — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун. Советский Союз в Китае перестали называть «старшим братом»: В СССР возобладал «ревизионизм», «оппортунизм» и «гегемонизм», и он стал теперь не только «врагом Китая», но иногда его объявляли «врагом № 1».

Отношения между Советским Союзом и Китаем начали меняться только с 1985 г. Инициатива исходила как от нового лидера КПСС Михаила Горбачева, так и от китайского руководства и лично от Дэн Сяопина. Надо сказать, что советская печать уже в 1983 г. перестала публиковать резкие антикитайские материалы, и о Китае писали теперь снова как о «социалистическом государстве». В свою очередь, и китайская печать начала называть СССР социалистическим государством, почти не упоминая таких терминов, как «гегемонизм» и «социал-империализм». Не прошло незамеченным в СССР и ускорение развития экономики КНР и расширение ее экономических связей со странами Запада. Новые руководители СССР не раз говорили в 1985 г. о своем желании и готовности изменить к лучшему советско-китайские отношения. В большой речи Михаила Горбачева, которую он произнес в июле 1986 г. во Владивостоке, можно было услышать такие слова: «Хочу подтвердить: СССР готов в любое время и на любом уровне обсудить с Китаем вопросы по созданию обстановки добрососедства. Советские люди с пониманием воспринимают выдвинутую Компартией Китая цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа. У нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. И почему бы не поддержать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом. С удовольствием отмечаем, что наметился положительный сдвиг в экономических связях. Убеждены, что исторически сложившееся взаимодополнение советской и китайской экономик дает большие возможности для расширения этих связей. Некоторые крупные проблемы сотрудничества буквально стучатся в дверь. Мы, например, не хотим, чтобы пограничный Амур рассматривался как «водная преграда». Пусть бассейн этой могучей реки будет объединителем усилий китайского и советского народов по использованию на общую пользу имеющихся тут богатейших ресурсов и водохозяйственного строительства. Межправительственное соглашение на этот счет уже совместно разрабатывается. А официально граница могла бы проходить по главному фарватеру» (Известия. 1986. 29 июля).

Горбачев сделал не только важное заявление о готовности признать главный фарватер пограничных рек линией границы между СССР и КНР. Он сказал о готовности СССР содействовать строительству железной дороги между северо-западными районами Китая и Казахстаном, а также сотрудничать с Китаем в космических исследованиях и подготовке космонавтов, о расширении связей в области культуры и образования.

Разнообразные переговоры и консультации проводились между Китаем и СССР в 1986–1987 гг. Китай и Советский Союз обменялись большими торгово-экономическими выставками. Начал восстанавливаться обмен студентами, укреплялись научные контакты. В Китае начали проводить демонстрацию советских кинофильмов. Особенно большой успех имели фильмы «Белорусский вокзал», «Экипаж», «А зори здесь тихие». Последний фильм стал событием в китайской культурной жизни. В Пекине по его мотивам была поставлена опера. Позднее китайцы сняли свою версию повести Б. Васильева с китайскими артистами. Был снят и многосерийный фильм по мотивам ро-

мана «Как закалялась сталь». Советская культура снова становилась популярной в Китае. Однако китайское руководство в это же время не поддержало призыва М. Горбачева к «новому мышлению» и «гласности». Та массированная атака на марксизм и ленинизм, которая как бы стихийно стала проводиться в СССР в рамках политики «гласности», не нашла ни поддержки, ни понимания в Китае.

В самом начале 1988 г. в Советский Союз прибыл с визитом министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь. Он встречался не только со своим советским коллегой Эдуардом Шеварднадзе, но и с Михаилом Горбачевым. С ответным визитом в Китай вскоре вылетел глава МИДа СССР Э. Шеварднадзе. Главной темой его переговоров была подготовка к встрече в верхах: таких встреч у СССР и КНР не было уже несколько десятилетий. Наиболее важной в рамках начавшихся переговоров стала встреча Э. Шеварднадзе и Дэн Сяопина. Дэн Сяопин говорил весьма образно, но также очень ясно: «Покончить с прошлым, открыть будущее — такая задача стоит перед нами, — сказал он. — Это чрезвычайно трудная задача, потому что она затрагивает сложные вопросы. Многие из них относятся к прошлому, поэтому, решая их, надо знать прошлое. Но это не означает, что надо ворошить его. Надо знать, помнить, учитывать его уроки, чтобы идти вперед. Главное — открыть будущее.

Как я понимаю, именно наша встреча с советским руководителем должна решить эту задачу» (Из архива автора).

Государственный визит Михаила Горбачева в Китай был назначен на май 1989 г. Как раз весной 1989 г. внутривластная обстановка в Китае и особенно в Пекине стала усложняться.

О событиях весны и лета 1989 года в Китае

В мою задачу не входит подробное изложение и анализ событий весны и лета 1989 г. в Китае, особенно в Пекине на площади Тяньаньмэнь. Однако о некоторых деталях этих событий, которые не были поняты и правильно оценены советским руководством, а тем более западными политиками и экспертами, следует сказать.

В Китае в период 1979–1989 гг. проводилась активная модернизация по разным направлениям — в промышленности и сельском хозяйстве, в армии и в системе образования. Однако общая система власти и роль Коммунистической партии и народной армии в стране не подвергались сомнению.

Успехи проводимых в это десятилетие реформ были очевидны, валовой внутренний продукт Китая увеличивался на 9–10% в год, и положение дел в стране явно улучшалось. Однако все еще сохранялись разного рода диспропорции. Экономическое развитие в разных провинциях было неодинаковым, а рыночные реформы сопровождались ростом коррупции и злоупотреблений. Происходила дифференциация в обществе, и в городах, и в деревне появились группы богатых или «новых» китайцев. Эти процессы порождали недовольство в обществе и особенно в молодежной среде. Очень большое влияние на общественные настроения в Китае оказывала горбачевская «перестройка» в СССР. Многие в Китае видели только позитивные стороны этой перестройки и не замечали возникших в СССР громадных рисков и угроз, о которых предпочитали не говорить и в окружении самого М. Горбачева. В то же время по разным каналам на молодежные группы и на студентов оказывали влияние и западные страны. В Китае в молодежной среде быстро росло и формировалось либерально-демократическое движение, которое выдвигало на первый план западные ценности. У этого движения появились и свои неофициальные вожди. Одной из наиболее влиятельных фигур среди пекинской молодежи была аспирантка факультета психологии Пекинского университета Чай Лин. В сущности в Китае началась подготовка «бархатной» или «оранжевой» революции. Для ее успеха нужно было мобилизовать большие массы молодежи вокруг какого-то важного политического события, а также организовать массовые беспорядки. Никто не призывал к во-

руженному выступлению против режима, однако не исключалось и пролитие крови. «Только тогда, когда площадь Тяньаньмэнь умоется кровью, — говорил один из лидеров студенчества американскому журналисту Филиппу Каннингэму за месяц до введения войск, — только тогда китайский народ прозреет».

Различного рода несанкционированные манифестации в Пекине и, в первую очередь, на площади Тяньаньмэнь начались еще в апреле 1989 г. При этом в Пекин все время приезжали группы студентов и молодежи из других городов. Устанавливались контакты и с солдатами Пекинского гарнизона. Было очевидно, что готовится какая-то акция. Однако в Политбюро ЦК КПК не слишком ясно представляли, что происходит в обществе и как реагировать на происходящие события. Как раз в это время проходила активная подготовка к визиту в КНР советского лидера Михаила Горбачева, и в нелегальном молодежном штабе было решено приурочить основные выступления именно к этому визиту.

Визит Горбачева в Китай являлся крайне важным международным событием. Он должен был означать примирение двух самых крупных коммунистических государств, а также КПСС и КПК. Хотя сценарий этого визита был составлен заранее, никто не исключал разного рода неожиданных поворотов. Для освещения визита в Пекин прибыло более тысячи журналистов и экспертов из разных стран.

Многие события происходили спонтанно, и их трудно было прогнозировать. Первой «репетицией» «оранжевой» революции в Китае стали похороны Ху Яобана, одного из лидеров КПК, который еще в 1981 г. был по рекомендации Дэн Сяопина избран Генеральным секретарем ЦК КПК. Он был активным поборником реформ и «открытости», однако, через несколько лет у него возникли разногласия с Дэн Сяопином, и в 1987 г. он был снят со своего поста, по официальной формулировке, «за потворство буржуазным тенденциям и западному влиянию». Однако Ху Яобан остался членом Политбюро ЦК КПК и принимал участие в его заседаниях. Эти заседания проходят в закрытом режиме, и как раз во время одного из таких заседаний, в апреле, Ху Яобан неожиданно умер от сердечного приступа. Смерть Ху Яобана стала первым толчком к массовым демонстрациям китайской молодежи под лозунгами представления свободы слова («гласности»), проведения политических реформ. На площади Тяньаньмэнь начали собираться десятки тысяч молодых людей. Сменяя друг друга, они уже не расходились до середины мая, когда должен был состояться визит М. Горбачева. В центре площади, у монумента народным героям, сформировался штаб студентов. Началось и создание студенческих дружин. Шла активная организация огромных масс студенчества и молодежи, и власти КНР постепенно утрачивали контроль за положением дел на главной площади Пекина и на прилегающих к ней улицах.

Хотя в советской печати почти ничего не говорилось о событиях в Пекине, несмотря на гласность, в окружении Горбачева внимательно анализировали происходившие события. Высказывалось даже предложение отложить намеченный на 14–20 мая визит Горбачева в Китай. Однако после переговоров с руководством Китая было решено провести этот визит в оговоренные заранее сроки и по составленному сценарию.

Этот сценарий предполагал, что торжественная встреча российского лидера пройдет в центре Пекина на площади Тяньаньмэнь, там, где находился флагшток с флагом КНР и стоял постоянный почетный караул солдат НОАК. Однако события, происходившие в Пекине, вышли из-под контроля китайских властей еще тогда, когда самолет с большой советской делегацией находился в воздухе. Кроме министров и дипломатов, М. Горбачев пригласил принять участие в этом визите и многих известных деятелей культуры, писателей, режиссеров, крупных ученых, а также большую группу ведущих журналистов.

Уже с утра 14 мая весь центр Пекина и прилегавшие к нему улицы были запружены молодежью. По приблизительным подсчетам, на улицах Пекина находилось в это время около двух миллионов молодых людей, их действиями руководили студенческий штаб и командование молодежных народных дружин. Через советское посольство в Пекине было передано несколько обращений к Горбачеву с просьбой о встречах с представителями мо-

лодежи и о выступлении в Пекинском университете. «Мы глубоко восхищены Вашей книгой «Перестройка и новое мышление», — говорилось в одном из таких обращений, — и верим, что Ваш визит в Китай даст китайскому народу новые представления и идеи относительно осуществления реформ и строительства в социалистическом государстве».

Еще при подлете к Пекину Горбачев получил сообщение о том, что официальная церемония встречи советского лидера состоится прямо в аэропорту, а не в центре Пекина. Именно здесь советского лидера встретил Председатель КНР Ян Шанкунь. Прогрессивная двадцать один орудийный залп. Сам М. Горбачев писал позднее в своих воспоминаниях: «Кортеж автомобилей направился в резиденцию, расположенную в Дяоюйтае. Мы ехали окраинными дорогами, объезжая центр города: центральные магистрали и площади оказались заполнены демонстрантами. Студенты, как нам стало известно, готовы были оказать почести советскому лидеру, но пекинские власти не пошли на это. Возможно, они были не уверены, что смогут удержать ситуацию под контролем».

Не удалось возложить венки у памятника в честь героев революции. Я хотел это делать, больше того, от студентов был сигнал, что мы, мол, порядок обеспечим. Но китайское руководство, видимо, опасалось, что появление Горбачева на Тяньаньмэнь еще больше взвинтит обстановку. Хозяева наши остро переживали создавшуюся ситуацию, несколько раз извинялись, говоря, что впервые в истории КНР пришлось отступить от традиционно заведенного ритуала.

Во второй половине дня я встретился с Ян Шанкунем» (*Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995. С. 434.*)

На следующий день Михаил Горбачев встретился с премьером Госсовета Ли Пэном. Позже у Горбачева была большая беседа с Генсеком ЦК КПК Чжао Цзяньном. Однако главной частью визита была продолжительная беседа Горбачева с Дэн Сяопином, который, не занимая высших постов в государстве, оставался неоспоримым лидером нации. В своих воспоминаниях Горбачев просто приводит запись основных частей этой беседы, в которой Дэн Сяопин призвал советского лидера «закрывать прошлое и открывать будущее». Содержание всех этих бесед показывает, что китайские лидеры плохо понимали летом 1989 г. сущность и природу «перестройки» в СССР, а советские лидеры плохо понимали сущность и природу событий в Китае, которые разворачивались на их глазах. Однако можно сказать и иначе: советские лидеры плохо представляли конечные цели и возможные последствия своих собственных действий, а китайские лидеры не слишком ясно представляли природу и возможные последствия массового молодежного движения. Они утратили контроль за положением в Пекине, и у них не было единого мнения по поводу того, что нужно делать, чтобы вернуть контроль в столице страны.

Было очевидно, что Михаил Горбачев явно сочувствовал китайской молодежи. Над огромной толпой молодежи на площади Тяньаньмэнь главными лозунгами были «Ура Горбачеву!» — на русском и китайском языках, а также «За нашу и вашу свободу!». Он был готов встретиться с представителями молодежи или даже выступить в Пекинском университете, но китайское руководство не считало возможным такого рода встречи. Тем не менее Горбачев решился на один весьма рискованный и вызывающий поступок. Во-первых, он предложил членам советской делегации как можно больше встречаться и беседовать с молодыми манифестантами в Пекине. Во-вторых, он и сам искал какой-то возможности встретиться с молодыми манифестантами, нарушая принятый в подобного рода государственных визитах протокол. Такая возможность представилась при посещении Великой Китайской стены. Вот что он сам писал в своих воспоминаниях:

«Атмосфера встреч с молодежью везде была просто чудесной, искренней. Мне запомнилась, в частности, встреча с демонстрантами на обратном пути с Великой Китайской стены. Служба безопасности, заметив впереди многочисленные колонны молодежи, хотела было направить кортеж машин куда-то в боковую улицу, но я попросил ехать прямо. Студенты, увидев мою машину, бурно нас приветствовали. Мы остановились, вышли из авто-

мобилей, обменялись рукопожатиями. Порядок демонстранты соблюдали образцовый, сами организовали живой коридор, и мы спокойно проехали, а уж за нами — охрана.

Словом, самые разнообразные контакты с китайской молодежью подтвердили, что я правильно поступил, решив не откладывать визита в Китай, хотя у некоторых наших товарищей и возникало сомнение — не помешают ли его успешному осуществлению начинавшиеся в Пекине студенческие выступления. Откровенно говоря, из Москвы мы все же не представляли масштаб этих выступлений. Пик студенческого протеста совпал с моим приездом в Пекин, но было бы, конечно, большим упрощением и просто неправдой усматривать здесь какую-то взаимосвязь, как это пытались делать многие из тысячи двухсот иностранных журналистов, съехавшихся освещать визит.

С чем шли люди на улицы, почему они решили приурочить наибольший размах демонстраций (по некоторым оценкам, в Пекине вышли на улицы не менее двух миллионов демонстрантов) к приезду Горбачева? В какой-то мере ответ на этот вопрос дают полученные мною обращения (Там же. С. 447–448).

Представляется, что в своих воспоминаниях Михаил Горбачев искажает свои собственные впечатления от событий в Китае. На самом деле он испытал шок от увиденного и пребывал в растерянности. Уже поздно вечером 15 мая в посольстве СССР в Пекине без участия китайских представителей Михаил Горбачев собрал работников посольства, группу обеспечения визита, а также сопровождавших советского лидера деятелей науки и культуры. Бывший инструктор Отдела международной информации ЦК КПСС Юрий Тавровский вспоминал через 20 лет: «...Горбачев находился под сильным впечатлением от увиденного. Поглядывая на сидевшую рядом со мной уставшую и оттого необычайно молчаливую Раису Максимовну, он обратился к залу: «Вот тут некоторые из присутствующих подкидывали идею пойти китайским путем. Мы сегодня видели, куда ведет этот путь. Я не хочу, чтобы Красная площадь походила на площадь Тяньаньмэнь» (Профиль. 2009. 18 мая).

Разногласия между Дэн Сяопином и Горбачевым были не по проблемам советско-китайских отношений (здесь между ними было почти полное согласие), а по проблеме реформ в авторитарной социалистической стране (сами лидеры эти проблемы не обсуждали, но в их окружении обсуждение шло очень активно) и касались главным образом расстановки приоритетов. Дэн Сяопин заявлял, и не раз, что руководство КПК должно в первую очередь провести экономические реформы, добиться очевидного для всех улучшения экономического положения в стране и улучшения материального положения широких масс китайского народа. Только после этого можно будет планировать проведение каких-то демократических реформ, включая и свободу слова. У Горбачева была другая точка зрения. Он заявлял, что в первую очередь необходимо провести в стране глубокие демократические реформы, включая гласность, ибо без такой демократизации экономические реформы не будут иметь достаточного простора, не будут иметь перспектив и надежности. Без широкой демократии плодами экономических реформ воспользуется не народ, а дельцы криминальной экономики и коррумпированные чиновники.

Этот спор о «китайском» и о «горбачевском» путях реформирования авторитарного социалистического общества шел очень активно, хотя и неоткрыто, в советском аппарате власти, а также и в Китае. Весьма информированный на этот счет Юрий Тавровский свидетельствовал: «Среди участников визита в Китай было много сторонников «китайского пути», то есть реформирования социализма с приоритетом экономических преобразований над политическими. Они работали в ЦК, КГБ, ГРУ, в МИДе и академических институтах: ИМЭМО, институтах Дальнего Востока, востоковедения. Китаистов в советские времена готовили много, сначала — чтобы «вечно дружить», потом — чтобы вести войну холодную с возможным перерастанием в горячую. Поэтому «китайская мафия» во всех политикоформирующих организациях традиционно занимала второе место после американской. В ходе многомесячной подготовки к визиту было составлено несколько серьезных аналитических записок, рекомендовавших перенять опыт китайских

реформ, начатых Дэн Сяопином в 1978 г. и уже давших к тому времени зримые экономические результаты. Похоже, Горбачев колебался, намереваясь в ходе встречи с великим старцем и другими лидерами Китая всерьез поговорить о смене ориентиров перестройки, все более дестабилизировавшей СССР. Он особенно ждал встречи с Генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяном, которого в Москве считали китайским Горбачевым. Эти встречи состоялись, но только усугубили отторжение «китайского пути». Дэн Сяопин в те дни, когда ему для удержания обстановки под контролем приходилось принимать жесткие и жестокие решения, вряд ли был расположен хотя бы для приличия хвалить курс горбачевских политических реформ. Это по его приказу Чжао Цзян на второй день визита советского лидера был арестован и смещен со всех партийных постов (Там же).

Горбачев узнал о смещении и аресте Чжао Цзяна гораздо позже, уже в Москве. Их беседа в правительственной резиденции носила во многом официальный и не особенно откровенный характер. Однако генсек ЦК КПК в тот же день вечером пригласил М. Горбачева в небольшой китайский ресторан. Горбачев принял это приглашение, и здесь их беседа была гораздо более откровенной. Главной ее темой были события на площади Тяньаньмэнь и в университетских центрах Китая. Чжао Цзян был решительно против каких-либо силовых действий по отношению к студенческой молодежи, и Горбачев его поддержал. Он пригласил Чжао Цзяна в СССР. Через два дня Горбачев улетал в Шанхай, оттуда он должен был возвратиться в Москву. Поэтому 17 мая в Пекине состоялся большой прощальный банкет в честь советского лидера. На банкете Горбачева приветствовали премьер Госсовета Ли Пэн и председатель КНР Ян Шанкунь. Дэн Сяопин не счел нужным присутствовать на этом банкете. Но не было, к удивлению Горбачева, здесь и Чжао Цзяна — он уже был арестован.

После возвращения М. Горбачева в Москву в аппарате ЦК КПСС, в МИДе, а также на встречах ответственных работников международного и идеологического отделов ЦК КПСС со своими коллегами из социалистических стран итоги визита советского лидера в Китай весьма подробно обсуждались, но в закрытом порядке. Директива самого Горбачева, поддержанная и в Политбюро, была однозначна — объяснять всем братским коммунистическим партиям полную ошибочность, непринемлемость и даже опасность для правящих коммунистических партий «китайского образца» реформирования социалистического общества. Этот спор был, однако, решен историей совершенно иначе.

После того, как Горбачев вернулся в Москву, масштабы манифестаций в Китае сократились, но они не прекратились, а в некоторых отношениях положение даже обострилось. Часть студентов объявила голодовку. К демонстрантам-студентам примкнули многие представители интеллигенции, часть рабочих и служащих. В Пекин из провинции железнодорожники бесплатно доставляли десятки тысяч молодых людей. Главным лозунгом демонстрантов были не «Свобода и демократия», а «Долой продажных чинов!»». Но как можно было не только выполнить, но даже обсуждать это требование в условиях хаоса и беспорядков?

Как мы узнали позднее, и в штабе студентов, который руководил молодежными массами, были разногласия. Непрерывные дискуссии происходили в Пекинском, а также в других университетах. Высказывались опасения, что студенты, неискушенные в политике, становятся пешками в руках каких-то других сил. Многие родители призывали своих детей уйти с улиц и площадей Пекина. Однако в этих дискуссиях возобладали радикалы.

Михаил Горбачев уже улетел из Шанхая в Москву, когда в Пекине 20 мая с 10 часов утра было введено военное положение. Практически прекратилась работа городского транспорта. Иностранцы корреспонденты, многие из которых прилетели в Пекин для освещения визита в Китай советского лидера, не могли свободно перемещаться по городу, вели свои репортажи и делали снимки, наблюдая за событиями из окон своих комнат в пекинских гостиницах! На дороге в аэропорт было много брошенных машин. По городу несколько сот студентов и студенток разъезжали на мотоциклах. Власть на улицах была в руках молодежного штаба, но что делать дальше, эти люди не знали.

Не было единства и в Политбюро ЦК КПК. За силовое подавление беспорядков, или «мятежа» высказывались премьер Ли Пэн и первый секретарь Пекинского горкома КПК и член Политбюро Ли Симин. Некоторые из членов Политбюро воздерживались от принятия ясного решения. Гарнизон Пекина уже не мог взять контроль в городе в свои руки, и доверия к нему не было. Окончательное и твердое решение принял Дэн Сяопин, который не входил в состав Политбюро, но продолжал возглавлять Центральный Военный Совет и обладал в Китае наибольшим авторитетом и властью. По его приказу войска пекинского гарнизона были выведены из столицы, а к городу быстро подошли несколько дивизий, в том числе и танковых, из ближайших провинций. Они получили приказ очистить центральную площадь. Очень многие из демонстрантов разошлись еще раньше, но те, кто продолжали блокировать улицы города, были разогнаны. Эта акция не обошлась без жертв, точное число которых неизвестно до сих пор. Погибли, по-видимому, несколько сот человек, в том числе и солдат НОАК, что свидетельствовало о вооруженном сопротивлении. Власть в Пекине 4 июня 1989 г. снова перешла в руки ЦК КПК и государства.

Из числа лидеров студенческого движения почти никто не погиб, они не собирались бросаться под танки, как это сделали несколько рядовых участников. Эти молодые люди бежали из Пекина. Упомянутая выше Чай Лин оказалась в США, где она охотно давала интервью и делала заявления. Она повторила свою версию событий и в 20-ю их годовщину.

Как и следовало ожидать, события 4 июня в Пекине были резко осуждены в США и почти во всех западных странах. США и Западная Европа ввели эмбарго на все поставки оружия в КНР, и этот запрет действует до сих пор. В СССР, выступая на заседании Верховного совета 6 июня 1989 г., Михаил Горбачев высказал сожаление по поводу событий в Пекине, о которых советская печать ничего или почти ничего тогда не писала, несмотря на «гласность».

От осени 1989 года к осени 1992 года

К осени 1989 г. прочная власть и авторитет Политбюро ЦК КПК в Китае были восстановлены. Смещенный со своих постов Чжао Цзыян находился под домашним арестом. Так он жил до своей смерти в 2004 г. Еще через пять лет в США были опубликованы его записки под названием «Пленник государства». Бывший генсек делал записки на кассетах для домашнего магнитофона, маскируя их под детские песни или записи пекинской оперы. Однако ничего нового из этих записей о событиях 1989 г. мы не узнали. Естественно, что Чжао Цзыян оправдывает свое поведение в апреле-мае 1989 г. и осуждает решение Дэн Сяопина. Но он и не скрывает, что его целью было постепенное движение Китая к демократии западного типа (Prisoner of the State // The Secret Journal of Zhao Ziyang. 2009. № 7.).

На пост Генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяопин предложил избрать Цзян Цзэминя, члена Постоянного комитета Политбюро, который ранее возглавлял шанхайскую организацию КПК. Китайские лидеры с тревогой наблюдали осенью 1989 г. и на протяжении всего 1990 г. за событиями в странах Восточной Европы, разрушением Берлинской стены, а затем и падением всех коммунистических режимов в Польше, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Румынии. Помешать такому неблагоприятному для коммунистического и социалистического движения ходу событий лидеры КПК не могли, и их старания были направлены на укрепление власти и влияния КПК в Китае. Еще в сентябре 1989 г., всего через несколько месяцев после трагических событий на площади Тяньаньмэнь, Дэн Сяопин заявил: «Сейчас вопрос не в том, упадет или нет знамя в Советском Союзе — хаос в СССР неизбежен, а в том, упадет или нет знамя в Китае». (Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М., 2008. С. 43).

В 1990 г. Дэн Сяопин ушел с поста председателя Центрального Военного Совета КНР. Этот пост занял Цзян Цзэминь. Однако Дэн Сяопин продолжал оставаться лидером нации, не занимая никаких официальных государственных постов.

Положение дел в стране в 1990–1991 гг. было сложным. Реформы 1978–1984 гг. принесли большую пользу стране, но к концу десятилетия они себя исчерпали. Надо было искать новые рычаги, новые средства, новые идеи. Крушение КПСС и распад СССР ускорили поворот в политике КПК и КНР.

Инициативу нового поворота опять-таки взял на себя Дэн Сяопин, который в январе выехал в южные провинции Китая, где провел около двух месяцев. Именно здесь уже на протяжении десяти лет проводились различного рода эксперименты по внедрению в китайскую экономику рыночных отношений. Дэн Сяопин побывал почти во всех прибрежных регионах Китая, ибо он всегда говорил, что только практика может быть критерием истины. Здесь же на юге Дэн Сяопин выступил перед руководителями партийных организаций. В частности он заявил:

«Существенное различие между социализмом и капитализмом не в том, чего больше: планирования или рынка. Плановая экономика не тождественна социализму, при капитализме тоже существует планирование; рыночная экономика не тождественна капитализму, при социализме тоже есть рынок». То, как Дэн Сяопин ответил на вопрос, по которому долгое время велись споры, показало, что влияние традиционной идеологии не является таким уж непреодолимым препятствием и что главный вдохновитель реформ сделал исторический вклад в момент остановки реформы.

Под влиянием этой речи Дэн Сяопина в марте 1992 г. на заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение по вопросу планирования и рынка: «Планирование и рынок — это экономические средства. Необходимо, умело используя эти средства, ускорить развитие социалистической товарной экономики». 9 июня того же года на курсах усовершенствования кадровых работников из провинций и министерств в Центральной партийной школе Цзян Цзэминь заявил: «В последнее время благодаря изучению речей товарища Дэн Сяопина у нас появились новые формулировки: во-первых, создание системы социалистической товарной экономики, в которой сочетались бы планирование и рынок; во-вторых, создание системы социалистической рыночной экономики, содержащей элемент планирования; в-третьих, создание системы социалистической рыночной экономики. Я лично склоняюсь к использованию формулировки «система социалистической рыночной экономики».

В то время отдельные ученые предлагали в соответствии с реальным ходом реформ и духом речей Дэн Сяопина определить цель реформы — создание рыночной экономики.

В этих условиях в октябре 1992 г. XIV съезд КПК официально объявил: «Цель реформы экономической системы Китая — создание системы социалистической рыночной экономики» (Из материалов XIV съезда ЦК КПК. Из архива автора).

В сентябре и октябре 1992 г. я находился в Китае и мог лично убедиться в том, с каким одобрением приняли эти директивы Дэн Сяопина, а затем и съезда КПК партийные работники среднего звена. Во всех сферах социально-экономической жизни: в финансово-банковской системе, в валютной системе, в государственном и негосударственном секторах экономики, в системе ценообразования, а также в системе социального обеспечения начались реформы, которые в конечном счете укрепили и страну, и правящий режим. Все те, кто предполагал, что крушение КПСС и СССР вызовет в дальнейшем и крушение коммунистического режима в Китае, явно просчитались.

Научная жизнь

Российско-китайская научная конференция в ИДВ РАН «Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне»

В рамках мероприятий, проводившихся в Российской Федерации по случаю 65-летия окончания Второй мировой войны, в ИДВ РАН прошла 16 ноября 2010 г. научная конференция, посвященная сотрудничеству СССР и Китая в войне, их вкладу в достижение победы. Организаторы: Институт Дальнего Востока РАН и Китайский институт международных исследований МИД КНР. Участвовало более 20-ти научных работников и аспирантов российских и китайских исследовательских институтов и центров, а также представители аппарата губернатора и правительства Сахалинской области.

В зачитанном на конференции приветствии Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в Российской Федерации *Ли Хуэя* отмечалось, что народы наших двух стран, понеся самые тяжкие потери, добились вместе с народами стран-союзниц победы в мировой антифашистской войне, спасли человеческую цивилизацию. Сопротивление китайского народа японским захватчикам представляло собой главный восточный фронт антифашистской войны, Советский Союз был главной силой на ее европейском театре. Советские воины и народные массы, не щадя своих жизней, разгромили нацистскую Германию, освободили значительную часть Европы от фашистской кабалы, внося неосценимый вклад в конечную победу. Китайский народ, по словам посла, неизменно помнит о советской помощи в его войне сопротивления японским захватчикам.

В послевоенные годы вслед за сложными изменениями в международной обстановке участились попытки некоторых государств не признавать и искажать итоги Второй мировой войны, вплоть до ревизии учебников истории для сокрытия или приуменьшения совершенных преступлений, что выходит за рамки научной проблематики, становится важной политической проблемой. Лишь при условии правильного отношения к истории, искреннего усвоения ее уроков возможно избежать повторения трагедии, подчеркнул посол, напомнив о Совместном заявлении Председателя КНР Ху Цзиньтао и Президента РФ Д.А. Медведева от 28 сентября 2010 г. с единодушным осуждением попыток исказить историю Второй мировой войны, реабилитировать нацистов и милитаристов. Данная конференция квалифицируется в приветственном послании посла как событие высокой практической значимости, пример сотрудничества Китая и России по защите истории Второй мировой войны, развитию их согласованности по данной проблематике.

Проанализировав в своем докладе международную значимость сотрудничества наших стран в годы антияпонской войны китайского народа, заместитель директора ИДВ РАН проф. *С.Г. Лузянин* подчеркнул, что на ее начальном этапе задача советской внешней политики заключалась в сохранении дружественных отношений с китайским прави-

тельством и китайским народом. Будучи в то время невоюющим с Японией союзником Китая, СССР оказал ему огромную финансовую и военно-техническую помощь, политическую и моральную поддержку. А вступление его в войну с Японией в августе 1945 г. послужило важнейшим вкладом в разгром Квантунской армии и освобождение Северо-Восточного Китая, что создало предпосылки для победы китайского народа под руководством компартии Китая в гражданской войне и образования КНР.

Даже в самые сложные периоды борьбы китайского народа, отметил докладчик, СССР не выступал, вопреки утверждениям некоторых западных и японских историков, за раскол Китая и не сталкивал КПК с Гоминьданом (подобные фальсификации проистекают из мифа, будто СССР желал использовать японо-китайскую войну для неких классовых целей и революционизации Китая). СССР был за единый и неделимый Китай, что нашло отражение в Советско-китайском Договоре, подписанном в Москве 14 августа 1945 г. Основным партнером СССР в Китае было в годы войны национальное правительство, возглавляемое Гоминьданом. Одновременно — в период деятельности Коминтерна и после его роспуска — советское руководство играло роль гаранта существования китайской компартии в рамках единого национального антияпонского фронта. Советский Союз, как свидетельствуют документы, добивался, чтобы правительство Чан Кайши не обостряло отношений с руководством КПК. Поддержка дела единства в Китае помогла китайскому народу удержать страну в общем фронте союзных держав во Второй мировой войне и определила успехи Китая в системе международных отношений, подчеркнул проф. Лузянин.

Конкретизируя проблематику советской помощи Китаю, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН *И.Н. Сотникова* отметила, что уже в начальный период войны эта помощь характеризовалась своевременностью и наибольшей в сравнении с другими странами масштабностью. Значение поставок оружия и военного снаряжения, военных советников и специалистов подтверждали многочисленные изъявления благодарности со стороны тогдашнего китайского правительства. Советская помощь существенно влияла и на внутривнутриполитическую обстановку в стране, определив, в конечном итоге, коммунистическую перспективу развития Китая.

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН *Р.А. Мировицкая*, говоря о советско-китайском взаимодействии в ходе войны, использовала ряд новых архивных материалов, свидетельствующих, что эта война явилась главным фактором, под воздействием которого складывались советско-китайские отношения. Принимая решение о широкомасштабной военно-технической, дипломатической и морально-политической поддержке Китайской Республики, советское руководство исходило из того, что расширение японской агрессии на китайском пространстве грозило бы дальнейшими изменениями баланса сил в регионе, усугубляя угрозу безопасности СССР.

То, что Япония не решилась на войну с СССР, означало, что ее правящие круги сознавали весомость советского военного потенциала и рискованность войны на два фронта (как и взвешенность стратегической внешнеполитической линии СССР на дальневосточном направлении). Последняя формировалась и уточнялась с учетом жизненных интересов СССР и Китайской Республики. Задача советской внешней политики в Китае накануне Второй мировой войны и на ее начальном этапе заключалась в обеспечении условий для успешного отражения Китайской Республикой японской агрессии. Даже не воюя с Японией непосредственно, СССР стал фактическим союзником Китая. И хотя время от времени между ними возникали разногласия, в целом их отношения носили конструктивный характер. По оценке Р.А. Мировицкой советско-китайское сотрудничество уже тогда носило характер стратегического партнерства, будучи обращено в будущее.

Главный научный сотрудник ИДВ РАН (доктор исторических наук) *Н.Л. Мамаева* пролила свет на тогдашнюю дипломатию СССР и США, на проблематику внутривнутриполитической стабильности в Китае. Изучение всех перипетий переговорного процесса представителей США, СССР, Гоминьдана и КПК позволяет, по мнению Мамаевой, прийти к выводу о значимости в формировании международных отношений на Дальнем

Востоке внутреннего фактора — единого фронта между Гоминьданом и КПК, значение которого в историографии несколько занижено. С другой стороны, налицо эффективность совместных действий дипломатии СССР и США на «дальневосточном фронте» Второй мировой войны. Объединенными усилиями антияпонской группировки в правительстве Чан Кайши, правительств СССР и США (их активной посреднической деятельности в урегулировании отношений Гоминьдана с КПК) удалось стабилизировать внутривосточную ситуацию, не допустить развития «конфликта их интересов» до уровня гражданской войны, таившей угрозу капитуляции Китая перед японским агрессором.

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН В.А. Гринюк отметил, что в научных кругах Японии имеют место вполне адекватные представления об ответственности японского милитаризма за агрессивные войны и колониальное господство. Объединенная группа китайских и японских ученых, сформированная для совместных исторических исследований, опубликовала в 2010 г. итоговый доклад. Несмотря на некоторые расхождения (например, по численности жертв нанкинской трагедии 1937 г.) ученые двух стран были едины в выводах, что японская армия совершала массовые убийства военнопленных и мирных граждан, как и изнасилования, грабежи, поджоги, и что японо-китайская война была агрессивной со стороны Японии. Сложнее задача — добиться аналогичного понимания у большинства японцев.

Известно, отметил эксперт, что вступление СССР в войну против Японии представляется Токио как вероломство, нарушение международного права, «агрессия Сталина». А один из основных аргументов о «незаконности оккупации северных территорий» строится на обвинении СССР в нарушении пакта о нейтралитете с Японией (тогда как сама Япония якобы добросовестно выполняла положения Пакта на протяжении всей войны). Однако факты и документы (в том числе японские) опровергают подобную версию, свидетельствуют, что смысл и содержание положений Пакта о нейтралитете были выхолощены и нарушены Японией задолго до 1945 г.

В докладе «СССР и Япония в годы Второй мировой войны» профессор Восточного университета А.А. Кошкин сосредоточился на вопросе о правомерности вступления СССР в войну против Японии и проблеме территориальных притязаний Японии. Опубликованные в Японии секретные стенограммы заседаний японского правительства и императорской ставки, подчеркнул эксперт, убедительно свидетельствуют, что японцы, особенно генералитет, не собирались следовать положениям Пакта о нейтралитете. 2 июля 1941 г. на императорском совещании было решено вступить в войну с СССР, если германское наступление будет развиваться успешно. Председатель Тайного совета Кадо Хара, обычно выступавший на таких совещаниях от имени японского монарха, заявил: «Все из вас согласятся, что война между Германией и СССР действительно является историческим шансом Японии... Мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... СССР должен быть уничтожен».

На протяжении всей войны Япония по согласованию с Германией сковывала советские войска, препятствуя их использованию на советско-германском фронте. Тем самым затягивался разгром Германии, увеличивались жертвы советского народа. В японской 106-томной «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» сказано: «В основе отношений между Японией и Германией лежала общая цель — сокрушить СССР... В военном министерстве считали, что Япония должна способствовать военным успехам германской армии... Под верностью Тройственному пакту понималось стремление не уступать Англии и США, обуздать их силы в Восточной Азии, сковать советские войска на Дальнем Востоке и, воспользовавшись удобным моментом, разгромить их».

Советское руководство, следовательно, имело все основания рассматривать Японию не как нейтральное, а как враждебное государство, активно помогавшее Германии в войне. Так же считали руководители США и Великобритании. Ф. Рузвельт и У. Черчилль сразу же после японского нападения на Пёрл-Харбор обратились к Сталину с

просьбой принять участие в войне против Японии. Окончательно этот вопрос был решен в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции союзных держав.

Командование США беспокоила угроза переброски Квантунской армии в метрополию, что значительно усилило бы японскую оборону в случае вторжения союзных войск. Предотвратить такое развитие событий могла только Красная армия. Американский генерал Дж. Маршалл отмечал: *«Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать».*

Готовясь к войне с Японией, Советский Союз руководствовался нормами международного права. Еще 5 апреля 1945 г. правительство СССР официально заявило, что денонсирует советско-японский Пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Это серьезное предупреждение давало японскому правительству возможность осознать бесполезность сопротивления и принять решение о капитуляции.

Вступление СССР в войну вынудило Токио согласиться с капитуляцией не только вследствие неизбежного военного поражения, но и по политико-идеологическим причинам. Опасение за сохранение в Японии монархической власти прозвучало в рескрипте императора «К солдатам и матросам» от 17 авг. 1945 г. В нем Хирохито, обойдя молчанием атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, назвал вступление в войну СССР в качестве основной причины капитуляции. Было прямо сказано: *«Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу».* В книге профессора Калифорнийского университета, этнического японца Цуёси Хасэгава также признается определяющее влияние вступления СССР в войну на решение Токио принять условия капитуляции.

Без вступления в войну Советского Союза американцы не смогли бы быстро покорить Японию даже с помощью атомного оружия. По расчетам американских штабов, для обеспечения высадки десантов на японские острова требовалось не менее девяти атомных бомб. Но после ударов по Хиросиме и Нагасаки таковых у США не осталось. *«Эти бомбы, сброшенные нами, — свидетельствовал военный министр США Генри Стимсон, — были единственными, которыми мы располагали, а темпы производства их в то время были весьма низкими».*

Включаясь в вооруженную борьбу на Дальнем Востоке, Сталин преследовал и геополитические цели. Ведь американцы намеревались занять после войны господствующее положение в обширном регионе Восточной Азии, в первую очередь в Китае. Это стремление усилилось после обретения Соединенными Штатами атомной бомбы. Продвижение американцев на территорию Китая было бы чревато поражением его коммунистических сил, установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Более того, в результате появления вооруженных сил США на китайско-советской границе СССР оказался бы в окружении англо-американских войск и в Европе, и в Азии. Это вкупе с обладанием атомным оружием могло поощрить западных союзников вернуться к идее вооруженной борьбы с Советским Союзом в целях «принудить Россию подчиниться воле США и Британской империи». В Европе планировалось использовать против СССР германские людские ресурсы (для чего в начале 1945 г. был разработан, по указанию У. Черчилля, план «Немыслимое»). На востоке в такую кампанию могли быть вовлечены миллионы китайских солдат.

Поддержанные советским руководством в результате разгрома Квантунской армии коммунистические силы Китая одержали в 1949 г. победу в гражданской войне. Была образована Китайская Народная Республика, заключившая с СССР Договор о дружбе, союзе и военной помощи. В том же году в Советском Союзе была успешно испытана атомная бомба. В мире формировался баланс сил, благодаря которому «холодная война» не переросла в ядерную — и этому тоже способствовала победа в августе 1945 г.

Небезынтересен вопрос об истоках нынешних территориальных притязаний Японии. Ей требовался враг для облегчения усилий по восстановлению страны, дости-

жения независимости, воссоздания экономики при опоре на американскую военную мощь. Поэтому ухудшение отношений с СССР отвечало, по мнению Токио, японским национальным интересам. Отсюда — жесткая позиция с требованиями немедленного возвращения всех островов, отказ обсуждать предложения о передаче части территорий.

Характеризуя политику Японии в отношении СССР в годы «холодной войны», проф. *Цуёси Хасэгава* отмечал: «Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза». Правомерно утверждение, что на фоне «холодной войны» так называемая территориальная проблема была не столько политической целью, сколько средством осуществления американской антисоветской стратегии: японский и российский народы стали заложниками этой своскорыстной политики США.

Руководитель Центра исследований Японии в ИДВ РАН, доктор исторических наук *В.О. Кистанов* также остановился на правомерности вступления СССР в войну с Японией. Токио, напомнил он, отстаивает такую версию: Советский Союз, развернув военные действия до истечения срока действия Пакта о нейтралитете, якобы нарушил международное право и захватил Южные Курилы незаконно. В действительности все было совсем не так.

Во-первых, все действия СССР в отношении Пакта о нейтралитете соответствовали целям и задачам ст. 1 и ст. 103 Устава ООН, подчеркнул ученый. Во-вторых, война с Японией была частью Второй мировой войны, в которой Япония выступала агрессором, будучи на стороне германского фашизма; СССР вступил в войну с ней на основе обязательств, данных союзным державам — США и Великобритании. Эти обязательства имели преимущественную силу над Пактом о нейтралитете с Японией, который Советский Союз денонсировал более чем за четыре месяца до своего вступления в войну (приоритет союзных обязательств закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций, который Япония одобрила, вступая в ООН, отметил *В.О. Кистанов*). В-третьих, Япония была не объектом военных действий, а ее субъектом, развязавшим войну против союзных Советскому Союзу держав — подписав Акт о безоговорочной капитуляции в 1945 г., японское правительство признало свою ответственность за агрессию. В-четвертых, действия СССР были правомерными и потому, что Япония неоднократно нарушала ряд положений Пакта о нейтралитете, оказывая значительную помощь Германии и ведя активную подготовку к войне против Советского Союза, что зафиксировано в документах Токийского военного трибунала. Таким образом, вступление СССР в войну против Японии было абсолютно правомерным актом, а ее итоги, включая передачу Курильских островов Советскому Союзу, явились следствием агрессивных действий японского правительства — как последовавшее наказание агрессора.

Анализируя уроки Второй мировой войны, профессор Военного Университета *В.П. Зимонин* констатировал: критический анализ ее историографии убедительно свидетельствует, что на всех этапах противодействия японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе Советский Союз проводил последовательную политику, направленную на облегчение положения стран-жертв японской экспансии, ослабление ее вооруженного натиска. Война Японии против Китая, вооруженные акции у границ СССР и в Монголии, как и завоевательные походы Германии в Европе, стали возможны, главным образом, из-за недалёковидной умиротворительной (а фактически — подстрекательской, антисоветской) политики стран Запада, повлекшей разжигание очагов войны по обе стороны Евразии в мировой пожар.

Неся основную тяжесть борьбы против немецко-фашистских войск и их сателлитов в Европе и, соответственно, не имея возможности непосредственно подключиться к военным действиям союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны, СССР, тем не менее, оттягивал на себя крупную Квантунскую группировку Японии, оказывая союзникам по антифашистской коалиции неоценимую помощь. После разгрома Германии, учитывая неспособность США, Великобритании и других союзни-

ков даже с применением атомного оружия принудить Японию к быстрой капитуляции, СССР, откликаясь на их настоятельные просьбы, вступил в эту войну и разгромил Квантунскую группировку, предопределив общее поражение Японии.

Один из главных уроков: нельзя потакать агрессии, «умиротворяя» (а точнее — поощряя) агрессора, как это было в начале 1930-х гг. по отношению к японской экспансии в Китае и в 1938 г., когда состоялся сепаратный мюнхенский сговор лидеров Англии и Франции с Гитлером и Муссолини, в основе чего лежали надежды повернуть агрессоров против СССР и их иллюзии о возможности самим избежать агрессии.

Следующий урок. И на западе, и на востоке Евразии победные точки в борьбе антифашистской коалиции с агрессорами поставил тот самый Советский Союз, который не только агрессорами, но и западными демократиями изначально рассматривался как основной объект их враждебной политики. В конце концов, именно он принес народам свободу и избавление от фашизма. Это стало наглядным примером верности союзническому долгу. Однако, соратники по антифашистской борьбе вскоре ответили ему развертыванием «холодной войны».

Еще важный урок: на Евразийском континенте, где зарождались и проходили все мировые войны современности, необходимо иметь эффективную институализированную международную организацию, способную коллективно решать проблемы комплексного обеспечения безопасности, с правом наложения санкций (вплоть до принуждения к миру силой) любого агрессора в самом начале его преступных действий. К сожалению, все предложения СССР по этому поводу накануне Второй мировой войны были проигнорированы не только государствами-агрессорами, но и западными демократиями.

Ответственный сотрудник аппарата губернатора и правительства Сахалинской области РФ *С.А. Пономарев* в своем выступлении заявил, что интересы государственной безопасности России, формирования ее образа во внутреннем и внешнем общественном мнении, воспитания будущих поколений, борьбы с фальсификацией истории требуют адекватного закрепления праздника Победы над милитаристской Японией в российском календаре. В условиях информационно-психологической борьбы по территориальному вопросу, ведущейся Японией против РФ, это послужило бы реальным рубежом защиты границ нашей Родины, показало бы абсурдность территориальных притязаний государства, потерпевшего военное поражение, к державе-победительнице. К тому же, подчеркнул он, идеология и психология, сливающиеся воедино в формулировке Дня воинской славы, имели бы — применительно к Курильским островам — и конкретное экономическое измерение, ибо могли бы стать основой для преодоления психологии временщичества и связанных с ней экономических и социокультурных потерь.

Если российские участники конференции часто акцентировались на значимости для Дальнего Востока боевых успехов СССР на европейском ТВД, то китайские участники, воздавая должное Советскому Союзу, уделяли повышенное внимание роли китайского Сопrotивления на Востоке для судеб европейского ТВД. Показателен доклад заместителя директора Китайского института международных исследований МИД КНР *Го Сянгана* на тему: «Китай и Советский Союз спасли человеческую цивилизацию, сражаясь плечом к плечу в годы Второй мировой войны». В войне за судьбы человечества, отметил китайский эксперт, народы разных стран сплотились во имя общей борьбы, и каждый внес свой вклад. Но наибольший вклад сделан народами СССР и Китая.

1. С точки зрения времени, Китай и СССР вели самую продолжительную войну. После поражения Франции британские войска отступили на свои острова. США поначалу обеспечивали союзные державы лишь материальной помощью. И хотя после вероломного нападения Японии на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. они объявили ей войну, открытия второго фронта против германских фашистов пришлось ждать до июня 1944 г., когда поражение Германии было предрешено. Англия до открытия второго фронта воевала на второстепенных фронтах (в Северной Африке, Южной Европе), тогда как Китай и СССР от начала до конца напрямую сражались с главными силами врага.

2. С точки зрения пространства, главными театрами военных действий во Второй мировой войне были СССР и Китай. Сапоги германо-японских фашистов не ступали на земли США и Англии. Франция продержалась всего 6 месяцев. Для захвата прочих стран Европы немцам хватило по несколько дней. Роль Запада во Второй мировой войне также важна, но она проявлялась преимущественно на периферии сражений.

3. С точки зрения итогов войны, смертельный удар фашизму нанесли СССР и Китай. На европейском ТВД Красная армия сдержала германский «блиц-криг» и развернула героическое контрнаступление. Она проявила железную волю и неустрашимый дух в ходе кровавых сражениях, совершила великий исторический подвиг ради победы в мировой антифашистской войне.

На азиатском ТВД после захвата в 1931 г. японскими милитаристами трех Северо-восточных провинций Китая КПК собрала единую антияпонскую армию из более, чем 40 тыс. чел., повела партизанскую войну, положив начало Сопротивлению. В ходе начатой в 1937 г. восьмилетней антияпонской войны народ Китая удерживал на своей территории более половины военных сил Японии. По подсчетам, приведенным докладчиком, количество сухопутных частей Японии, занятых в 1939 г. на китайском ТВД, составило 83% от общей численности ее войск, в 1940—78%, в 1941—70%. За 8 лет войны в Китае было уничтожено более 1 млн 550 тыс. японских солдат. В общей сложности (вместе со 170 тыс. японцев уничтоженных китайским народом в Дунбэе) — 1 млн 720 тыс. чел. Всего на китайском ТВД было выведено из строя (убитыми, ранеными, сдавшимися в плен) более 3 млн японских военных, или свыше 75% всех потерь японской армии во Второй мировой войне.

К моменту капитуляции Японии в освобожденных районах Китая было основано 19 крупных территориальных баз. С весны 1944 г. они развернули стратегическое контрнаступление, постепенно выдавливая японских захватчиков в большие города, к железнодорожным линиям, небольшим опорным зонам вокруг населенных пунктов и закладывая фундамент для окончательной победы в 1945 г.

По оценке китайского эксперта, ввиду различий в положении каждой из стран, в войне сопротивления китайского и советского народов наблюдались и сходство, и различия. Сходным было следующее:

1. Огромные жертвы. Поскольку Китай оказался главным театром военных действий в Азии, на его долю выпали наибольшие потери, превысившие 35 млн чел.; прямой экономический ущерб превысил 100 млрд долл. США (при косвенном ущербе около 500 млрд долл.). Точно так же, территория СССР была главным ТВД в Европе. Советский народ заплатил за победу жестокую цену: погибло 27 млн чел, в том числе 18 млн мирных жителей. Практически в каждой семье были раненые и погибшие. В СССР было полностью или частично разрушено 1710 городов, более 70 000 деревень, 31 850 промышленных предприятий.

2. Сильная воля. Перед лицом жестокого врага народы Китая и СССР проявили дух беззаветного самопожертвования. Хотя китайский народ был плохо вооружен, но он осмеливался выходить на врага «с одним мечом», породил многих героев, явил всему миру пример того, как слабый побеждает сильного, укрепил веру и храбрость оккупированных наций, ведших освободительную войну. Советский народ поразил весь мир самозабвенным духом и борьбой с врагом за каждый дом и каждую улицу при обороне Сталинграда. Без таких духа и воли было бы невозможно победить столь жестоких врагов человечества.

Имелись и различия. Так, у СССР была мощная экономическая база, развитая промышленность, политическое единство, Китай же имел слабую экономическую базу, отсталую промышленность, был политически раздроблен. Проявились различия и в других сферах:

1. Длительность войны. СССР потратил на разгром фашистской Германии 4 года, а затем участвовал в разгроме Японии. Китаю довелось воевать 14 лет.

2. СССР вел в основном классическую войну (партизанская война была вспомогательной). Китай же сочетал партизанскую войну с классической.

3. После изгнания германских фашистов со своей территории советские войска дошли до Берлина и освободили немецкий народ, как и оккупированные германскими фашистами страны Восточной Европы. Китай же, кроме отправки войск для помощи Бирме, воевал с Японией, в основном, на своей территории.

СССР разбил германских фашистов, не позволив им высвободить военные силы для помощи японским фашистам. Тем самым он помог китайскому народу сконцентрироваться для борьбы с ними. К тому же, после разгрома фашистской Германии, Красная армия перебросила войска на восток, быстро разгромила мощную японскую Квантунскую армию, помогла китайскому народу одержать более скорую победу в антияпонской войне. Китайский народ будет всегда помнить подвиг советского народа.

Хотя Китай не посылал солдат для участия в боях с германскими фашистами, однако своими громадными национальными жертвами он, по словам китайского эксперта, внес важный вклад и в разгром Германии Советским Союзом. Изначально, после оккупации Северо-Востока Китая, Япония планировала вторгнуться на север в Советский Союз. Но благодаря развернувшейся после августа 1937 г. всекитайской войне Сопrotивления она оказалась сильно обескровленной. Китай сковал большую часть ее сухопутных войск и ВМС, разъединил силы германских и японских фашистов, вынудил японские войска воздержаться от легкомысленного и авантюрного продвижения на север. Тем самым для СССР снизилась угроза войны на два фронта. Как справедливо сказал японский историк, «Квантунская армия погрязла в карательных операциях (в Китае), из-за чего первоначальные стратегические планы подготовки к войне с СССР не получили развития».

История свидетельствует, сказал в заключение китайский эксперт: героические китайский и российский народы внесли огромный вклад в разгром жесточайшего в истории врага человечества. Народы наших стран должны помнить этот этап истории, хранить скрепленную кровью дружбу наших народов и геройский дух старших поколений, ценить современную мирную обстановку, развивать и углублять отношения взаимного стратегического партнерства, беречь мир и стабильность во всем мире, дабы человечество никогда не подвергалось бедствиям и насилию.

Другие китайские участники конференции поднимали вопрос о необходимости уточнения даты начала Второй мировой войны, учитывая не только события на европейском театре военных действий, но и агрессию Японии против Китайской республики, вооруженные конфликты на Хасане и Халхин-Голе. С таким подходом солидарны и некоторые российские эксперты.

Завершая работу конференции, профессор С.Г. Лузянин поблагодарил всех ее участников за проделанную работу. Он отметил, что изложенный в докладах и выступлениях фактический материал представляет большой интерес, имеет научную и практическую ценность. В ближайшем будущем, резюмировал он, задача российских ученых — совместно с китайскими коллегами, опираясь на архивные материалы, воспоминания участников и очевидцев японо-китайской войны и завершающего периода Второй мировой войны на Дальнем Востоке, создать целостную, правдивую картину тех событий.

И цзин в XXI веке.

5-я международная ицзиноведческая конференция в Сянгане

С 15 по 18 сентября 2010 г в Сянгане проходила 5-я международная ицзиноведческая (*исюэ*) конференция, организованная Международным обществом по изучению *И цзина* (International Association of I-Ching Studies — *IAICS*). Конференция собрала более 400 специалистов в области ицзиноведения из разных стран мира.

Международное общество по изучению *И цзина* (*Канона Перемен*) объединяет ряд ведущих национальных исследовательских центров (в континентальном Китае и на Тайване, в Японии, Корее, Малайзии, Новой Зеландии США, в Европе, включая Россию т.д.) и координирует работу ученых в самых различных областях ицзиноведения. Таких, например, как анализ всевозможных философских интерпретаций *И цзина*, разработка историко-филологических аспектов этого древнейшего памятника синоцентричной цивилизации, изучение многообразных связей *И цзина* с философией, методологией и наукой Древнего Китая и т.п.

Создание Российского общества изучения *И цзина* было продиктовано всей логикой развития научных исследований *Канона Перемен* в нашей стране. К концу 1990-х гг. ситуация в отечественном ицзиноведении складывалась неблагоприятно: крупнейшим достижением оставался едва ли не столетней давности труд Ю.К. Щуцкого, а более свежие разработки по большей части представляли собой не более, чем кустарные упражнения дилетантов (как правило, с совершенно недостаточным уровнем китаеведческой подготовки). Положение усугублялось неумной активностью разномастных энтузиастов-исследователей *Канона Перемен* (как правило, представителей инженерно-технических — во всяком случае, негуманитарных специальностей), не имевших никакого отношения к синологии, но по причине хаоса, охватившего Россию на рубеже двух тысячелетий, получивших полную свободу для бесконтрольной публикации сколь угодно бредовой отсебятины.

Чтобы выбраться из тупика и создать условия для серьезного изучения *И цзина* требовалось, прежде всего, преодолеть провинциальную оторванность от мировой науки (чреватую такими курьезными «открытиями» как, например, изобретение абсурдной «нумерологической методологии», якобы содержащейся в *И цзине*, и прочими доморощенными российскими фантазмами) и выйти на международный научный уровень. Именно поэтому 12 лет назад и был образован российский филиал Международного общества по изучению *И цзина*. В него вошли такие известные специалисты по идеологии Древнего Китая, как д. филос. н., проф. В.Г. Буров, д. филол. н., проф. А.М. Карапетянц, д. филос. н., проф. А.И. Кобзев, д. филос. н., проф. А.Е. Лукьянов, к. ист. н. А.Г. Юркевич. Возглавил Российское общество изучения *И цзина* к. ист. н., д. филос. н. А.А. Крушинский.

В настоящее время положение дел с изучением *И цзина* в России отличается неоднозначностью. С одной стороны, намечился долгожданный переход от бесконечных переизданий Ю.К. Щуцкого, а также процветающего в нашем отечестве «жанра» перевода с переводов и столь же вторичных ознакомительных работ справочного характера (всевозможных научно-популярных изданий, изобилующих ляпами со стороны фактологии и анахронизмами со стороны теории, однако же, без ложной скромности

позиционирующих себя в как «вершинных достижений» отечественной синологии) к научному жанру специальных статей и монографий. С другой стороны, нарастает угрожающая тенденция к коммерциализации и профанации ицзиновской тематики: удачно «вписавшиеся в рынок» дельцы, паразитируют на модной ныне китайской экзотике, назойливо симулируют «научную» деятельность, фабрикуя уродливые симулякры.

Как бы то ни было, появление Общества ошутимо оздоровило атмосферу в отечественном ицзиноведении: за время, прошедшее с момента его учреждения, появился ряд работ, выполненных на вполне достойном уровне (достаточно назвать проведенное Н.Ю. Агеевым в серии публикаций первое в отечественной науке серьезное исследование творчества таких виднейших представителей ханьской ицзинистики, как Мэн Си и Цзин Фан). Наконец, впервые Россия оказалась представленной на таком авторитетном международном форуме, как нынешняя международная конференция, пленарным докладом главы Российского общества изучения *И цзина*, вызвавшим большой интерес присутствующих.

Работа конференции шла по 5 секциям, на которых обсуждался широкий круг вопросов: от сугубо академичной темы истории ицзиноведения до весьма злободневной проблематики, связанной с ролью *Канона Перемен* в современном мире (1. «Ицзиноведение и становление нового мирового порядка»; 2. «Ицзиноведение и религия»; 3. «Ицзиноведение и научно-технические знания»; 4. «История ицзиноведения»; 5. «Ицзиноведение и самокультивация»). Отличающий китайцев дух историзма — укорененность в собственном прошлом и обостренное ощущение нерушимой преемственности своей многотысячелетней культурной традиции — обусловил соответствующую расстановку акцентов. Ведущей на форуме стала тема злободневности *И цзина*, причем в предельно актуализированной и глобализированной редакции: «*Ицзиноведение и становление нового мирового порядка*».

Мотив актуальности особенно громко прозвучал во вступительном слове директора сянганского института китайской культуры, проф. Хэ Чжипина. По его мнению, расстановка сил в XXI в. радикально меняется: Восток неуклонно теснит Запад. В мире складывается совершенно новая политическая конфигурация («мировой порядок»), и именно стратегическая мудрость *И цзина* способна помочь Китаю в выборе верного фарватера.

Глобальность постановки проблемы очень отчетливо была проартикулирована главой «Международного общества по изучению *И цзина*», крупнейшим специалистом по историко-научным интерпетациям *Канона Перемен* проф. Дун Гуанби. В докладе, озаглавленном «Мировой порядок информационной (букв. — «битовой», т.е. «двончнознаковой») эпохи», он, развивая популярный тезис о наступлении постиндустриальной, т.е. информационной, эпохи и отталкиваясь от характеристики (принадлежащей американскому ученому Н. Негропonte) этой эпохи как «битовой», провозглашает систему ицзиновских триграмм и гексаграмм (базирующихся на двончной идеологии Инь-Ян) самым ранним провозвестником «битового мышления», а тем самым — и информационной эпохи.

Действительно, еще Г. Лейбниц был потрясен возможностью представления 64 гексаграмм *Канона Перемен* как последовательности 64 натуральных чисел (от нуля до 63), записанных в открытой им двончной системе счисления. Великий немецкий математик и философ не мог и предположить, что его, казалось бы, совершенно умозрительная — мотивированная преимущественно теологическими соображениями — конструкция, спустя два с половиной столетия станет главным языком общения человека с «разумными» машинами.

Дун Гуанби уверен, что мир сейчас находится на переломе: переходе от «эпохи атома» к «эпохе бита». Признавая античные истоки атомистики, он именно в *И цзине* видит предтечу «битового мышления», которое идет на смену идеологии атомизма. Отсюда насущность задачи преобразования этого изначального ицзиновского провозвестия в отправную точку новой информационной цивилизации будущего.

Тезис о нарастающей актуальности *И цзина* требует ответа на вопрос о том, что собственно делает его таким актуальным, в чем же его непреходящая значимость. В са-

мом общем виде ответ уже был дан выше: это стратагемность и, в частности, так сказать, «стратегия двоицы» (т.е. мышление посредством бинарных оппозиций). Но, конечно же, этот ответ нуждается в конкретизации. Наиболее информативные из подобных конкретизаций содержались в докладах, посвященных стилю традиционного китайского мышления и замечательным китайским работам в области искусства управления.

Полнее всего особенности китайского стиля мышления были раскрыты в докладе известного тайваньского ученого, проф. Чжу Гаочжэна. Он говорил о так называемом «Тайцзи-мышлении» (*Тайцзи* — «Великий Предел» — одно из важнейших понятий *Канона Перемен*) в условиях стремительно меняющегося мира. По Чжу Гаочжэну, графический символизм *И цзина* являет собой формализованную систему «Тайцзи-мышления», главные принципы которого суть во-первых, графическая наглядность представления самых абстрактных теоретических концептов, во-вторых, методологический принцип целостности и, в-третьих, «диалектичность» (имеется в виду антитетичность китайской мысли — установка на оперирование с полярными противоположностями).

Чжу Гаочжэн полагает, что события предыдущих десятилетий убедительно демонстрируют огромные возможности «Тайцзи-мышления», способного вывести на некий третий (т.е. и не капиталистический, и не социалистический) путь развития. В качестве подтверждения он ссылается на успехи материкового Китая, совершившего в первое десятилетие XXI в. беспрецедентный экономический рывок. Впечатляющие достижения персонафицируемого Дэн Сяопином нового социально-экономического курса означают, по мнению тайваньского ученого, серьезный вызов господствовавшему в мире на протяжении последних пяти веков европоцентризму и знаменуют долгожданный возврат КНР к отличающему китайцев уникальному «Тайцзи-мышлению».

Благодаря умелому использованию диалектики взаимоотношений всевозможных полярностей (в которых манифестируется основополагающая полярность Инь-Ян) снимается противоречие между социализмом и капитализмом («и при социализме тоже есть место рынку, и при капитализме также осуществляется планирование»). В качестве подтверждения осознанности и теоретической продуманности подобной тактики Чжу Гаочжэн ссылается на такие, например, вызывающе парадоксальные слоганы Дэн Сяопина, как «один центр — две базовые точки», «остерегаясь левизны, не противостоять левизне», имеющие, как он полагает, несомненно ицзиновские истоки.

Что касается искусства управления по *Канону Перемен*, то центральной темой данного круга вопросов является раскрытие и анализ тех параметров идеального руководителя, которые приводятся *И цзине*. Этот сюжет самым подробным образом был рассмотрен в докладе основателя и главы тайваньского филиала «Международного общества по изучению *И цзина*», проф. У Цювэня.

Свою экспозицию ицзиновского видения эталонного лидера он строит на образах гексаграммы № 1 *Цянь* (Крепость) и сентенциях поясняющих ее текстов. Данная гексаграмма структурирует динамику прогрессирующего (вплоть до трагического финала) карьерного роста лидера («благородного мужа»), метафорически уподобляемого дракону: на первом шаге этот дракон сокрыт в глубине вод (так сказать, «пребывает под спудом»). На втором шаге он уже выполз на сушу (так сказать, «являет себя миру»). На третьем — «благородный муж» пребывает в усиленных трудах. На четвертом шаге дракон готовится взлететь (т.е. «совершить прорыв»). На пятом — он парит в поднебесье (кульминация его карьеры). На последнем — роковом — шаге его подстерегает крах: «Возгордившегося дракона ожидает раскаяние».

Лаконичные афоризмы и пространные пассажи, разъясняющие специфику каждой из шести позиций социальной иерархии и формулирующие соответствующие предписания, поразительны по глубине проникновения в суть дела и весьма информативны с точки зрения выбора оптимальной линии поведения.

В Китае мы сталкиваемся с существенно иным, нежели в западной мысли способом мышления, базирующимся не на интуиции отдельной «вещи»¹ (соответственно класса однородных «вещей»²). В качестве базовой идеализации здесь выступает гораздо более софистичное представление о деятельности/событийности (когда первичным предметом рассмотрения служат не собственно вещи, а прежде всего действия, совершаемые в отношении вещей или же события, с ними происходящие). Отсюда исключительная роль операциональности и конструирования в китайском менталитете: внимание сфокусировано на операциях, а не на объектах, над которыми производятся операции.

Графический символизм *Канона Перемен* делает зримым этот изначальный динамизм китайского мышления. Ведь гексаграмма — это не что иное как удвоенная («стратегия двоицы»!) триада. В свою очередь троичность знаменует априорность — как для человеческой деятельности, так и для исторической событийности — следующей самоочевидной деятельностно-событийной структуры: начало-продолжение-завершение.

Вот почему шестеричная схема, визуализируемая 64 гексаграммами *И цзина*, несмотря на свою относительную простоту и почти вызывающую (на вкус современного человека) произвольность — проявила себя удивительно плодотворно в качестве универсальной категориальной схемы китайской мысли и теоретико-методологического фундамента как китайской традиционной науки, так и аналогичных культурных феноменов большинства других стран Дальневосточного региона. К настоящему времени она благодаря неуклонно растущей во всем мире популярности *И цзина* уже шагнула далеко за границы Поднебесной и ее традиционного культурного ареала.

Обычно нынешнюю экономическую успешность Китая и ряда других стран, принадлежащих синоцентричной цивилизации, объясняют приверженностью населения этих стран исконной конфуцианской морали. При этом слишком часто упускается из виду тот самоочевидный для носителей этой морали факт, что наиболее глубоким и системным выражением столь полезной системы ценностей является как раз таки *И цзин*. Далеко не случайно государственный флаг Южной Кореи — одного из дальневосточных «драконов» — украшает изображение триграмм *И цзина*. Так что лейтмотивом звучавшая на состоявшейся конференции вера в путеводительную миссию древнейшего и авторитетнейшего из всех конфуцианских канонов — *Канона Перемен* — на поверку вовсе не столь удивительна, как могло бы показаться.

Следует отметить прекрасную организацию конференции. Большая заслуга в этом принадлежит председателю оргкомитета профессору Цю Лянхуэю.

© 2011

А. Крушинский,
доктор философских наук

1. Исходным вопросом греческой мысли является вопрос о том, «Что есть сущее?» (ti to on). См., например, Аристотель. *Метафизика*. М., 1976. Т. 1. С. 188.
2. Эволюционировавшее в основополагающее для современной науки квазиматематическое понятие «множества».

Contents

DOCUMENTS

Joint Communiqué of the 10th Meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China

THE TENTH CONFERENCE OF SCIENTISTS FROM RUSSIA, INDIA AND CHINA

Press-Release of 10th Tripartite Conference of Scientists from Russia, India and China

S. Luzyanin. SCO: Security Issues and Prospects for Cooperation in Eurasia

M. Mohanty. Potentiality of RIC in Addressing Global and Regional Problems

Zhou Gang. Sino-Indian Relations in the Tripartite Sino-Russian-Indian Cooperation

S. Uyanaev. RIC: Problems and Prospects of Sectoral Dialogue

L. Noronha. The Copenhagen Agreement and Cooperation in the RIC Format

Zhao Jun. Security Problems in Central Asia and the Expandability of Cooperation between China, Russia and India in the Field of Security

"FAR EASTERN AFFAIRS" ROUNDTABLE: THE CHANGING CHINA IN A CHANGING WORLD

POLITICS

A. Zhebin. The Korean Peninsula: the Dangerous Theshold

V. Portyakov. The PRC Foreign Policy Tools in the Process of Modification

ECONOMY

M. Potapov. China During and After the Global Crisis

V. Nekhoroshkov. Prospects for the Development of the Project to Connect the Trans-Siberian and Trans-Korean railroads: Investment Aspect

HISTORY

R. Medvedev. China and the Soviet Union's Collapse

SCIENTIFIC EVENTS

A. Klimenko. Russian-Chinese Scientific Conference in the IFES "The Role of the Soviet Union and China in Achieving Victory in World War II

A. Krushinsky. 5th International Conference in Hong Kong on I-Ching (Yijing) Studies

Contents

Summary

Summary

S. Luzyanin. SCO: Security Issues and Prospects for Cooperation in Eurasia

The article examines the problems of the SCO, the expansion of the Organization, the key parameters of the trilateral cooperation between Russia, India and China (RIC) in the context of the integration capabilities of the SCO. It provides an overview of the main Russian expert scientific assessments concerning the prospects of its development.

Key words: SCO, RIC, Eurasia, geopolitics, regional security, India, China, Russia.

M. Mohanty. Potentiality of RIC in Addressing Global and Regional Problems

The author examines the important role of the RIC format in regional and international affairs at the present stage and prospects of its influence on the further development of international relations.

Key words: RIC, global issues, regional issues, the role of RIC in international relations.

Zhou Gang. Sino-Indian Relations in the Tripartite Sino-Russian-Indian Cooperation

The author reveals the main features of modern Sino-Indian relations in the context of the tripartite cooperation between China, Russia and India, gives a description of the Sino-Indian relations of strategic partnership and cooperation, and forecasts the prospects for their future development.

Key words: tripartite cooperation between China, Russia and India, the modern Sino-Indian relations, the prospects for Sino-Indian partnership.

S. Uyanaev. RIC: Problems and Prospects of Sectoral Dialogue

The article discusses the features of the present stage in the development of Russia-India-China sectoral dialogue, which refers to the tripartite cooperation in practical industrial and economic fields. Issues of further promotion of sectoral interaction within the RIC format are analyzed against the background of the processes occurring in other similar international formats, particularly IBSA (India-Brazil-South Africa).

Key words: RIC, IBSA, sectoral dialogue, international cooperation.

L. Noronha. The Copenhagen Agreement and Cooperation in the RIC Format

The article discusses the issues and concerns related to the Copenhagen agreement, and considers the response of RIC countries to climate debate that followed the conference in Copenhagen. It further develops the discussion at the 9th Tripartite Conference of Scientists from Russia, India and China on the similarities and differences in national policies of three countries and proposed actions and plans in respect of climate change.

Key words: Copenhagen agreement, climate change, Russia - India - China, the prospects of trilateral cooperation.

Zhao Jun. Security Problems in Central Asia and the Expandability of Cooperation between China, Russia and India in the Field of Security

The author analyzes the challenges to security in Central Asia. He believes that achieving security in the region is very important for China, Russia and India. He makes a conclusion that three great powers have enormous potentiality for cooperation in strengthening security in Central Asia.

Key words: Central Asia, security concerns, the cooperation of China, Russia and India, Central Asia.

“Far Eastern Affairs” Roundtable: The Changing China in a Changing World

The main features of the domestic policy of China and its positioning in the Modern world are analyzed. The actual problem of Beijing's relations with the world's leading States and some neighboring countries have been discussed. Panellists concluded that increased economic power of China is already beginning to manifest itself in its conduct in the international arena.

Key words: People's Republic of China, politics, economics, positioning in the world, international relations.

A. Zhebin. The Korean Peninsula: the Dangerous Threshold

Analyzing the situation on the Korean Peninsula in 2010, the author, describing his version of events, finds that the sharp rise in tensions in the area had been caused mainly by South Korea and the US that support solving of nuclear and other problems of the Korean Peninsula by means of the elimination of the DPRK as a sovereign state. The author believes that the reasons for worsening conflict in Korea could not be understood outside the context of the development of very contradictory relations between China and the US - main sponsors and allies of the two Koreas.

Key words: Korean Peninsula, geopolitics, security, the nuclear issue, conflict, regime change.

V. Portyakov. The PRC Foreign Policy Tools in the Process of Modification

The article examines the process of updating the foreign policy tools of China in the last twenty years. Examined in detail are such areas the promulgated and implemented by Beijing policy of partnership, which is addressed to most of the countries in the world as well as the neighborhood policy, which targets the States bordering with China by land or sea. The author investigated changes in the positioning of China in the UN and the evolution of China's approach to reforming that organization.

Key words: People's Republic of China, foreign policy, tools, partnership, good neighborliness, positioning, the United Nations.

M. Potapov. China During and After the Global Crisis

The author analyzes the status and prospects of China's external economy sector in recent years. He notes a number of favorable factors for further dynamic development of the Chinese economy.

Key words: China's economy, global crisis, foreign direct investment, strengthening of the yuan, foreign debt, foreign exchange reserves.

V. Nekhoroshkov. Prospects for the Development of the Project to Connect the Trans-Siberian and Trans-Korean Railroads: Investment Aspect

The project to connect the Trans-Siberian and Trans-Korean Railroads offers great opportunities to attract foreign investment to the regions of Siberia and the Far East, rich in minerals. Besides it could also affect the dynamic development of trade between the countries of

South-East Asia and Russia. In accordance with the Transport Strategy and the Strategy of Development of Railway Transport till 2030, this project may include individual investment projects, such as the Baikal-Amur Railway, Industrial Urals, Polar Urals, Transcontinental, the Mainland-Island Sakhalin.

Key words: Trans-Korean Railway, Trans-Siberian Railway, foreign trade, foreign direct investment strategy.

R. Medvedev. China and the Soviet Union's Collapse

The article represents a chapter of a new, ready-to-print book "The Rise of China" by famous Russian historian Roy Medvedev. The author presents his point of view on events in China during the visit there by Mikhail Gorbachev in 1989.

Key words: Sino-Soviet relations until 1989, Mikhail Gorbachev's visit to China in 1989, the events at Tiananmen Square.

Поправка

В №6 журнала за 2010 г. был неверно указан электронный адрес Л.А. Понкратовой. Правильный e-mai: liuda-ponkrat@rambler.ru. Редакция приносит извинения автору.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.paukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 25.12.2010 г. Подписано к печати 24.01.2011 г. Формат бумаги 70x100 1/6
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 9,5 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 598 экз. Зак. 987

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2011 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания, Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.